

Я. В. МАЛКОВ

ДРЕВНЕРУССКОЕ
ДЕРЕВЯННОЕ
ЗОДЧЕСТВО

Издательский Дом "Муравей"

Москва 1997

ooooooooo ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА ooooooooo

В книге рассказывается об архитектуре, единственным исходным материалом которой было дерево, а единственным орудием возведения - топор. Главным заповедником деревянного зодчества исторически стал Север России, где уже с XI века началось освоение земель новгородцами. Это - обширные земли бассейна Онежского озера и Белого моря, рек Сухоны, Онеги, Северной Двины, Вычегды, Пинеги, Мезени. Вплоть до конца XVIII века здесь создавались деревянные шедевры: клетские церкви и часовни, шатровые, кубоватые, ярусные, многоглавые церкви, колокольни, а также архитектурные ансамбли: деревни, села, погосты, крепости и монастыри.

Моей внучке Алине посвящается

*Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем,
У каждой эпохи свои подрастают леса...
А все таки жаль...*

Б. Окуджава

ВВЕДЕНИЕ

Термины и слова - “зодчество”, “здание”, “Создатель” и их многочисленные производные имеют общий корень - древнее славянское слово - “зъд”, что значит глина. И архитектор, строивший “каменные” здания и вылепивший нас по своему подобию Бог, имели дело с общим исходным материалом - глиной.

В данной книге речь пойдет о деревянной архитектуре, единственным исходным материалом которой было дерево, а единственным орудием возведения построек был топор.

Поэтому название книги - дань традиции. Ее правильное было бы назвать “Древнерусское плотницкое искусство”.

И пусть не покажется кощунственным сочетание “плотник” и “искусство” .

Более того, если в каменном строительстве между ремеслом и искусством - зияющая, непроходимая пропасть, то в деревянном строительстве такой пропасти нет. И тайна сия, быть может, не столько и не только в мастерстве строителей, но и в особых свойствах материала - податливого, теплого, с постоянной игрой ок-

руглостей и неровностей со строгой геометричностью линий зданий.

Главным заповедником деревянного зодчества (продолжим пользоваться этим термином) исторически стал Север России. Уже с XI века началось освоение этих земель новгородцами, продолжено было Ростовом и Владимиром, а затем Московским государством. Это обширные земли бассейна Онежского озера и Белого моря, рек Сухоны, Онеги, Северной Двины, Вычегды, Пинеги, Мезени. Вплоть до конца XVIII века здесь создавались деревянные шедевры.

История изучения памятников многовекового древнерусского деревянного зодчества кратка - немногим более века. На сей счет было, по-видимому, несколько причин. Во первых, деревянная архитектура рассматривалась как рутинный атрибут традиционной, консервативной старины и не включалась в сферу искусства. Во вторых, средства коммуникаций в России до середины XIX века весьма затрудняли доступ к самим памятникам деревянного зодчества, большинство которых находилось в трудно доступных местах, главным образом на Севере. Заметим, что эта трудность, хотя и в ослабленном виде, но сохранилась и в наше время. Третья причина, по-видимому, коренилась в традиционном "официальном" отношении к деревянному зодчеству, сохранившему с древности органическую связь с языческой культурой восточных славян и других племен и народов, населявших Север, что не только не одобрялось, но и всегда преследовалось.

По латыни идолопоклонничество - "PAGANUS". В такой транскрипции это звучало и по русски без всяких скидок на художественные достоинства языческого наследия: "из Московии многие пути ведут к поганым народам, которые слывут печорою" (чудь, весь и др.). В завещании Ивана III 1505 года земли при впадении Суры в Пинегу названы "Сура поганая".

Первый пример "принципиальности" по отношению к языческому искусству явил сам Великий князь Владимир - Красное Солнышко. До принятия христианства он много и истово воздвигал языческие святилища, пытаясь приспособить языческих богов на службу великокняжескому престолу. Известны по летописям такие учрежденные им святилища с Перуном, Велесом и другими языческими богами в Киеве, Новгороде, Ростове. Но тотчас же после крещения согласно начальной летописи "послав нача поминати чади и даяти на учение книжное и повеле рубити церкви и поставляти по местом, идеже стояху кумиры"...

Согласно Ростовской летописи Владимир "повеле поставити посреде града Ростова великую божницу и в ней поставити Бога

Велеса". В "Велесовом дворище" (близ будущей деревни Ангелово) по распоряжению Владимира был поставлен грандиозный идол Велеса. У него была позлащена голова, а сам был дубовый, полый. Для жреца внутри его была лестница к устам и очам бога, из которых издавались прорицания и источались воскурения. А городской Велес был "из камня многоцветна".

А вскорости тот же Владимир "повеле храмины идольские сокрушати вельми нещадно и посла бирючи своя глашатаи во вся концы града Ростова и по весем его да идут вси людие во град ко крещению и аще кто необрящется у терема княж иже на берегу озера богатый или убогий нищ или раб противен мне да будет"...

Воистину трудно жить народу на Руси святой!

А в XVII веке после реформы Никона дело усугубилось массовым оттоком раскольников на север, возведением там старообрядческих церквей, монастырей, скитов, что по тем временам было худшим видом диссидентства. Северные земли называли "полянкой лесовольной".

В 1871 году состоялась, по-видимому, первая целенаправленная поездка Л.В.Даля для изучения памятников русского Севера. За ним последовали В.В.Суслов и Ф.Ф.Горностаев, с именами которых по праву должно быть связано начало систематического изучения древнерусского деревянного зодчества.

В 1888 году в очерке "О древних деревянных постройках северных окраин России", вошедшим затем в книгу [1], В.В.Суслов писал: "До настоящего времени все труды наших ученых и художников по исследованию древнего русского зодчества были направлены только на изучение каменных образцов его, исследование же деревянной архитектуры, если и не совсем, то заметно игнорировали".

В этом же очерке В.В.Сусловым была высказана тревога, которую разделили искусствоведы России:

"...время, неумолимый сокрушитель, висит дамокловым мечем над немymi свидетелями глубокой старины, и уже близка пора, когда они бесследно исчезнут с лица Русской земли и навсегда сокроются от летописей и преданий народной жизни". [1].

Интерес к изучению древнерусского деревянного зодчества существенно расширился и углубился после поездки И.Э.Грабаря на Север в 1901-1902 годах и выхода после этого 1 тома "Истории русского искусства", в котором совместно с Ф.Ф.Горностаевым был напечатан раздел "Деревянное зодчество русского Севера" [4] с большим количеством замечательных иллюстраций, представляющих сейчас особый интерес, ибо большинство изображенных там памятников до наших времен не дожили.

С тех пор были проведены систематические исследования ряда крупных знатоков деревянного зодчества, позволившие реконструировать и реставрировать целый ряд прекрасных памятников старины - Р.М.Габе, П.Н.Максимов [25, 28], А.В.Ополовников [3, 7, 6], Ю.С.Ушаков [9] и др.

Но время и люди продолжали вершить свой несправедливый суд. Подсчитано, что только с 1970 года на Севере погибало примерно по 3 первоклассных памятника ежегодно. В этой связи в последние десятилетия была предпринята попытка спасения деревянных памятников сведением их в условные ассоциации - музеи под открытым небом. Проблема их охраны при этом в основном решалась, но и потери были очевидны. Будучи изъятыми из органического пространства, главным украшением которого они были, они теряли сами в зрелищности, не говоря уж о том, как осиротели места, где они стояли.

Начиная с истоков истории восточных славян дерево давало человеку тепло, свет, веру, силу наконец. У славян-язычников дерево было и святыней:

“...поклонение обычно обращается не к духу, живущему якобы в дереве, а именно к самому дереву: соприкосновение с последним целительно, его кора целительна, его сок может превратиться в кровь; дереву как таковому молятся - “свято дерево, отпусти” - и ему приносят в жертву хлеб, соль, яйца, украшают его как живое существо ленточками, нитками и т.д.” [26].

О том, какую значительную роль играл лес в жизни русского человека, можно судить по обилию названий леса и придаваемых оттенков этим наименованиям. Дремучие леса в Европейской России назывались тайбола, в Западной Сибири - урмань, в Восточной Сибири - тайга. Опушка леса - раменье. Медведь любит раменье, так как оно ближе к овсам и само поросло ягодами. Сосновый лес в болотистой низменности - мендовый, мяндач. Сосновые леса на су-песи - бор. В бору сосна звалась конда. Боровой лес - кондовый. Кондовые сосны вызревали до 350 лет. Пойменные леса близ берегов рек - уремы. Переход болота в твердую почву - березовни. Лиственный лес - островок на сухом месте близ жилья - роца. Хвойные лесные острова среди болот - колки (в них щенились волчихи). Остров хвойного леса в тайболе - уйма. Леса на невысоких длинных возвышенностях - гривы. Глухие черные леса, неприступные, лиственные - дебри. Ядро дебрей - калтусы (в них и зверь не водится). Леса низменностей - красивые лиственные - шахры или пармы. Такие леса легко преодолевались земледельцами.

Эти сведения заимствованы из превосходной книги “Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, пле-

менном, экономическом и бытовом значении”, изданной Мавриkiem Вольфом в 1898 году [41]. (т.1, ч. 1. Северная Россия).

Дерево сопровождало русскому человеку от рождения до смерти. Его качали в деревянной зыбке, вокруг были изделия из дерева - прялки, ткацкие станки, кухонная утварь. Вокруг дома стояли колодцы, амбары, изгороди, ворота, мельничные ветряки. Окончив земной путь, человек обретал “домовину”. Надгробие тоже имело форму домовины. В головах ставились резные столбцы. Все было целесообразно и эстетично. Во всех малых формах щедро присутствовало декоративное начало, часто поднимавшееся до уровня большого искусства.

Лес был привычной средой обитания. Причем не только на Севере, но и на Юге, где лесов в ту пору было гораздо больше, чем сейчас. Лес вызревал до могучего, позднего возраста. В 1935 году на водоразделе Пинеги и Мезени М.М.Пришвин увидел заповедный лес, называвшийся Чаща. “Там трехсотлетний маховый лес стоит такой ровный, что стяга не вырубишь, такой частый, что спиленное дерево не может упасть. А вокруг этих чащ стоят тоже не знающие топора боры - беломошники, в них большими стадами пасутся дикие олени”... (М.М.Пришвин “Северный лес”).

Немудрено, что наиболее значительные постройки древней Руси воздвигались из многовековых стволов (3 века и более) длиною бревен 8 - 10 метров, а иногда даже 16 - 18 метров и диаметром около полуметра и более. Седое время, застывшее, спрессованное в рисунке древесных слоев как бы символизировало связь времен, неспешный, но неумолимый ход времени.

Лес был в обилии. Доставка его к месту строительства не составляла особого труда. Мастерство обработки - рубки было таким, что нередко большая “обыденная” церковь “рубилась” и “наряжалась” в один день. Дерево до такой степени вошло в плоть и кровь народного быта, что даже богатые люди на Руси вплоть до Петровских времен предпочитали жить в деревянных домах. Поэтому, как можно видеть на гравюре Килиана так называемого “Сигизмундового плана” Москвы 1610 года, город был почти весь деревянным. При этом детализировка Плана такова, что разнообразие построек просто поражает воображение (см., например, [29]). Москва в это время была четвертым по величине городом Европы после Константинополя, Парижа и Лиссабона. В описании к плану сказано:

“...Городские же храмы часть из кирпича, большая часть - деревянные, дома все деревянные. Никому нельзя строить из камня или щебня, кроме немногих из знати, и первейшим купцам можно строить у себя в жилищах хранилища - маленькие и низкие, в которые прячут самое ценное во время пожара”...

Так что не только любовь и привычка, но и запрет строить иначе. Впрочем, сам запрет - из любви и привычки.

Маленький фрагмент Сигизмундова плана с изображением жилых домов мы воспроизводим на стр. 13.

Да и в значительно более поздние времена дереву отдавалось предпочтение. Любопытна записка Олонецкого губернатора, адресованная в 1867 году хозяйственному департаменту Министерства внутренних дел России: "Как ни желательно было бы ввести в городах и селах Олонецкой губернии постепенную замену деревянных строений каменными, но, приняв в соображение местные условия губернии, приходится надолго отказаться от такого желания. Изобилие и дешевизна строевого леса, знание плотничного мастерства почти всеми крестьянами Олонецкой губернии и вследствие этого низкая заработная плата этого вида работ, ничтожное производство кирпичных заводов и высокая цена на кирпич... при значительной заработной плате каменщиков, приходящих из отдаленных губерний, чрезмерно повышает ценность каменных домов перед деревянными... решительно не допускают никаких мер к распространению каменных построек." [17].

"Такое предпочтение, конечно, дало возможность, особенно в лесных губерниях, развить плотницкое искусство от самых первобытных его приемов до создания художественных произведений. Притом, судя по памятникам, деревянная архитектура не брала себе чуждых ей форм, как случалось это в каменных постройках. Оставаясь всегда верной самой себе она шла вперед на своих рациональных началах, своими народными силами". [1].

Наиболее ранние деревянные памятники из дошедших до нас относятся в основном к концу XVI - началу XVII веков. Поэтому процесс развития деревянного зодчества Руси может быть реконструирован по бесспорным летописным свидетельствам, изображениям деревянных храмов на иконах, раскопках нижних венцов ранних построек и, главным образом, на основе устойчивости традиций строительных и художественных приемов в деревянном зодчестве, косвенным свидетельством которых было безусловное влияние деревянного зодчества на каменное.

Первые православные храмы на Руси были деревянными. Византия этим материалом не пользовалась. Известно, что еще до официального принятия христианства Киевской Русью в Киеве в первой половине X века был построен деревянный храм Ильи Пророка. В нем князь Игорь давал клятву верности договору с Византией в 944 году. Таким образом, в этом, по-видимому, одном из первых православных храмов на Руси был использован безусловно традиционный для Руси строительный материал - дерево. Дере-

во было использовано и в ряде других первоначальных важных построек христианских храмов - в 989 году на территории Новгородского детинца был возведен Софийский собор (он сгорел в 1045 году, и нынешний каменный Софийский собор стоит на его месте). Деревянным был и первый Успенский собор в Ростове Великом, построенный в 60-е годы XI века.

В Степенной книге о нем сказано "...помощию Божию да Пречистыя Богородицы честнаго ея Успения о не же (церкви) бльше писано, яко прежде тоя не бысть такая церкви, ниже потом имать быти."

А прощальное слово о соборе произнесено Никоновской летописью в сообщении о великом пожаре в Ростове в 1160 году: "Погоре град Ростов мало не весь, и святая церкви соборная пречистыя Богородицы Успения юже бе создал Илларион епископ, еще быти преже святаго Леонтия чудотворца епископа Ростовского; а создана же бе от древ дубовых, и бе чудна и зело преудивлена, таково убо не бывала и потом не вем, будет ли"... [34]. Софийский собор в Новгороде был также сложен из могучих дубовых кряжей.

Отличительной особенностью ранних деревянных и каменных православных храмов было многоглавие. Каменная церковь Богородицы в Киеве (Десятинная) была "о двадцати пяти верхах", Новгородская деревянная София - "о тринадцати", Киевская каменная София 1037 года - "о тринадцати". Факт этот не мог быть случайным. Никакими функциональными причинами он объяснен быть не может. Объяснение, по-видимому, кроется в компромиссе, на который вынуждена была пойти Церковь с традициями языческих культовых построек восточных славян, о которых нам ничего достоверного не известно.

На наличие таких традиций указывает еще один примечательный факт - ранние каменные храмы Киевской Руси имели пристроенные к храму лестничные башни, в которых размещалась лестница, ведущая на хоры. И это - дань строительной традиции, которая несомненно идет от деревянной архитектуры. В Византийских храмах лестница на хоры располагалась в толще западной стены, многоглавие вообще было неведомо Византии. По канону храм мог иметь одну, три или пять глав.

По-видимому, по этой причине один из ранних деревянных православных храмов XI века - церковь, посвященная первым русским святым Борису и Глебу в Вышгороде, была пятиглавой.

На наличие традиции строительства деревянных зданий указывает и то, что первыми русскими зодчими, имена которых нам стали известны, были плотники Миронег (начало XI века) и Инокла-Ждан (конец XI века) из Вышгорода.

Изначальной, первичной формой и жилища и храма была так называемая “клеть”. Ряды тем или иным способом соединенных венцов назывались “стопами” или “срубами”. Срубы с дверями и окнами, полами и потолками, представляли собой готовый строительный модуль - “клеть”. Часто клеть для жилья и обустройства клетского храма для большей комфортности в особенности в условиях сурового Севера ставилась на подсобный первый этаж - сруб, называемый “подклетом”, в котором чаще всего устраивали хранилище. Жилье на втором этаже называлось “горним”. Отсюда “горница”.

Клетский тип здания - самый массовый на Руси.

В 1290 году в Великом Устюге была возведена церковь Успенья “о двадцати стенах”. По-видимому она включала в себя центральный восьмигранный столп, крытый шатром, и четыре прируба притворов и алтаря. Едва ли это был первый шатровый храм, но, по крайней мере, достоверны его датировка и устройство. Поскольку во второй половине XIII века на Руси ничего не строилось из-за шока, вызванного монгольским нашествием, в том числе и на Севере, надо полагать, что форма деревянного шатрового храма была рождена не позднее первой половины XIII века.

Таким образом шатровая форма храма стала второй и любимой в деревянном зодчестве.

С конца XVI века известно много прекрасных шатровых памятников деревянного зодчества. Их строительство на Севере не прекращалось и после Никоновского запрета 1656 года. Однако, запрет на строительство шатровых храмов нашел некоторый плодотворный отклик в деревянном зодчестве. Так родился синтез шатра и пятиглавия: “Стремление придать шатровому храму вид пятиглавого, привело к особому приему обработки “верха” храма, состоящему в том, что у подножия шатра прирубались четыре бочки, расположенные по странам света. Эти бочки предназначались исключительно для того, чтобы нести главки, и уже никакой служебной роли не исполняли...” . Этот прием известен под названием “шатра на крещатой бочке”. [4]. Однако, здесь еще шатер существовал слишком явно. “Отказаться окончательно и навсегда от шатра, слишком заветного и дорогого для северянина, строители были не в силах, и с половины XVII века заметно лихорадочное искание новых форм, так или иначе напоминающих и заменяющих шатер. Уже и бочечно-шатровые формы были заметной уступкой давлению, шедшему из Москвы, но все же шатер был до известной степени спасен ценою пятиглавия. И народ любил этот первый храмовой тип, так как шатер был цел и бочки давно уже были ему близки и дороги. “Куб” явился, в сущности, еще более

ловкой подменной шатра, окончательно усыпившей “недреманное око взыскательных архиреев”. [4]

“Возможно что самый куб” вырос из комбинации бочки и шатра, и как форма, наиболее близкая к куполу, вероятно вполне удовлетворял духовные власти”. [4].

На вытянутой вершине куба помещалась одна глава. Так храм получал одноглавие. Если же расположить четыре главы вокруг куба, храм становился пятиглавым. Таким образом “шатер на крещатой бочке” и так называемая “кубоватая” форма храма стали переходными разновидностями шатровой формы.

Так что деревянное зодчество, сохраняя верность традиции, вместе с тем продемонстрировало свою способность быстро реагировать на веление времени, не теряя при этом высоты.

Во второй половине XVII века - начале XVIII века получает развитие еще одна форма храма - многоярусная, использующая начальную композицию шатрового храма “восьмерик на четверике”, но дополненную ярусами восьмериков уменьшающихся размеров.

Но апофеозом деревянного зодчества этого времени явилось строительство многоглавых храмов - от девяти до двадцати двух глав.

Все эти формы храмов мы рассмотрим далее.

Особо трудные времена для деревянного зодчества наступили в середине XIX века, когда Синод и царское правительство окончательно разгромили раскольников. В опалу попали и памятники “раскольничьей” архитектуры. К ним были отнесены все древние деревянные церкви. Прошло массовое уничтожение, разорение монастырей, церквей, часовен, скитов под предлогом их ветхости. Во второй половине XIX века оставшиеся церкви в “благородных” целях борьбы с “подлым вкусом” претерпевают массовое “благолепное обновление”. Бревенчатые стены получают унылую тесовую обшивку и украшаются безвкусными и чужеродными аксессуарами архитектурной эклектики. Многие церкви заново переосвящались.

Поэтому, если бы не заинтересованное активное изучение специалистов - подвижников с конца XIX века, до нас вообще могло бы ничего не дойти из старых памятников деревянного зодчества.

Что позволяет рассматривать древнерусское деревянное зодчество как явление не только бытового, народного, но и профессионального высокого искусства? Связь народного и профессионального начал столь органична, что их отделять не только невозможно, но и не нужно. Это искусство характеризуется единством строительных и декоративных приемов, практических и эстетических задач, а также вековой устойчивостью форм. Деревянное зодче-

ство в отличие от каменного использует в своей основе крупные, интегральные модули. И тем не менее нет двух одинаковых зданий, хотя кажется, что много похожих. Немногочисленные правила, каноны - источник внутренней энергии деревянного зодчества. Как писал П.Флоренский "...канонические формы во всех отраслях искусства всегда были только оселком, на котором ломались ничтожества и заострялись настоящие дарования...дар от человечества художнику канонической формы есть освобождение, а не стеснение". (цитируется по [27]).

Отсюда в деревянном зодчестве при рыцарской верности традициям такая готовность к новациям. Поэтому так часто применительно к деревянному зодчеству звучит внешне парадоксальная характеристика - "неповторяемость повторяемого" [3]. Но именно в этом кроется такая жизнестойкость деревянного зодчества, его способность к регенерации - ибо реконструкция и реставрация деревянных памятников совершенно правомерно шли по "аналогам". Эта постоянная возобновляемость делала это искусство живым черпающим свои силы и в прошлом и в настоящем.

В сущности каждый тип деревянного здания - это неисчерпаемая тема с многочисленными вариациями. Каждый - индивидуальность. Вместе - генотип. И при этом несет в себе неисчерпаемый эстетический потенциал.

И в заключение несколько слов об искусстве постановки памятников - искусстве естественного объединения ландшафта с архитектурным памятником или ансамблем. У деревянного зодчества свои - интимные отношения с природой. Здесь всегда гармония и любовь, деликатное партнерство и никаких подчеркиваний, хотя памятник все-таки мужского рода, а природа женского... И этим благоговейным отношением к природе, быть может восходящим к далеким языческим временам, когда природа была объектом поклонения, а человек не мыслил себя вне ее, было проникнуто понимание пространства русскими древоделами - зодчими.

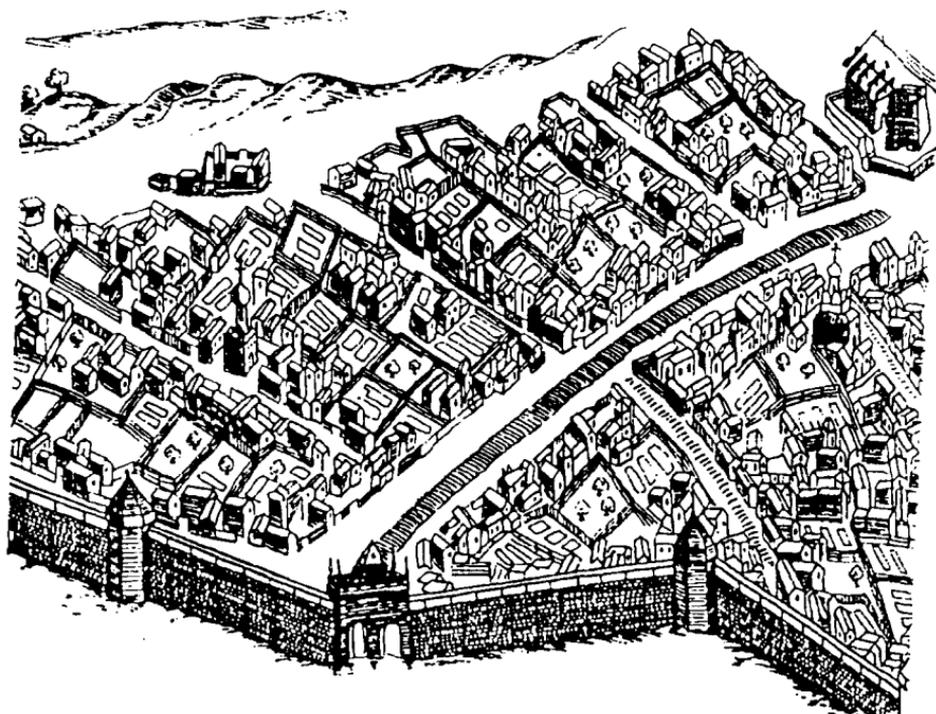
Об этом прекрасно сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев: "Для русских природа всегда была волей, "привольем"... Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы Тем, что вольная воля - это свобода, соединенная с простором... Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека." [3].

И памятники деревянного зодчества ставились именно вольно, на хорошо обозримых местах - на возвышении, в центре поселения, или на берегу, на береговом мысу, на острове. Весьма часто

это были бывшие места языческих молелен далекого прошлого. А вокруг жил лес с его переменчивым гравюрным контуром на фоне то ясного, то пасмурного неба. И все это образовывало единство, которое и есть наше представление о красоте.

“Архитектура - носитель генетической видовой памяти.

В стилистическом единстве всех построек огромного государства заключалось целостное понятие - Россия”. [3]

**Изображение жилых домов на Сигизмундовом плане.
Фрагмент**

1. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ В ДЕРЕВЯННОМ ЗОДЧЕСТВЕ.

Самые различные по назначению и внешней форме деревянные здания - избы, хоромы и дворцы, часовни, церкви, крепости и хозяйственные постройки возводились на основе единых строительных приемов. Изумляет их рациональность, высокая технологичность и абсолютная универсальность.

Итак - исходная деталь - бревно. Бревна связываются по углам в венцы, а между собой в венцах в стопы.

Два главных вида соединения - "в обло" и "в лапу". Но были и другие способы: "в крюк", "в погон", "в охряпку", "в иглу". Они менялись в зависимости от типа сооружения и конфигурации венца. Соединение бревен в венец и венцов в стопу производилось при помощи вырубки. Если вырубке у концов придавали полукруглую форму, то при этом оставались выпущенные концы бревен. В ранних постройках пазы - углубления делались в верхней части бревен. Позднее - в нижней части. Бревна соединялись в замок, плотно прилегая друг к другу. Такое соединение называлось "в обло", то есть по округлому. Другой способ соединения - "в зуб" или в "в лапу". В старину этот способ назывался "в шап". В этом случае выпускных концов не оставалось, а сами концы бревен вырубались так, чтобы будучи расположенными друг к другу под углом, схватиться друг с другом как бы зубами или лапами. Такой способ сложен требует большого мастерства, но вместе с тем экономнее. Он использовался тогда, когда это вызывалось функциональной необходимостью, либо важностью постройки, когда заказчик "за ценой не стоял". Рубка "в шап" почти всегда производилась в верхних восьмериках и галерейках, алтарных прирубках, восьмериках звонниц, подпечных основаниях.

Наружные бревна сруба оставались круглыми, а внутренние стены обтесывались и “выскабливались в лас”. В углах они при этом чаще всего скруглялись - чтобы углы зимой не промерзли. Размеры сруба и стало быть клетки определялись размерами бревен. Крупные здания составлялись из нескольких клеток. Использовались разные способы соединений. В жилых домах иногда срубы ставились вплотную друг к другу, так что между ними оказывались двойные стены. В других случаях продольные бревна смежных срубов сращивались в гнездах поперечной стены. Так образовывались два соединенных сруба с одной общей стеной. Иногда между срубами делали сени, стены которых выполнялись в виде плоско обтесанных бревен со стесанными концами, входящими в пазы вертикальных бревен - столбов. Известен прием соединения соседних срубов врубками. Для этого срубам придавалась различная ширина, либо при одинаковой ширине один несколько сдвигался по отношению к другому.

В церковных зданиях, где требуется для больших приходов достаточно большое общее пространство, здание делалось восьмигранным. Бревна в углах соединялись под углом 135 град. Такие “восьмерики”, ставившиеся на “пошве”, то есть с земли, давали возможность получить площадь, в пять-шесть раз превосходящую площадь квадратного сруба с одинаковой, что и у восьмерика длиной бревен. Для еще большего увеличения площади к четверику или восьмерику присоединялись два или четыре квадратных прируба с организацией общего пространства через проемы. Видимо, такие церкви ставились издавна. Мы уже упомянули церковь Успения “о двадцати стенах” построенную в 1290 году в Великом Устюге. Уже в летописях XV века такие церкви считались построенными “по старине”.

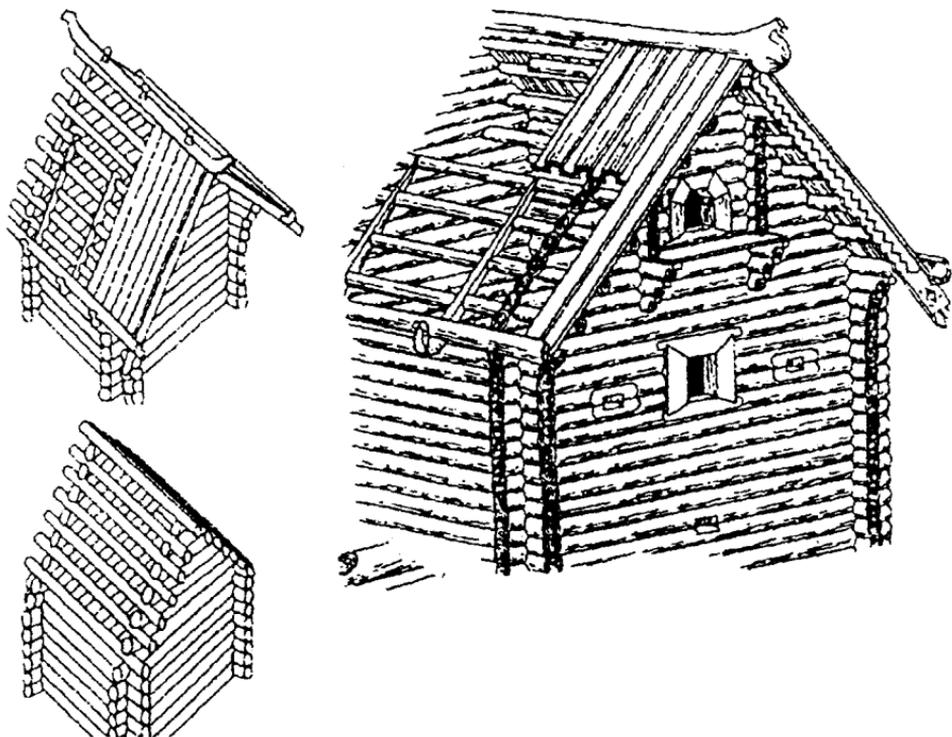
Покрытия зданий также использовали горизонтальные венцы. Прямоугольные крыши на два ската опирались по торцам здания на треугольное завершение стены - “щипец”. Бревна торцевых стен - “самцы” - скреплялись продольными бревнами, которые имели большой выпуск над торцовыми фасадами. Это давало возможность сильно выступающими свесами кровли предохранять торцевые стены от непогоды. Боковые стены предохранялись другим способом. Верхние венцы боковых стен последовательно напуском выступая друг над другом, образовывали криволинейный карниз - “повал”. Лежащая на повале кровля надежно защищала боковые стены от намокания. Для этого нижняя часть кровли делалась более пологой, чем верхняя и называлась “полицей”. Часто в нижней части кровли делались желоба из бревен - “застрехи” или “водотечники”, или “потoki”. О их назначении красноречиво говорят

их названия. Водотечники возлежали на корневых крюках тонких еловых жердей - "курицах". Курицы укладывались на бревна, формирующие скаты кровли. Прямокатные кровли крылись тесом. Часто тес укладывался в два слоя. В этом случае нижний слой назывался "подскальником", так как он для герметизации покрывался скалою - берестой, поверх которой укладывался второй ряд теса "с обломами". Нижние концы тесин упирались в водотечники, а стыки верхних концов накрывались тяжелым выдолбленным бревном - "охлупнем". Конец охлупня в церковных постройках закрывали прорезной доской с крестом, а в избах ему придавалась форма коня, птицы или какого-то украшения. Такая безгвоздевая кровля (самцовая) делалась веками и абсолютно надежно противостояла ударам северных стихий. Лишь в исключительных случаях для крепежа использовались деревянные костыли. На бревна, выходящие из фронтона набивались "причелины" (при челе) - фронтонные резные доски и "ветреница" - средняя резная доска под фронтоном. В некоторых местах эта доска называлась "кись" (кисть). Это были единственные детали, для крепления которых использовались гвозди домашнейковки. "Приготовить из срубленного бревна простую доску составляло уже не малый труд, ибо не имея пилы, нужно было посредством клиньев расщепить бревно на слои и затем обтесывать каждый слой со всех сторон. Слово "тес" нужно понимать в буквальном смысле, да и доска происходит от одного корня: дска, тска, цка. Последнее слово можно местами слышать и до сих пор." [4].

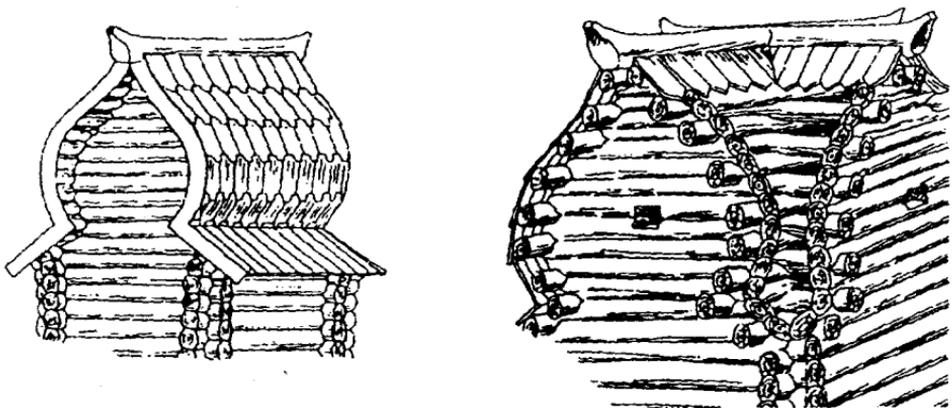
Кровля могла иметь разный наклон. Однако, суровость климата приводила к общей тенденции - высокому подъему кровель в углах верхнего соединения - "князька", или по древнему "кнеса" и "кнеска". В северных избах с прямокатным покрытием угол в верхнем соединении составлял примерно 90 градусов. В храмах с прямокатным покрытием часто делалась "клинчатая" кровля с углом 40-45 градусов. Детали и конструкции деревянных зданий с двускатными и прямокатными покрытиями представлены на стр.17.

В сущности рассмотренные строительные приемы использовались и при возведении шатровых сооружений - храмов, колоколен, дворцов и хором (стр.18) и зданий с криволинейным покрытием ("бочка", "крещатая бочка", "куб") - стр.17, 19.

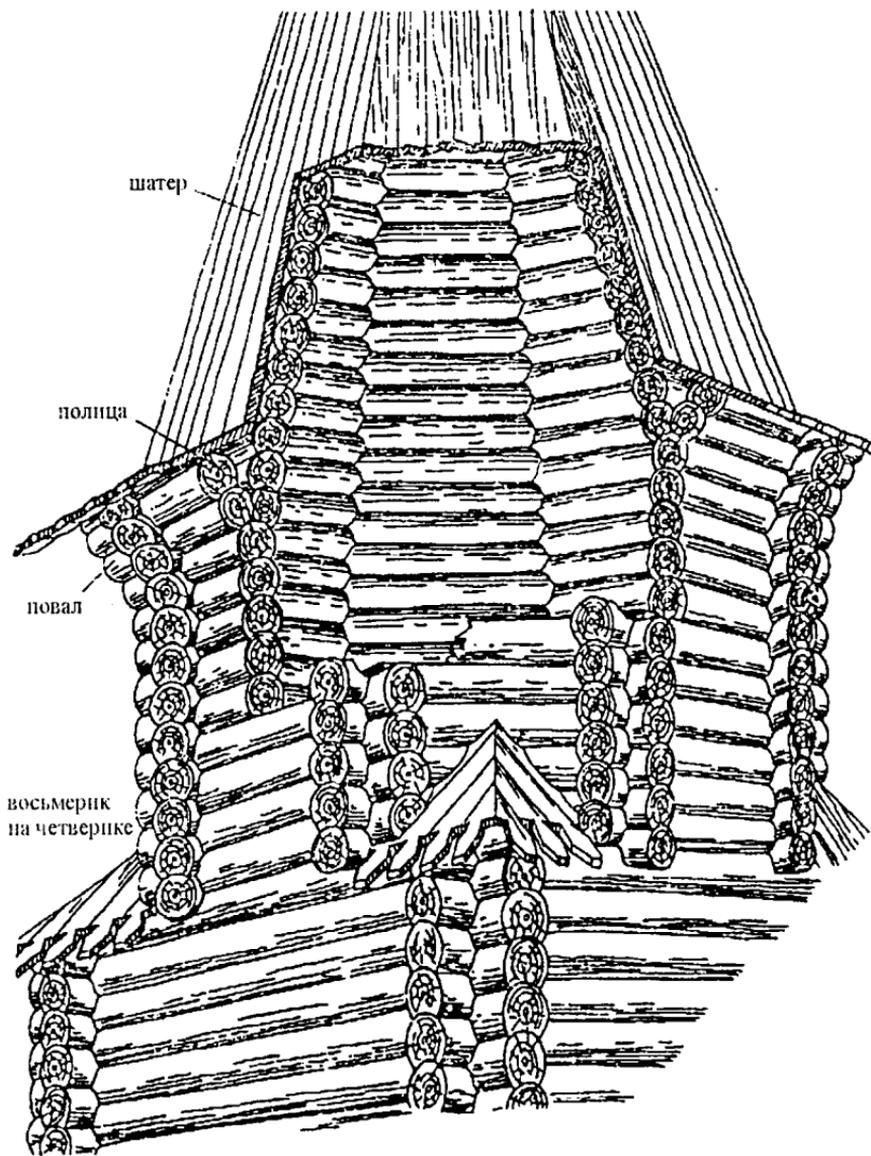
Иногда стены сруба непосредственно переходили в грани шатра. Но чаще в завершении сруба делался повал, и основанием шатра были полицы. Сам шатер складывался из рядов укорачивающихся с высотой венца бревен. Кладка венцов с разрывом между бревнами - "в реж". Луковичные главы также делались из горизонтальных венцов. В завершении шатра у основания цилиндрической шейки, несущей на себе главку - луковку, часто делался

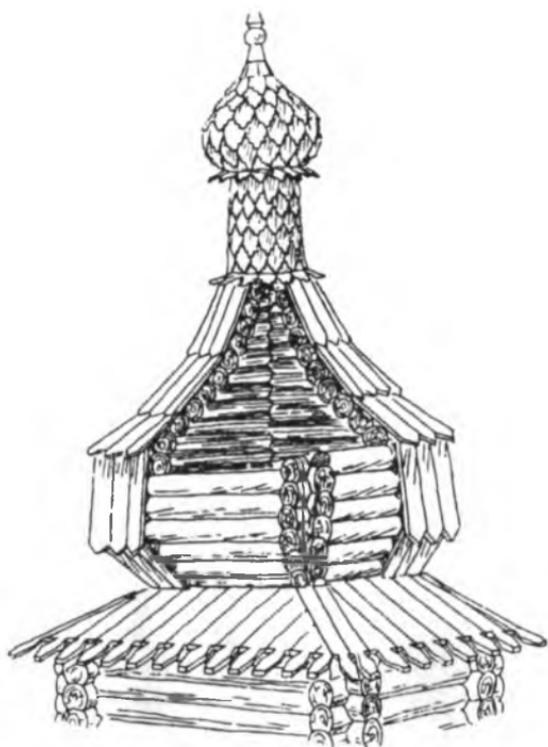
Детали и конструкции деревянных зданий с двухскатным покрытием

“Бочка”, “крещатая бочка”

Восьмерик на четверике, крытый шатром

“Куб”

Лемех барабанов и глав

“гонтовый воротник” из фигурных досок, препятствующий попаданию влаги внутрь шатра.

В отличие от прямоскатных кровель шатры и криволинейные покрытия “кожушились”, то есть покрывались в чешую “лемехом”. “Лемех” стругали обыкновенно из осины, тонкими узкими дощечками, наружные концы которых вырубались в виде крестов... Такая кровля не только издала, но даже на близком расстоянии производит впечатление серебряной или посеребренной, и тот, кому случается увидеть из-за седого леса стройные чешуйчатые главки северной церкви, может биться об заклад, что они крыты не деревом. [4] (рис на стр. 19).

Лемех делался одного размера. При укладке на криволинейные покрытия он слегка подтесывался. Для нижней части куполов лемешины подтесывались по кромкам снизу. Для средней части не тесались вообще. А для верхней части подтесывались по верхним кромкам. Поэтому оси лемешин на криволинейных поверхностях не совпадают.

В стенах срубов делались проемы для окон и дверей. В жилых домах двери старались делать низкими и окна маленькими. Берегли тепло и сохраняли прочность здания. Ведь перерубка бревен ослабляла конструкцию. Поэтому окна старались делать более широкими, чем высокими. Наиболее древние окна - “волоковые”, не нарушавшие связь между бревнами, так как вырубка делалась в двух соседних бревнах на глубину половины бревна. Ширина же волоковых окон была в 1,5-2 раза больше их высоты.

Для устройства более крупных окон перерубались несколько бревен. В этом случае контуры оконного проема обрамлялись косяками из толстых брусьев. Верхний и нижний косяки врубались в верхнее и нижнее бревна проема, а боковые косяки крепились шипами через внутренние пазы к боковым бревнам. Такие окна назывались “косящатыми”. Иногда можно видеть очень широкие косящатые окна. Для избежания прогиба верхнего бревна в этом случае делались стойки - упоры, и окна были секционированными (двух-трехчастными).

При необходимости широких проемов (широкие двери в церквах, ворота) для предотвращения прогиба верхнего бревна завершения проемов нередко придавали трапециевидную форму последовательным напуском верхних бревен, обрамлявших проем.

Этот же прием напуска бревен использовался в консолях, поддерживающих ветряные мельницы, галереи, площадки крылец, крепостные парапеты (“заборолы”) (стр.21).

* Волоковыми окнами назывались потому, что они не затворялись, а задвигались - “заволакивались”.

Простота и рациональность строительных приемов древнерусского зодчества способствовали его органической “ансамблевости” и выработке высокого профессионализма в массовом строительстве.

**Крыльцо на кронштейне из напуска бревен
(Преображенская церковь. Кижы. 1714 г.)**

2. ДЕКОРАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ В ДЕРЕВЯННОМ ЗОДЧЕСТВЕ

Пытаясь анализировать и систематизировать декоративные приемы в древнерусском деревянном зодчестве, невольно приходишь к выводу, что известное высказывание архитектора Ш.Блана: “Архитектура в высшем понимании этого слова не столько строение, которое украшают, сколько украшение, которое строят” в полной мере характеризует деревянную архитектуру России.

Арсенал собственно декоративных средств в деревянном зодчестве весьма ограничен. В первую очередь - это декоративная резьба. На протяжении всей наблюдаемой истории деревянного зодчества может быть отмечена высокая устойчивость приемов и образов художественной резьбы. Есть все основания думать, что в основе лежит древняя традиция, восходящая к далеким языческим временам. В резьбе используются главным образом символы языческих верований - добрые духи дома и домашнего очага (обереги). Круглая розетка на “причелинах” и “полотенце” (ветренице) с изысканной игрой лучей (обычно 12 или 16 лучей) - олицетворение бога жизни - Солнца (солярный символ). Солярные знаки в нижних концах причелин и верхнем углу фронтона на ветренице символизируют солнечный ход. Еще Спиноза говорил, что если бы круг обладал даром слова, то он сказал бы, что природа Бога в высшей степени круга. Академик Б.А.Рыбаков отметил лингвистическую связь между солярной символикой круга и кругом как ритуально-социальным символом. Славянское имя Бога Солнца - Хоро. Отсюда “хор” - пение в кружок, “хоровод” - круговое движение в танце и с пением, “хоры” - располагающиеся вокруг храма.

“хоромы” - обстройка вокруг. Славянским лингвистическим синонимом “хору” является “коло”. Отсюда кольцо, обозначающее круг. Кругом называли мирскую сходку и казачий “круг”. В древности круговую планировку имели и языческие капища и селения. По-видимому, этот символ - вненациональный. Колосс (греческое KOLOSSOS) - первоначально исполинская языческая статуя древнегреческого Бога Солнца Гелиоса (Аполлона), поставленная в гавани Родоса. И Римский Колизей (от латинского - COLOSSEUM - исполинский) - колоссальный круговой амфитеатр - цирк. Вот какие грандиозные связи имеют скромные деревянные резные украшения.

Конская голова охлупня в завершении дома, а также весьма часто на “курицах” - символ пути в бессмертие. Как писал Сергей Есенин “Конь как в греческой, египетской, римской так и в русской мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице”.

Зубчатый “городок” - один из атрибутов изображения символа плодородия и богини рода Берегини. Само резное “полотенце” под коньком - символ жизненной чистоты. Эти же элементы резьбы наносились на долговременно используемые орудия и предметы быта - ткацкие станки, прялки, посуду и т.д. Аналогично украшались “домовины” и столбцы в головах “домовин” и тем самым соблюдался культ мертвых. Таким образом, изобразительные средства базировались на традиционной символике и потому были универсальны. Но комбинации символов ничем не ограничивались. И узоры и орнаменты были бесконечно разнообразны, как музыка, в которой семь нот.

Достаточно посмотреть на уникальные резные балки и розетки на них в Никольской церкви села Васильевского в Подмосковье (1688-1690 года), а их сорок, чтобы убедиться в том, что все они имеют разный рисунок при единстве и немногочисленности изобразительных элементов [7] (стр.231-235).

В глубокой старине зодчие были весьма стеснены в декоративных средствах: “Трудность приготовления досок заставляла древнего строителя очень бережно относиться к декоративным украшениям, состоявшим из пришивных висячих досок, прорезанных узором, или так называемых “причелин”. Строго воспитывалось жизнью и художественное чутье, устремленное главным образом не на декоративную сторону, а на выработку форм и общих пропорций масс” [4]. Однако, по мере совершенствования орудий труда, в особенности с использованием с XVIII века пил, весь накопленный потенциал художественных средств стал использоваться

более широко и щедро. Кроме резьбы широко практикуется нанесение красочных орнаментов (в особенности в жилищной архитектуре на Мезени). В первую очередь эти декоративные средства применялись в убранстве “верхов”.

“Вогнутая поверхность карниза иногда обшивалась досками с раскрашенными орнаментами и надписями, а верхний венец его под обломами закрывался доской “карниста” с вырезками различного рисунка”[1]. Затем очередь дошла до украшения обрамлений окон и дверей. Декоративный инстинкт, не сдерживаемый техническими и технологическими ограничениями, реализуется в щедрой резьбе наличников и фронтонов, балконов (это на севере-то!) и декоративных балкончиков на фронтонах.

“Наличники с навершием в виде треугольного фронтона, или в виде прямоугольного карниза с горизонтальным членением полочками и “сухариками”, или с пропиловочным завершением в виде решетки. Боковые доски зачастую оканчиваются резными капельницами, напоминающими бахрому полотенца. Нижние доски обычно очерчены красивыми линиями лекального профиля. Набор декоративных элементов в основном невелик - большей частью это солярное полукружие, ромбики и крестики”. [13]

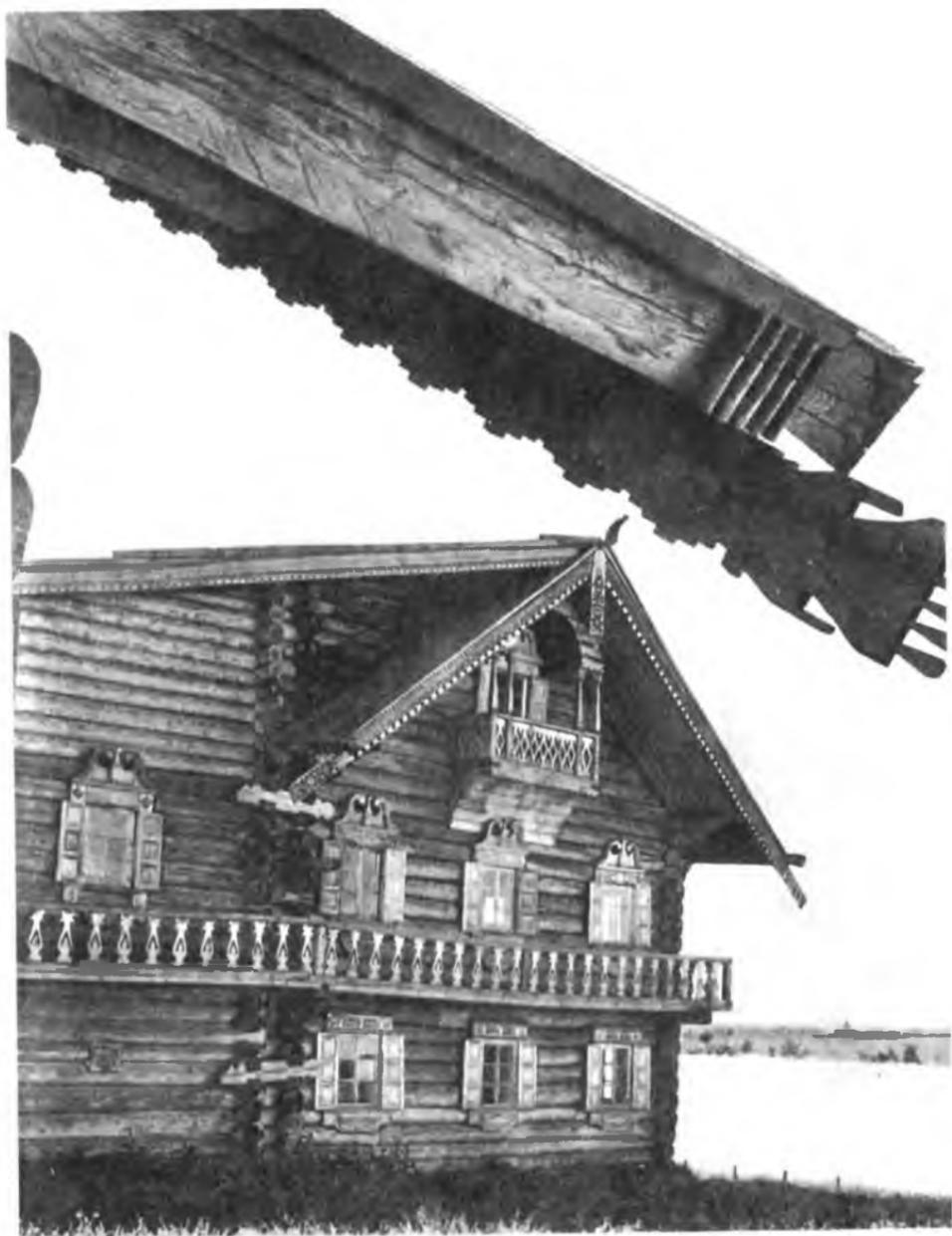
На стр.25 представлены образцы деревянной резьбы на “причелинах”, “ветренице”, наличниках жилого дома, на стр.26 - “полотенце” трапезной Покровской церкви в Кижях.

На Севере и сейчас нередко можно услышать: “веселый дом”. Это очень емкое понятие. Оно включает в себя и место, где стоит дом, щедро освещенное солнцем, (когда оно бывает), и вид из окон - часто на реку или озеро и на недалекий лес, и, конечно, декор дома, и его устройство.

В Заонежьи в целом ряде шатровых и многоглавых храмов был использован еще один декоративный прием - треугольный фронтонный пояс из резных досок. Его можно увидеть на Успенской церкви в Кондопоге 1774 года - на разделе нижнего и верхнего яруса восьмериков, можно было увидеть на Варваринской церкви в селе Яндомозеро 1650 года - под повалом восьмерика, на Петропавловской церкви на Лычном Острове 1620 года при переходе четверика в нижний восьмерик, Покровской церкви в Кижях 1764 года - под повалом и других церквях (см.стр.67,70,71,XV,XVI).

“Как в художественно - эпическую полифонию неожиданно врывается звенящая, жизнерадостная мелодия, так этот фронтонный пояс вносит в монументальное сооружение ноту теплоты и чисто русской любви к узорчатой нарядности”. [7].

Но фронтонные пояса были не только украшением. Они предохраняли все уязвимые места здания от намокания. Каждый

Деревянная резьба жилых домов

Полотенце Покровской церкви в Кижях

фронтончик представлял собой два ската, в нижней части которого находился миниатюрный водосток, уводящий воду от поверхности стены. Впрочем и другие резные украшения (причелины, подзоры, наличники) тоже закрывали уязвимые торцы и швы.

Важным декоративным элементом зданий было крыльцо. Как правило, оно имело резные балясины, обрешетки с узорной резьбой. Часто крыльцу придавалась необычная, запоминающаяся форма, в особенности, если здание входило в ансамбль. Так в ансамбле погоста в селе Лядины Богоявленская церковь 1793 года имела большое круглое крыльцо, крытое тесовым пятигранным уплощенным шатром. Крыльцо делалось и висячим на кронштейнах из напусков бревен, двухвходным, крытым на два ската, двухмаршевым, с рундуками (см. стр. 21, 67, 72, 81, 103, 138, VIII).

Но все-таки главная красота деревянного здания - устройство его верха. Верх - это программа, идея здания. Кровля здания неслла в себе глубокий символический смысл. Если дом - это мир человека, то кровля это небо, замыкавшее этот мир. И подобно тому, как жизнь всех нас протекает под общим небом, жизнь каждого из нас проходит под "отчим кровом", "под одной крышей". Дом, укрытие, кров - синонимы жизни в мире.

Поэтому и конь на кровле - ее символ. Он сам олицетворял один из солярных знаков. Коня приносили в жертву при закладке дома. Голову коня закапывали в землю под угол нового дома. И его символическое изображение возносилось в высшую точку дома.

"Конструктивное устройство отдельных частей храма в виде прямоугольных срубов, совершенно тождественных по рубке с обыкновенным жилищем, требовало и тождественного потолочного покрытия по "матицам", или иначе балкам, либо "прямяю", либо в "косяк". Различные высоты срубов или клетей требовали их отдельного кровельного покрытия.

"Божий храм", по народному воззрению, непременно должен быть "преукрашенным", и подобно тому, как главная красота хором сосредотачивалась на украшении их верха, так и на верхах храмов строители давали волю тому декоративному инстинкту, который на суровой глади бревенчатых стен не находил выхода". [4]

Об этом мы будем говорить в последующих разделах, а здесь - только о декоративных приемах украшения верхов. Это, как правило, дробные украшения, повторяющие форму крупных частей здания - килевидные кокошники, вторящие рисунку покрытия "бочкой"; маленькие бочечки по углам вверху здания с маленькими главками, называвшиеся "херувимчиками".

Но при этом надо помнить, что и всему верху деревянного здания в значительной степени отводилась декоративная роль: "Са-

мое устройство потолочного перекрытия и кровель деревянного храма обрекало главу на роль чисто декоративного придатка. Сохраняя присущую главам округлую форму, соответствующую каменному куполу, а также округлость его или барабана, деревянная церковная глава никогда не достигала величины глав каменных церквей, хотя и получила для своего увеличения “пучину”, превратившись в куполок луковичной формы, в так называемую “маковицу”. [4].

Эта мысль справедлива не только для клетских церквей, но и шатровых, и ярусных, и кубоватых, и многоглавых. В церкви берегли тепло, и верхние объемы сознательно отсекались от ее внутреннего помещения.

В этой связи несколько слов о декоративных приемах в интерьере церковного здания (о жилище - в следующем разделе). Гладкие стены, вытесанные из крупных бревен, крупные скамьи, массивные половицы, скупое освещение северного храма требовали соответствующего внутреннего убранства, несуетного, уравновешенного, находящегося в согласии с самим собой и общим обликом помещения.

Потолок храма простодушно называли “небо”. Он представлял собой веерообразно расходящиеся от центрального замкового круга балки, другим концом врубленные в стены, между ними трапециевидальные доски. Конструкция “неба” в разных храмах варьировалась от почти плоской до шатровой формы. В центральном круге - лик Христа, или композиция “Отечество” (Бог - отец, Бог - сын и Святой Дух). В трапециевидальных секторах - Богоматерь, Иоанн Предтеча, апостолы и святые. На разделительных балках были растительные узоры. В сущности деревянные “небеса” подражали плафону купола каменной церкви. В старинных церквях иконостасы делались “тябловые”. Тябла - горизонтальные брусья-полки, на которые ставились иконы. Тябла были и резными и расписными. Они располагались в несколько ярусов. Иконы, ставившиеся на верхние тябла были крупнее по размерам и более значимы по иерархии. Сюжетика икон, в особенности с местными святыми - покровителями ремесел, а также особенности живописи - это отдельный, самостоятельный вопрос, которого здесь касаться не будем. Отметим лишь, что общий колорит живописи - сочетание суровости и добросердечности, простоты и чувства меры, находился в согласии и гармонии с общим внутренним убранством деревянного храма.

В больших храмах опорные столбы покрывались крупной резьбой. Резными делались и царские врата. Эта резьба часто была подлинным произведением искусства.

3. АРХИТЕКТУРА ЖИЛИЩА

Н и в одном сооружении не шли так рука об руку две архитектурные добродетели - польза и красота, как в деревянном жилище. Его облик и его устройство складывались веками, и традиции здесь были устойчивы. Это не просто устройство дома - это устройство жизни - в чем-то сродни мировоззрению. Недаром жила такая пословица: "Ищи добра на стороне, а дом люби по старине".

В глубокой старине южные славяне жилое сооружение заглубляли в землю в виде полужемлянки. Таким образом, земляные полы располагались ниже поверхности земли. Стены были деревянными. Часто присыпались землей. Печи в таких домах были либо из камней, либо глиняные. На Севере сруб ставился непосредственно на поверхности земли ("на пошве"). Полы делались из деревянных плах. Верх - двухскатная кровля. В таких домах ставились большие печи - каменки. Постепенно эта конструкция дома распространилась и на юг и стала универсальной. Такой дом стали звать избой. От "истба", "истопки" (жилой дом с печью). Топились избы по-черному (курная или рудная изба).

До недавнего времени такая изба считалась более теплой, чем белая изба где все тепло "вылетает в трубу". "Курна изба, да печь тепла". Дым из курной избы отводился в волоковые оконца в боковой стене избы, но главным образом через высокий дощатый, как правило, резной "дымник", располагавшийся на кровле и бывший одновременно украшением дома. После топки дымник задвигался заслонкой. Так что разница между черной и белой избами в основном сводилась только к устройству отопления и защиты от дыма и копоти. Кстати, рудный значит "замаранный", "закопченный".

Суровый климат Севера вынуждал значительную часть времени и, стало быть жизни, проводить в доме. Это привело к соответственному формированию и внешнего облика дома и его внутреннего устройства, где должны были быть предусмотрены все необходимые жилые и хозяйственные помещения.

Вот характерное описание устройства крестьянского дома в селе Варзуга (ныне Мурманская область), относящееся к 1593 году:

“...а на дворе хоромов изба на подклете, да сени с подсением, да повалыша с подклетом, да сенник с двома хлева, да анбар с подклетом, да мыльня “. [31].

За десять веков такой состав северного жилого дома с некоторыми вариациями дошел до наших времен.

Постепенно сложились три внешних конструктива и плана деревянного дома - “брус”, “кошель”, “глаголь”.

“Брус” - самая распространенная форма и планировка дома, где его внутренние помещения располагаются в вытянутом прямоугольном срубе с единой двухскатой крышей. Такой дом был рассчитан, как правило, на одну семью. Его архитектуру можно считать классической, “ордерной”. Кровля “по потокам и курицам”. Под кровлей - резные “причелины”, оканчивающиеся резными концами - “полотенцами” и “ветреница” на фронтоне. На кровле - резной “дымник” и “охлупень” со скульптурным резным окончанием над фронтоном*. Под крышей нередко устраивалась летняя светелка, украшаемая резным балконом или на худой конец, декоративным балкончиком - вероятнее всего дарами городской культуры.

Приведем описание внутреннего устройство дома “брусом” в Кадниковском уезде, Вологодской губернии, изученного и обмеренного В.В.Сусловым более ста лет тому назад ([1] с.101-103), изменив лишь написание на современное:

“Все помещение обыкновенно состоит из двух этажей. Первый из них ставился “на пошве”, т.е. прямо на земле или на столбах. Сама изба срублена на “подзавалье” с одним “красным” (узорчатым) окном и по бокам двумя волоковыми. Она нагревается глиняной “битой” печкой, устроенной следующим образом: на клетку, состоящую из четырех брусков, настланы доски - “плахи”, такие же доски укреплены и по бокам (с четырех сторон в виде плоского ящика), затем на дно такого ящика насыпали небольшой слой песка. Выше клали половинку толстого бревна (“боров”), которое давало объем внутренности печи; на боров и в бока клали глину и утрамбовывали ее, отчего и сама печь получила название “битой”.

* В Каргополье охлупень на кровле почти не встречается.

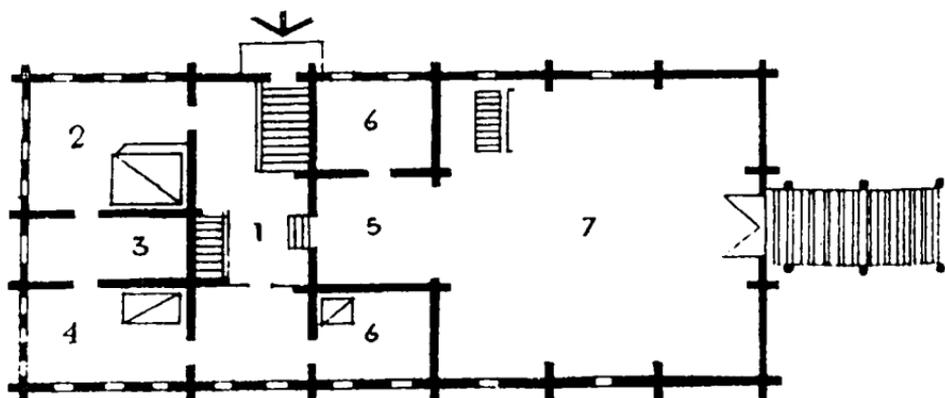

Дом “брусом”. Кадниковский уезд Вологодской губернии. XIX в.

По изготовлении такой печи и по просушке ее, “боров” вынимался. Чтобы пламя во время топки не направлялось в потолок, над отверстием в печи (“хайлом”) приделывался “кожух”, имеющий вид сферической поверхности, полая часть которой обращена вниз; иногда такой “кожух” заменялся горизонтальной плитой. Около “хайла” находилась печурка, в которой разжигали уголь во время больших холодов. К печке обыкновенно примыкала лестенка для схода в “голубец” (кладовую для провизии), отделенная легкой невысокой перегородкой, не доходившей до потолка. Пол “мостили на кладях” (прогонах) половыми досками “в причерт с вытесом”, т.е. одна доска находила на другую, через посредство вынутых в краях четвертей. Потолок состоял из “матиц” (балок), на которые накатывали “кругляк” или клали “плахи”. Около печки во внутренней стене, на высоте двух аршин от пола, делалось отверстие в деревянную трубу - “дымницу” или “дымник”, через которую и вытягивался скопившийся в избе дым.

В стены вделывались два или три шеста для устройства колыбелей и хозяйственных приспособлений. Затем вдоль стен ставили лавки, а на высоте $2\frac{1}{2}$ аршина полатаи. Под избой находилось подполье (подклет, или как значится в древних рукописях, по-

Полатаи играли роль отбивного козырька - ниже их дым не опускался. Поэтому полатаи и делались на высоте человеческого роста: $2\frac{1}{2}$ аршина примерно 180 см. На полатаях спали (чаще всего над дверью в избу) (Прим. автора).

План дома Ф.Н.Ширяева в деревне Поганца на Пиннге.
XIX в.

руб), служившее иногда жильем. Часть подклета отводилась для кладовой (голубец), а остальное пространство, освещаемое “просветцами”, вроде волоковых окон, назначалось для кур, гусей и т.п. Клеть или горница, называемая иногда “боковушей” освещалась “красным” окном и имела маленькое отделенье для домашнего скарба. Помещение под горницей (подклет) разделялось на “стайку” (для мелкого скота) и кладовую (мшаник). Пространство между избой и клетью, забранное в столбы, носило название сеней; в них находилась полка для образов и лесенка на вышку “в терем”, устроенный в фронте. Из сеней выходили на крыльцо, всегда украшенное резьбою, и спускались на улицу. Под сенями было “подсение”, в котором с одной стороны были ворота на улицу, а с остальных двери в “стайки” и в другой “подсенник” или “большие стаи”. Задняя часть строения, называемая дворищем, устраивалась без потолка. Во втором этаже дворища находился главный сенник, где хранилось сено, телеги, сруи и другие хозяйственные принадлежности. Из него вела лесенка в подсенник, где обычно стояли лошади. Рядом с большим сенником был другой, малый сенник, часть которого “задцы” или “придельцы” предназначалась для необходимых предметов домашнего обихода. В нем хранился корм скота, в летнее время устраивали кровати для спанья. С улицы в сенник поднимается “въезд”, сделанный из сплошных кругляков или обтесанных бревен. Под придельцами и малым сенником были “коровники” и маленькие “стайки”...

Дом, описанный В.В.Сусловым, имел кровлю на три ската, причем третий скат с главного фасада назывался “палатным”. Этот дом представлен на стр.31. Основная же часть домов “брусом” имели

обычное двухскатное покрытие. При этом в зависимости от состава семьи и размаха хозяйственной деятельности дома “брусом” имели либо очень простую структуру (например, дом М.А.Осиповой в Шеймогорах на Пинеге, либо весьма усложнились, как дом Ф.М.Ширяева в деревне Поганца (Городецк) на Пинеге [19]). Первый имел в плане четыре выстроенные в “затылок” помещения - избы, сеней или “передызя”, небольшого хлева и столь же небольшого хозяйственного “двора”. Второй - это целый комплекс под одной крышей (стр.32). Из “передызя” (сеней) (1) - отдельные входы в две симметрично стоящие избы - в “прихожую избу” (2), где в основном и жили, и в “чистую” (4), предназначенную для гостей. Избы разделены “проходным заулком” - чуланом (3) где хранят посуду и продукты. Обе избы объединены единым фронтоном. Над избами - светелка для летнего жилья. Из светелки выход на балкон (по местному “балахон”). Из сеней выход в “боковуши” (6). В одной хранили зерно, бочки с солениями. В другой иногда жили (в ней печь). Между боковушами - мастерская (5) - главным образом для зимних ремесел. Главное хозяйственное помещение - поветь (7) с огромной площадью (около 80 квадратных метров). Через ворота в задней стене на поветь по бревенчатому настилу (“взвозу”) лошадь ввозила воз с сеном, где оно и хранилось. Через отверстие в полу повети сено сбрасывалось в хлевы коровам и в “стайки” лошадям. Полы были двойными, и запах от скотины на поветь не проникал. На повети в непогоду проходили посиделки.

Дом построен в 1885 году. Все использованные в нем строительные и планировочные решения в сущности стандартны и переходят из века в век. Однако, облик его индивидуален, благодаря многочисленным вариациям. Дом венчает охлупень, на обоих концах которого - коньки. “Потоки” лежат на крюках “куриц”, обработанных в виде птичьих голов. Дом имеет привычные “причелины” и “ветреницу”, которую на Пинеге называют “кись” (кисть). Свес кровли защит тесом и был раскрашен. По фасаду дом имеет своеобразный постамент - “ряж”. Это обруч с засыпанной землей, предохраняющий камни фундамента, на котором стоит дом. По фасаду бревна нижнего венца боковых стен и внутренних стен обеих изб имеют заметный припуск - для лавки по всему фасаду.

В северном доме обращает на себя внимание высокое расположение окон (в доме Ф.М.Ширяева, например, окна начинаются над одиннадцатым венцом) и очень низкие входные двери в избу. Все это от заботы о тепле в доме. Хотя городской гость долго натурально “набивает шишки”, пока научится входить в такую избу.

Описанные детали дома “брусом” характерны и для домов другой формы - “кошелем” и “глаголем”.

Дом “кошелем” предназначался для нескольких семей, связанных между собой узами родства. Это родовое гнездо клана. Кошел, кошма - вместилище, большая корзина.

Благодаря устройству музея-заповедника в Кижях стал широко известен дом из села Ошевнева, поражающий своими размерами. Дом имеет два жилых этажа. Такие дома назывались “двужирными” или “двужильными”. Над зимним жильем располагался еще третий летний этаж - светелка. В доме объединены четыре избы, два жилых летних помещения, большая клеть, которая могла использоваться как под жилье, так и для хозяйственных нужд, гигантский хозяйственный двор, занимающий примерно 2/3 площади дома. Дом был обстроен с трех сторон открытой галереей с нарядными резными балясинами. Для дома “кошелем” характерна сложная асимметричная прямоскатная кровля.

Там же в Кижях можно увидеть дом типа “глаголь”. План этого дома имеет форму буквы Г. Отсюда и название “глаголь”. Это дом Елизарова из деревни Середка. Этот дом имеет одну одноэтажную избу и стандартный набор помещений, располагаемых буквой Г. Соответственно и кровля дома - сложный набор прямых скатов, увенчанных над избой резным “дымником”.

Аналогичные типы домов, собранные вместе, можно увидеть и в музее под открытым небом Малые Корелы под Архангельском.

На стр.35 представлены дома “кошелем” и “глаголем”.

Все рассмотренные в данном разделе типы домов дошли до нас в подлинниках, хотя и не слишком старых по возрасту. В основном наиболее древние из них - первая половина XIX века.

В отличие от культовых деревянных сооружений срок службы деревянных жилых домов был сравнительно невелик - максимум полтора - два века. При том, что наиболее “крепкие” хозяева клали “передок” дома из лиственницы, а двор из кондовой сосны. Но уже не раз упоминавшаяся верность традициям в деревянном зодчестве, вековая устойчивость строительных и декоративных приемов позволяют экстраполировать на далекую ретроспективу.

Далее мы рассмотрим архитектуру городских деревянных хоров и дворцов, которые нам известны только по описаниям и изображениям, часто весьма условным. Но даже и этого, как увидим, достаточно для того, чтобы убедиться в стабильности архитектурных приемов деревянного зодчества. Истоки его уводят в далекие языческие времена. В этом убеждает не только символика декора, не только изображения оберегов в резьбе и скульптуре, но и сами традиции строительства - его ритуал.

Дом обычно строили миром - “обществом”. Лес заготавливали зимой. Строить начинали ранней весной. После закладки первого вен-

Дом “кошелем” из деревни Ошенево. 1876 г.

Дом “глаголем” Елизарова из деревни Середка. XIX в.

ца, или “оклада” устраивалось щедрое угощение “помочанам”, называемое “окладным”. Это отголосок традиций жертвоприношения при закладке дома в древности. При раскопках в древнем Новгороде под срубами иногда находили конские черепа. Жертвоприношение сопровождалось ритуальным пиром.

После “оклада” начинали складывать сруб - “вести стопу”. За этим обычно приглядывал “приборщик”, возглавлявший артель строителей. В венцы нужно было правильно “прибрать” лес, чтобы в венцах чередовались бревна к комлю и вершине. После укладки матиц - новое ритуальное угощение “помочанам”. Это было обычно в начале лета: конец мая - начало июня. Затем приступали к кладке “на скоски” - рубить фронтон. В бревна - “самцы” врубались переводы - слегги, формирующие каркас верха дома. При укладке верхней - коньковой слегги - новое “коньковое” угощение артели. А уж по завершении строительства - пир щедрый и буйный. Это было в начале осени.

И много других милых нашему сердцу традиций дошло и до наших дней. В новое жилье первой должна была войти кошка. И до сих пор на Севере культ кошки. В большинстве северных домов в массивной дощатой двери с улицы в сени сделана прорубка для кошки.

И почти везде над входом увидишь прибитую подкову. И до сих пор на Севере, чем дальше от “цивилизации”, тем реже встречаются замки на дверях. Если хозяина нет - к двери приставлена палка. И никто не войдет. И вся эта совокупность идущих из древности традиций веками формировала народный характер - по большому счету высоконравственный, в основе которого справедливость и доброта.

4. АРХИТЕКТУРА КУЛЬТОВЫХ ПОСТРОЕК

Строго говоря, истории древнерусского деревянного зодчества не существует. По-видимому, она никогда не будет написана. Слишком короток век деревянных памятников, чтобы проследить по дошедшим до нас и по отдельным сведениям о недошедших до нас цельную, индивидуальную историю памятников и историю эволюции форм деревянного зодчества. Однако, также как антропологи, исходя из концепции устойчивости человеческого генотипа, могут строго классифицировать людские разновидности, так изучая памятники деревянного зодчества, исходя из устойчивости творческих методов их зодчих, восходящих к древней народной традиции, можно выделить устойчивые типологические решения при всем разнообразии конкретных реализаций.

И по-видимому, без особой натяжки можно утверждать, что наиболее ранней формой храма была "клетская" церковь и часовня, естественным образом отпочковавшаяся от архитектуры жилого дома.

Изберем в качестве принципа последовательности изложения настоящего раздела предполагаемое старшинство данного типа храма, хотя отчетливо осознаем, что близкие типологические решения встречались и в ранних памятниках, но не были в это время подхвачены.

Следует подчеркнуть также, что для деревянных храмов влияние регионов их постройки было, по-видимому, более существенным, чем для каменных. Однако, по сравнению с тяготением к стилистическому единству это влияние нам представляется эффектом второго порядка. Будем при этом, однако, отмечать регионы преобладания того или иного художественного приема.

4.1. Клетские церкви и часовни

По-видимому, клетские церкви и часовни строились на Руси без малого тысячу лет. Все это время они находились в поле тяготения двух взаимоисключающих сил: жилой клетки и византийского канонического храма. Внутреннее согласие было достигнуто. Жилая клеть продиктовала формы храма, канон определял содержание, его состав: западный притвор (он же - трапезная), сам объем храма, алтарный прируб (в часовнях последний отсутствовал, и в этом было их главное отличие от церкви). Впрочем устройство верха храма было тоже компромиссом между прямоскатной кровлей жилого дома и обязательно "преукрашенным" верхом церкви. В клетских церквях и часовнях этот компромисс достигался самыми деликатными средствами, благодаря чему эти постройки так ласкают взор и греют душу.

Первое место в многочисленном ряду клетских храмов безусловно принадлежит Лазаревской церкви - древнейшему из дошедших до нас памятников деревянного зодчества Руси. Ее основание относят к концу XIV века* и посвящена она была воскрешению евангельского Лазаря, а само возведение храма связывают с именем реального Лазаря - основателя Муромского монастыря на юго-восточном берегу Онежского озера. Известна рукописная "Повесть о Муромском острове" (на самом деле монастырь стоял на мысу, отделенном от берега тонким перешейком), в которой излагается история основания монастыря и жизнеописание основателя. Лазарь по легенде - "римлянин", дважды направлявшийся константинопольским патриархом в Новгород. Новгородцы гордились своей связью с "римлянами". У Лазаря был другой легендарный пред-

* С этим согласны не все, и несогласные относят церковь к концу XVI века.

шественник - Антоний, именем которого назван монастырь в Новгороде, который вообще приплыл из Средиземного моря в Ильмень, долгие годы стоя и молясь на камне, который и сейчас можно увидеть в Антониевом монастыре.

Во второй свой приезд Лазарь насовсем остался в Новгороде, а после смерти новгородского архиепископа Василия отправился на Север, на озеро Онего основывать монастырь. Как и Антоний, он подвергался многим испытаниям и опасностям, но монастырь основал, да к тому отстоял его в борьбе с местными язычниками "страшными сыродцами" - (лопань и чудь). Вот Лазарю и приписывается постройка церкви Святого Лазаря где-то незадолго до его кончины. А умер Лазарь по легенде в 1391 году в возрасте ста пяти лет. И похоронен был за алтарем Лазаревской церкви. И сейчас еще сохраняются следы его могилы в кладбищенской роще. Нет на старом месте только Лазаревской церкви В 1959 году она была перевезена в Кижский заповедник, реконструирована и реставрирована по проекту архитектора Ополовникова А.В. С 1867 года церковь Лазаря была заключена в своеобразный деревянный мавзолей, для чего, правда, был разобран западный притвор. Но как бы то ни было эта акция спасла в свое время уникальный памятник. И сейчас он приобрел свой первоначальный облик, лишившись при том своей внешней среды: стоит не в кладбищенской роще, а на открытом пространстве. Западный притвор построен заново. Не вдаваясь в полемику по поводу правдоподобия жизнеописания основателя храма, можно по крайней мере непредвзято увидеть, что сам храм убедительно свидетельствует о своей древности. В XV веке так уже не строили.

Углы церкви рублены в "обло" - в "простую чашу". Паз для стыковки бревен сделан в каждом верхнем венце ("причерчивание" бревен). В XV веке в Северных церквях этот прием уже не встречается. Древней является конструкция входной двери (в косяке верхняя и нижняя перемычка замка сопрягается с боковыми косяками снаружи и внутри по разному). Опять же в XV веке такой замок уже делали целиковым. И еще ряд деталей свидетельствует о раннем происхождении памятника - отсутствие потолков в притворе и алтаре, грубость ряда конструктивных деталей. В остальном церковь Лазаря - устойчивый, многократно повторяющийся впоследствии тип церкви, хотя и с многочисленными и в ряде случаев весьма существенными вариациями.

Церковь поставлена на невысокий фундамент из небольших валунов, между собой не скрепленных. Размеры церкви 8,8x3,6 кв.м. У нее нет подцерковья. Последовательность срубов, симметрично поставленных вдоль продольной оси здания, - сужающаяся.

**Лазаревская церковь Муромского монастыря XIV в.
Реконструкция западного фасада**

**Лазаревская церковь Муромского монастыря XIV в.
Реконструкция восточного фасада**

**Лазаревская церковь Муромского монастыря XIV в.
Общий вид церкви в Кижях**

Западный притвор - шире сруба церковной клетки, а алтарный сруб - уже нее. Верхние венцы церковной клетки имеют небольшой повал мягкой, плавной формы. Все три кровли разделены на два ската. Уклоны алтарной и церковной кровель одинаковы, кровля западного притвора более полого (стр.40,41). Все три кровли при- давлены охлупнями. В центре церковной кровли на ее гребне - миниатюрные круглый барабан и луковичная главка - маковка с крестом. Барабан и маковка покрыты лемехом. Кровельный - "крас- ный" тес всех трех скатов имеет в нижней части украшение в виде "усеченных" резных "пик". Под тесовой кровлей - слой "скалы". Широкие полотнища бересты сшиты берестяным же лыком.

Все три кровли - разновысоки. Естественно самое высокое здание - церковное, затем алтарь, а затем уж притвор. Алтарь имеет три волоковых небольших оконца. Церковная клеть - одно небольшое косячатое окно на южном фасаде и одно волоковое - на северном. Никаких внешних украшений. Украшение - она сама. Спокойный ритм разновысоких кровель, прелестная главка - от всего этого веет такой теплотой и уютом, что от нее трудно уйти (стр.42,1).

Интерьер церкви вполне согласуется с ее внешностью. Полы сделаны из очень широких (более полуметра) массивных плах. Потолок тесовый - лежит на одной продольной матице.

В церкви тьябловый иконостас, имеющий два яруса. В верхнем ярусе деисусного чина иконы с архангелами и апостолами, а в нижнем - местные святые. Иконы письма XV-XVI веков.

Лазаревская церковь - эталон простоты конструкции и архитектуры клетской церкви. Лаконизм здесь доведен до предела. Краткость здесь не сестра таланта, а сам талант.

Рассмотрим теперь наиболее интересные усложнения, использованные зодчими в клетских церквях. Поиски шли в двух направлениях: усложнение верхов - кровель и усложнение планировки храмов - отступления от принципа симметрии относительно продольной оси здания. Нередко оба усложнения использовались одновременно. А игре верхов способствовала еще и установка зданий на подклеты.

Церковь Ризоположения из села Бородавы, бывшей вотчины Ферапонтова монастыря, датируется 1485 годом (эта дата указана на антиминсе - покрове алтарного престола, возлагавшемся при освещении храма)*. Срубы церкви и здесь поставлены симметрично относительно продольной оси, однако церковь получила открытую галерею - паперть по южному и западному фасаду трапезной, благодаря чему симметрия плана нарушалась. Церковь стоит на подклете и имеет два сруба. В одном - собственно церковь и алтарь (алтарная часть сруба существенно понижена), в другом срубе располагается трапезная. Площадь трапезной клетки даже превышает площадь церкви. Как и в Лазаревской церкви сруб трапезной шире сруба основного. Трапезная имеет обычную пологую двухскатную крышу. Зато главная часть покрыта высокой и крутой (клинчатой) кровлей с полицами над павалом основного сруба. Храм также крыт тесом, придавленным охлупнем, центр которого прорезается барабаном с главкой, "окужушенных" лемехом Алтарь также крыт двухскатной пологой кровлей, но в верхней своей части она преобразуется в "бочку", на вершине которой - маленькая главка.

* В [28] церковь датируется 1486 годом.

Церковь Ризоположения из села Бородавы. 1485 г.

Георгиевская церковь села Юксово. 1493 г.

И “бочка” и главка со своим барабанчиком крыта лемехом (стр.44). Ныне церковь перенесена на территорию Кирилло-Белозерского монастыря.

Такая же забота об устройстве верха с большим мастерством была проявлена и зодчим Георгиевской церкви села Юксово Подпорожского района (1493 г. [28])* . Эта церковь имеет два равновысоких сруба западного притвора и алтарного прируба, симметрично поставленных относительно основного сруба храма, причем достигнута симметрия не только относительно продольной оси , но и относительно поперечной оси здания. Поскольку притвор и алтарь имеют меньшую ширину, чем основной сруб, здание в целом в плане имеет форму креста. Все три сруба очень высоки, но при этом центральный сильно возвышается над прирубами. Главную прелесть составляют клинчатые кровли, имеющие равный наклон и уступы - сливы (по одному на прирубах и два на центральной кровле). Благодаря уступам, кровля воспринимается как многоскатная (по семь скатов на сторону) и выглядит чрезвычайно живописно и даже монументально. Сочетание крутой кровли с крутым повалом центрального сруба усиливает этот эффект (стр.45). К сожалению, здание огрубляет широко раскинувшаяся крытая

* В [20] церковь отнесена к первой четверти XVI века.

Никольская церковь села Глотово. 1766 г.

галерея, обходящая его с трех сторон и пристроенная явно позднее.

Клинчатая кровля стала в дальнейшем излюбленным приемом в завершении клетских церквей. До нас дошли замечательные образцы таких храмов и в Центральной России: Успенская церковь в городе Иваново XVII-XVIII веков, Никольская церковь из села Глотово Юрьев-Польского района 1766 года, Спасо-Преображенская церковь из села Спас-Вежи из-под Костромы 1628 года.

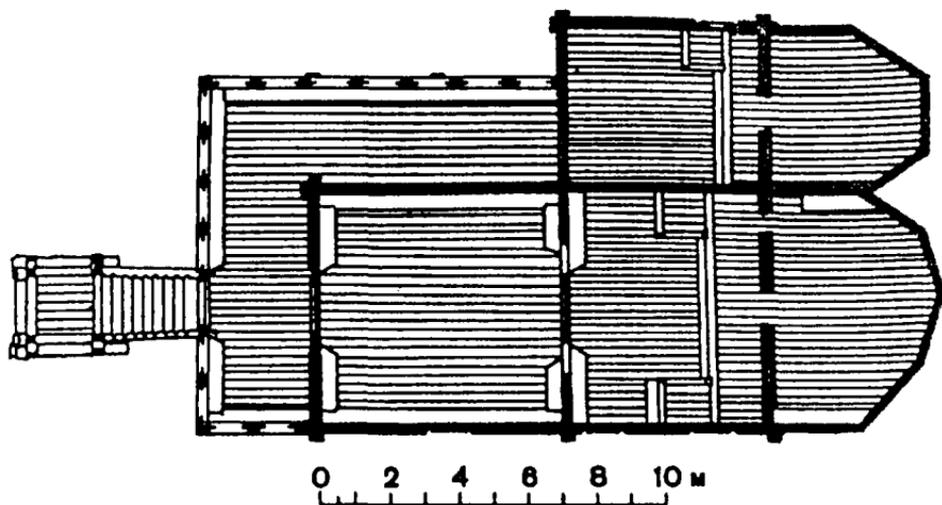
Интересно, что эти церкви, строившиеся в разное время и стоявшие на достаточном удалении друг от друга оказались в главном столь похожи. Общая трехчастная композиция: притвор - церковь - алтарь с разновысокими клинчатыми кровлями одинакового наклона (стр.46,II,III). Все здания симметричны относительно продольной оси. Однако, сколько при этом замечательных отличий, делающих каждое здание глубоко индивидуальным, оригинальным.

Так Спасо-Преображенская церковь уникальна по своей постановке - на высоких бревенчатых сваях. По легенде эта церковь "сменила" место своей установки. Первоначально она стояла на кладбище на берегу реки Соть в месте, затопляемом при разливах в половодье. Однажды вода была столь высокой, что церковь всплыла и "чудесно приплыла" на новое место, где ее поблизости и установили вновь. Ныне эта церковь обрела третье место - в музее деревянного зодчества на территории Ипатьевского монастыря в Костроме. Алтарь церкви пятигранный, однако завершается высоким треугольным фронтоном с соответствующей ему прямоскатной кровлей. Галерея низкая, крытая, обегает здание с трех сторон. Глава - изящная маковка с круглым барабаном, укрытые лемехом, установлены на пьедестале - четверичке, прорезающем клинчатую кровлю в центре. Не сразу обращаешь внимание, что кровля под маковкой имеет плавные криволинейные скаты с выгнутостью в нижней части кровли.

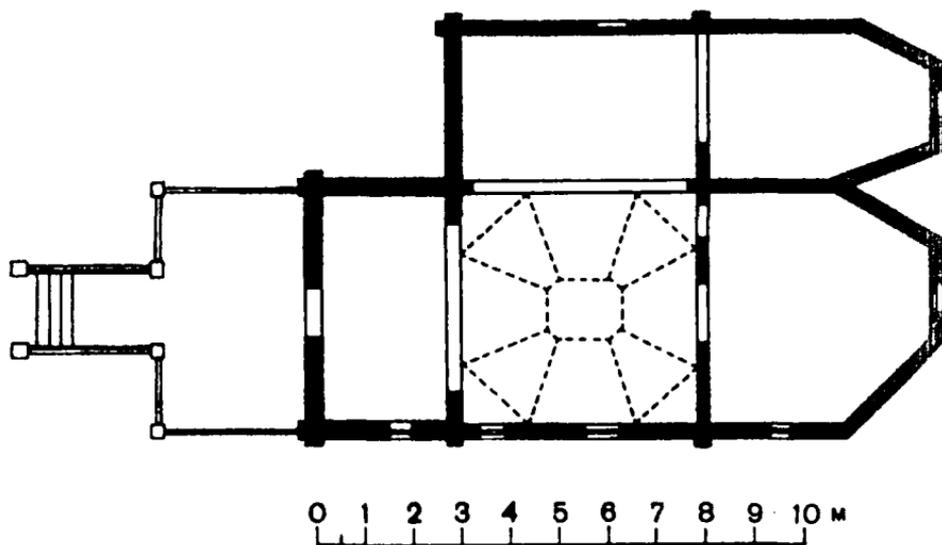
Никольская церковь также не по своей воле сменила место жительства. Ныне она стоит на территории Суздальского музея под открытым небом, став его первым экспонатом в 1960 году. Церковь также имеет пятигранный алтарь, но крыт он шатром по пяти граням. Однако превалируют боковые грани, образующие клинчатое прямоскатное покрытие равного наклона с кровлей центрального здания и притвора. Галерея здесь открытая, что придает зданию большую живописность, доходит галерея лишь до середины боковых фасадов центрального здания.

Главка церкви с барабаном, также крытая лемехом, покоится на пьедестале - восьмеричке.

Рождественская церковь из села Талицы Юрьевского района Ивановской области 1768 года весьма близка по основным характерным чертам церквям Никольской из села Глотова и Успенской из Иванова. Однако, есть у нее существенные особенности. Алтарь основной церкви имеет шестигранную форму. В остальных известных случаях алтари либо прямоугольные, либо пятигранные (одиночные, либо двоянные). Но главная ее особенность состоит в том, что она усложнена дополнительными пристройками, благодаря чему

План Рождественской церкви села Талицы. 1768 г.

План Знаменской церкви села Пылево. 1624 г.

Благовещенская церковь деревни Пустынька. 1719 г.

утратила симметрию относительно продольной оси. К северному фасаду церкви примыкает придел со своим алтарем пятигранной формы. Оба алтарных выступа сделаны вровень. Позднее в XIX веке с западного входа к церкви была пристроена шатровая звонница. Аналогичная планировка была и в Знаменской церкви села Пылево Тверской области 1642 года, перенесенной в музей под открытым небом под Торжком. В Пылевской церкви есть еще одна, уникальная особенность - она имеет интереснейший шатровый

**Часовня из деревни
Леликозеро. XVII-XVIII вв.**

**Часовня из деревни
Кавгора.
XVIII - начало XIX вв.**

потолок из восьми граней сложной формы. На стр.48 приведен план Рождественской и Знаменской церквей.

И прежде, чем перейти к клетским часовням, еще об одном уникальном покрытии клетских церквей, дошедшим до нас в одном единственном памятнике. Это Благовещенская церковь 1719 года в деревне Пустынька на реке Онеге недалеко от Плесеца. Церковь двухпрестольная. Нижний теплый Благовещенский храм был освещен в 1719 году, верхний Вознесенский храм - в 1725. Крупный четверик величает мощная “бочка”, вырастающая из подкрылков - полиц, возлежащих на крутых повалах завершения храма. “Бочке” верха вторит “бочка” завершения крупного пятигранного алтаря, стены которого также завершаются повалами, укрытыми полицами с небольшим уклоном. Церковь эта была впервые описана В.В.Сусловым более ста лет тому назад. В.В.Суслов сделал обмеры церкви: длина 8, ширина 4, высота 8 сажен (сажень 2,14 м). (стр.49). В дальнейшем, когда мы перейдем к деревянным хоромам и дворцам, мы увидим, что такое бочкообразное покрытие использовалось достаточно широко, но чтобы церкви строились “по хоромному” это, видимо, все-таки была редкость, иначе бы Благовещенская церковь не была бы единственным дошедшим до нас памятником такого рода. Удивительно и место

возведения такой “хоромной” церкви. Здесь в малонаселенных местах, в порожистой непроходимой части Онеги, как сказано в Писцовой книге 1621-1622 года: “В Каргопольском уезде, в Турчасовском стану, на Онеге реке, на Емецком волоку, монастырек убогий Благовещенский; а в нем церковь Благовещения Пречистой Богородица деревяна, стоит без пения, и церковного строения нет ничего”. Видимо, на месте этой церкви и была построена одноименная церковь 1719 года. Уже в 1764 году пустынь была упразднена. Там оставался один монах. Рискнем обратить внимание на, быть может, случайную аналогию. Под Москвой в селе Тайнинском в 1675-1677 годах была построена тоже Благовещенская, но каменная церковь, входившая в дворцовый деревянный комплекс путевого дворца Алексея Михайловича. Церковь имеет изумительной красоты крыльцо, венчаемое крупной превосходной формы “бочкой”. Вдруг есть здесь какая-то связь? В истории чего не было!

А теперь о клетских часовнях (стр I). Такие часовни во множестве ставились в маленьких, удаленных деревнях и селах, иногда расположенных возле них священных рощах. Священник в часовне был не положен. Службы в часовнях по праздникам чаще всего отправляли сами крестьяне, и крестили и отпевали. И строили часовни по своему разумению и вкусу. Главное отличие от клетской церкви - отсутствие алтаря. Но зато в состав часовен чаще входят шатровые звонницы, венчающие притворы трапезных. Иногда часовни ставились на подклетах, обстраивались галереями. Основные вариации - абсолютная свобода игры деталей и пропорций; соотношение высот притвора и основного объема (притвор должен быть не выше); главка либо на барабанчике, либо непосредственно на кровле; форма и размеры звонницы. Но это все “как правило”, ибо и исключений было немало. Иллюстрации здесь крайне затруднены. О часовнях можно писать отдельную книгу (см., например, [7]).

Тем не менее, перечислим некоторые наиболее яркие и представительные памятники этого вида зодчества.

В часовне Михаила Архангела из Леликозера, построенной в XVIII веке, прекрасная четырехскатная кровля с параллельными скатами, украшенными параллельными же причелинами. Трапезная ниже основного объема, но ее два ската также параллельны кровлям основного объема. К трапезной в XVIII веке были пристроены сени, над которыми поставлена шатровая звонница на восьмерике (стр.50).

Часовня Трех Святителей из деревни Кавгора XVIII-начала XIX века имеет высокий восьмерик с шатровой звонницей над запад-

ным притвором и высокое одномаршевое висячее крыльцо. Эта часть является абсолютно доминирующей во всем здании (стр.50).

В Егорьевской часовне из Усть-Яндымы (конец XVII-XIX века) мощный восьмерик шатровой звонницы стоит на низком четверике в несколько венцов и имеет сложную форму. По западному фасаду он поднимается как восьмерик, а восточная часть, примыкающая к стене часовни - прямоугольная и переходит в восьмерик выше перекрытия сеней.

В Никольской часовне деревни Вершинино XVII века - высокий повал и прекрасная клинчатая двухскатная кровля.

И это перечисление можно множить и множить и обнаруживать все новые детали находок и необычных традиционных сочетаний.

Борясь с расколом, рассадником которого был Север, и в целом неодобрительно относясь к массовому и потому бесконтрольному строительству часовен, официальная церковь в начале XVIII века запретила строительство новых часовен, а старые было приказано разобрать. Однако, такое административное решение, как нынче говорят "не сработало" и его с поспешностью отменили: "Которые часовни еще не разобраны... их снова возобновить и взятые...иконы отдать". Очень привычное действие! Более того, часовни ранее построенные без на то соизволения церковных властей, были коллективно благословлены. Вот тогда-то и началась перестройка часовен и в конце XVIII-начале XIX века к ним и стали пристраивать шатровые звонницы и тогда они и приобрели тот облик, который донесли до нашего времени.

4.2. Шатровые церкви

Истоки шатрового зодчества скрыты от нас сумраком давно прошедших веков. Ясно, что в деревянное зодчество шатер пришел задолго до прихода в каменное зодчество. Когда в писцовых книгах описывалась церковь и указывалось, что она “древяна сверху”, это означало, что она шатровая. Это значит, что деревянное первородство шатра бесспорно. До недавнего времени считалось ясным, что в каменном зодчестве развитие шатровых форм всецело обязано деревянному зодчеству:

“Принимая во внимание чрезвычайную медленность движения вперед, обычную для народного искусства, а также вековые традиции деревянного строительства, едва ли ошибочным будет предположение, что еще задолго до XVI века существовали близкие по конструкции и художественным формам предшественники уцелевших до нас храмов. Эти предшественники несомненно сыграли значительную роль в формировании каменной архитектуры XVI века, яркими представителями которой являются храмы Вознесения в селе Коломенском под Москвой и Московский Василий Блаженный. Нельзя допустить и мысль об обратном влиянии этих храмов на деревянное церковное зодчество”. [4].

В последнее время все чаще высказывается точка зрения о самостоятельности каменного шатра, его независимости от деревянного [2, 32].

По-видимому все-таки истина находится где-то посередине. Конечно, вся история развития каменного зодчества до второй четверти XVI века - это сознательное и подсознательное стремление к концентрации архитектурных масс и доминированию высотной компоненты здания. Но разве могло не заметить каменное зодче-

ство сформировавшийся процесс развития шатрового деревянного храма? И когда час каменного шатра настал, он, естественно, был реализован средствами и приемами, присущими каменному зодчеству. [33]. Но сейчас нас интересует “откуда пошел есть” шатер? Проблема эта равно интересна и для каменного и для деревянного зодчества.

И здесь нет недостатка в версиях и гипотезах, при этом подчас версии выдаются за истину в конечной инстанции.

Так же, как красота и польза - суть главные добродетели деревянного зодчества, так неотделимы были в жизни на русском Севере мирское и духовное начала. Причем во всем - в быту, празднествах, печалях и молениях. И никакой Никоновской реформе не удалось на Севере отделить духовное от мирского, (отчего так долговечны оказались деревянные шатры на Севере, несмотря на все запреты на их возведение).

Потребность в духовном, равно как и в красивом проявилась в праистории славян - язычников во времена их родо-племенного жизненного устройства. Тогда начала складываться материальная и духовная культура, оформившаяся в традиции, обычаи, привычки, приемы, с которыми жили и умирали многие поколения. Любые, пусть небольшие, но коллективные поселения предполагали их замкнутость, упорядоченность и обязательное доминирующее значение вертикали, как символа значимости. Отсюда ритуальные курганы, которыми была усеяна Русь, имели внушительные размеры : до 50 - 60 метров в диаметре и до 15 метров по высоте. Чем значимее был усопший, тем больше печали по поводу его утраты, тем выше погребальный курган. Н.И.Бруновым в свое время высказывалась версия, что погребальные курганы явились прообразом формы шатров. Но здесь, по-видимому, не столько важны прямые аналогии, сколь важен скрытый язык символов и их значение, в особенности в жизни наших далеких предков, когда символы становились традицией. В связи с этим со временем символом каждой постройки стал ее верх - ее кровля. Высота, крутизна, форма - не только символический, но и функциональный принцип значимости здания.

Поэтому есть основание для версии, высказанной Н.А.Некрасовым в монографии “Византийское и русское искусство”(1924 г.): “Возможно, что бывшие у нас языческие капища посреди города образовывали центрическое сооружение, и храмоподобный столп был заимствован от языческого сооружения”.

Вместе с тем центричность здания, к которой так стремилась и древнерусская каменная архитектура, вероятно не столько материальная аналогия, чего-то увиденного и понравившегося, сколько направление сознания - господство солярного символа - обоже-

ствление Солнца. Не зря ранние шатровые храмы с центрической композицией (“о двадцати стенах”) в летописях назывались “круглыми”.

Христианство принесло славянам идею бесконечного господства церкви и власти вообще. Нужны были адекватные выразительные средства, реализуемые в материале. В горниле этих борений родился, сформировался, вошел в плоть и кровь и в результате полюбился шатер.

Важно при этом, что форма оказалась не только красивой, (ведь в красоту можно просто поверить, привыкнуть), но и практичной. В первую очередь надежной; не последнюю роль играло и то, что по аналогии со сторожевой башней - вежей, верх шатра позволял вести наблюдения за дальними окрестностями, что не мало, когда кругом опасность.

Приведем интересное наблюдение В.В.Суслова [1] с.94:

“Говоря об общей форме храмов на берегу Двины, нельзя не упомянуть, что большинство из них представляли большую особенность по своему силуэту, весьма напоминающего вид корабля. Вероятно, в период развития у нас символики такую форму выражалось народное представление о значении церкви в жизни человека. Церковь уподоблялась кораблю, который один только может привести через море житейское в вечное пристанище. В форме этой нельзя не подметить и практической стороны, так как, помещая церковь на высоких подклетах, устраняли во время разлива рек опасность порчи церковных вещей, образов и т.п.” (сохранено написание автора).

Возникает вопрос, почему шатер восьмигранный, а не четырех- и не шестигранный, как это использовалось в покрытиях крепостных башен. Быть может объяснение в том, что наиболее эффективным решением расширения площади шатровой церкви явился сруб - восьмерик, (понимая под эффективностью отнесение полученной площади к произведенным на то затратам труда и материала). В таком случае восемь граней шатра просто отвечали форме пьедестала. И это число сохранилось при постановке основания церкви в виде четверика, для чего между шатром и четвериком был введен переходной восьмерик. Но известна попытка объяснить восемь граней на языке символов: “...геометрическая основа восьмигранного шатра с главкой (8+1) дает символическое истолкование восьми праздников Богоматери, объединенных ее собором, где она прославляется в образе “Царицы небесной”. (Гуляницкий Н.Ф. “Архитектурное наследство” N28 М. 1980. с.56).

Весьма непросто проследить эволюцию форм шатрового храма. Принято думать, что первоначальный тип храма - “шатер на квадрате четверика”. До нас такой тип не дошел.

Второй по старшинству формой полагают восьмерик “от пошвы” с шатром, имеющий алтарный прируб и не имеющий ни притвора, ни приделов. Храм - столп. Таких памятников было изучено и описано всего несколько, и они тоже не дошли до наших времен.

Третья форма - восьмерик “от пошвы” с шатром, имеющий притвор трапезной на западе и алтарный прируб на востоке. Такие здания обыкновенно окружались с трех сторон галереями - папертью (как ее называли на Севере “нищевиком”). Таких зданий описано около десятка. Несколько дошли до наших дней.

Четвертая форма - восьмерик “от пошвы” с шатром, имеющий западный притвор трапезной, алтарный прируб и два придела (с севера и юга). Именно эти храмы называли “о двадцати стенах” или “круглыми”, так как они имели центрическую композицию в плане.

В XVII-XVIII веках распространилась форма, появившаяся впрочем намного ранее, четверик - восьмерик - шатер, при этом к четверику прирублены притвор трапезной и алтарь с востока и в большом ряде случаев два придела с южного и северного фасадов. Это наиболее распространенная форма храма. Среди них подлинные мировые шедевры.

И, наконец, храмы, в которых пытались достичь компромисса между “законным” пятиглавием и “незаконным” шатром (конец XVII-XVIII века).

Такие храмы известны в двух модификациях: центральный шатер с главкой и четыре главки вокруг него по углам сруба, в другой - главки ставились на “крещатой бочке”. Здесь шатер, хоть и сохранен, но утратил былую мощь и стройность. Но сохранен!

Принадлежит к одному из перечисленных типов шатровых храмов, каждый конкретный храм был индивидуален и наделен своими, присущими только ему деталями, пропорциями, контуром.

Само деление, типологическое, достаточно условно и во временном измерении, так как все временные границы между типами зданий размыты. Справедливо было бы говорить о преобладающих тенденциях, которые надежно прослеживаются лишь с конца XVI - начала XVII веков.

С конца XVIII века шатровое церковное строительство, как обрубил! В каменном зодчестве это произошло на полтора века раньше. И как в каменном зодчестве, после этого стали украшать шатрами колокольни и крыльца, так и в деревянном зодчестве продолжили возводить шатровые колокольни.

Рассмотрим лучшие образцы шатровых храмов перечисленных выше типов, дошедших до недавних и даже до наших времен.

Итак, тип храма “восьмерик на пошве” с алтарем и западным притвором - трапезной.

С печалью можно констатировать, что лучшие храмы этого типа до нас не дошли, но их успели обмерить, и они запечатлены на фотографиях и рисунках.

В верховьях Пинеги в старинном поселении, именуемом Выйский погост, история которого восходит к временам покорения местной чуди Новгородом, стояла до недавнего времени Ильинская церковь постройки 1600 года [10]. Она имела высокий восьмерик, сложенный из длинных, крупных бревен, так что внутренняя площадь храма была весьма значительной. Верх восьмерика имел крутой повал, крытый полицами с легким уклоном, но большим выносом за вертикали стен восьмерика. Над полицами возвышался могучий шатер, имевший высоту, примерно, равную высоте восьмерика, что придавало общему облику храма монументальность и незыблемость. Зримо ощущалось, что храм построен "по старине" С запада к церкви был пристроен прямоугольный притвор, а с востока - прямоугольный же алтарь. Их модули соответствовали размеру бревна восьмерика, так что оба они были квадратными в плане. Оба они были крыты красивыми бочками с высоким килем, которые по сути были единственным декоративным элементом храма. И шатер с маковкой и покрытия бочек были крыты лемехом. Церковь погибла усилиями местных жителей (раскатали на дрова...).

Никольская церковь в селе Панилово в низовьях Северной Двины была также построена в 1600 году [3]. И формы ее весьма напоминают церковь Выйского погоста. Но у нее есть одна особенность - развитая конструкция трапезной, примыкающей к трем граням западного фасада восьмерика. В этом храме начинало уже формироваться понимание роли трапезной, как связующего звена между церковью и "обществом". Воспроизведем изображение Паниловской церкви по рисунку И.Э.Грабаря (стр:59). И эта церковь не дошла до нас.

В низовьях Северной Двины под Архангельском стоит один из древнейших шатровых храмов рассматриваемого типа - церковь Николы в селе Лявля 1581-1584 годов. [37]. Эта церковь не только дошла до нас, но и стоит там, где была первоначально поставлена - на высоком берегу Северной Двины. По преданию церковь поставлена стараниями новгородской посадницы Анастасии над гробом ее брата Стефана. Сейчас церковь после реставрации 70-х годов нашего столетия и удаления, уродовавших ее "боголепных" поновлений, с которыми она простояла около ста лет, предстала пред нами в первоначальном виде, хотя при реставрации ей не вернули первоначальные галереи. Изучение ее многочисленных деталей указывает с одной стороны на древность конструктивных

и строительных решений, а с другой - убеждает в высокой стабильности, отработанности стиля. Церковь еще более массивна, чем Паниловская и на Выйском погосте (стр. IV).

Хотя следует иметь в виду, что при поновлении в прошлом веке церковь была лишена нижних венцов с выпускными бревнами, на которых располагалась галерея. Так что соответственно на высоту этих венцов церковь стала ниже первоначальной (около 3 метров). Но в ее пропорциях нет противоречий и диссонансов. Довольно крупная глава венчает восьмигранный барабан, вырастающий из шатра. Все это крыто лемехом. И здесь притвор и алтарь крыты "окожуженными" бочками. Равные размеры притвора и прируба алтаря делали срубную часть здания симметричной относительно продольной и поперечной осей.

Церковь Владимирской Божьей матери с погоста Белая Слуда была построена в 1642 году [1, 3], и время постройки наложило свой отпечаток прежде всего на форму и высоту шатра. По сравнению с рассмотренными церковь имела более высокий и стройный шатер, находясь в полном соответствии с господствующим вкусом. Высота церкви от "пошвы" до креста 45 метров!. Церковь была впервые описана и обмерена В.В.Сусловым, мы воспроизводим ее по его рисунку (стр. 60). По нему хорошо видна и понятна роль галереи. В.В.Суслов обращал внимание на то, что галереи в Подвинье строились исключительно при холодных церквях. Они располагались на выпускных бревнах нижних венцов срубов, игравших роль кронштейнов, на высоте 2-3 метра от поверхности земли или на столбах, как это было в Белослудской церкви. Галереи делались из брускового скелета, забранного досками "прямо" или "в косяк". В досках прорезались немногочисленные оконца причудливой формы, "заволакивающиеся" изнутри специальными заслонками. С южной стороны галереи иногда делались открытыми и стойки обделывались в виде резных колонок, как это и было в Белослудской церкви. Внутри галереи - вдоль стен храма располагались скамьи. Паперти - неизменное место в русских церквях одаривания нищих подаванием. Поэтому и называли галереи в северных церквях "нищевиками". Из галереи вел ход в предцерковье, где и располагалась трапезная.

Церковь в Белой Слуде - один из наиболее совершенных памятников рассматриваемого типа. Благородство ее пропорций, подчеркнутая роль шатра, изящество линий - гармония плавных переходов с геометричной линейностью граней шатра и вертикалей стен сруба делали этот храм классическим представителем типа. Поэтому так прискорбна его утрата. Церковь сгорела от удара молнии в 1962 году...

Никольская церковь. Село Панилово. 1600 г.

И последнее здание рассматриваемого типа - Георгиевская церковь 1672 года из села Вершина [3]. Церковь эта сохранена, но стоит не там, где была первоначально поставлена, а перенесена в музей под открытым небом в Малые Корелы под Архангельском, (кстати, недалеко от села Лявля). Все в этой церкви уже нам знакомо, но облик ее неповторим (стр.61, V). Она не так стройна, как Белослудская церковь, но и не так приземиста и коренаста, как Лявлинская. Ее пропорции совершенны, ее облик мужествен. И этот образ создается теми же деталями, что и в предыдущих храмах, но образ - иной.

**Церковь Владимирской Божьей матери. Погост Белая
Слуда. 1642 г.**

Георгиевская церковь. Село Вершина. 1672 г.

Храм обегает крытая галерея, восстановленная при переносе его в Малые Корелы. С запада к трапезной примыкает двухвсходное резное крыльцо, крытое бочкой. Ею же, как и в предыдущих храмах, крыты притвор трапезной и алтарь. Бочки, шатер, барабан и главка крыты прекрасным лемехом. Пологие поллицы шатра, бочки прирубов, кровли галереи и входов крыльца вносят спокойный, полный достоинства, умиротворяющий ритм.

Атлетизм не нуждается в демонстрации мускулов.

Будем надеяться, что этому памятнику уготована долгая и счастливая судьба.

Следующий тип храма - "круглая о двадцати стенах" (восьмерик с четырьмя симметричными прирубами). Такая композиция известна издавна, по крайней мере с XIII века, но распространение получила вновь в XVII веке.

Введенская церковь на Сурском погосте была одним из старейших храмов такого типа, дошедших почти до наших дней [17, 19]. Она была возведена в 1585 году в конце села, в излучине Пинеги. Из этого села происходил сын сурского дьячка Иван Сергиев, ставший впоследствии Иоанном Кроншдатским. Церковь имела мощный восьмерик с высоким шатром. Высота церкви от "пошвы" была сорок метров. По сторонам света к граням шатра были прирублены квадратные в плане притвор, алтарь и приделы, все крытые бочками с высоким килем. Центричность композиции убедительно работала на высотную вертикаль здания. Церковь ныне не существует.

Совсем другая по замыслу, но тоже "круглая о двадцати стенах" Троицкая церковь 1727 года была построена в центре погоста Ненокса.

В эти годы в основаниях шатровых композиций исключительно используют четверики, к которым также пристраивают по два или по четыре прируба, но об этом чуть позже. В эти же годы древний прием "круглой церкви о двадцати стенах" плодотворно используется при возведении многоглавых храмов (Покровская церковь в Вытегре, Преображенская церковь в Кижах), о чем также речь пойдет в своем месте. Так что Троицкая церковь в Неноксе занимает особое место - одного из поздних храмов с такой композицией [21]. К могучему двухъярусному восьмерику по сторонам света примыкают четыре одинаковых прируба. В восточном организован алтарь основной церкви. В северном и южном прирубах - приделы церкви. В западном притворе по традиции - трапезная. Первоначально трапезная была обстроена крытой галереей с тремя крыльцами. Центральное двухсходное - вело непосредственно в трапезную, боковые - в приделы. Главной особенностью Троицкой церкви является покрытие ее прирубов. Все они крыты одинаковыми по высоте шатрами с луковичными главками. Между ними возвышается могучий центральный шатер, имеющий высоту более двадцати метров (стр.64). Шатровое пятиглавие - уникально. Хотя не исключено, что в древности у такого пятиглавия был устойчивый прототип. Так в переписной книге 1630 г. Великого Устюга [35] перечисляются двадцать восемь храмов с сорок

одним престолом, из которых двадцать семь были деревянными, а из них семнадцать были шатровыми (“дервянна вверх”). Так вот из семнадцати шатровых церквей две были о пяти верхах с тремя престолами (Прокопьевская и Ново-Воскресенская). Но как они выглядели - не известно. В Великом Устюге не сохранилось ни одной деревянной церкви.

Самым массовым типом из дошедших до нас шатровых храмов является “шатровый восьмерик на четверике с трапезной”, как он значится по документам Руси. Этот тип наиболее богат разновидностями, что отчасти объясняется числом известных нам памятников

Рассмотрим наиболее интересные и значительные из них.

В начале два ранних храма рассматриваемого типа, которые объединяет одна важная особенность.

Никольская церковь Муезерского Троицкого монастыря датируется по разным источникам 1602-1605 годами[7]. Это один из самых ранних памятников типа “восьмерик на четверике”. Монастырь уж давно не существует, а церковь стоит на островке на озере Муя в Беломорье, посреди старого кладбища. Церковь поставлена на возвышении и состоит из двух срубов на подклете, в одном из которых - большем, находится трапезная, а в другом, собственно церковь с алтарем. Специального алтарного прируба церковь не имеет, и алтарь отделен от церкви тесовой перегородкой. Интересной особенностью церкви является постановка ее шатра. Он смещен к западному краю церковного сруба и частично накрывает и алтарь. Асимметрия продолжена и в расположении дверей трапезной и церкви, окон на северном и южном фасадах.

Клеть трапезной существенно шире клетки церкви, но стоят они симметрично относительно продольной оси здания. Оба сруба крыты тесовой кровлей. Крыт тесом и приземистый массивный шатер, стоящий на невысоком восьмерике, половину которого по высоте составляет повал. Круглый барабан несет на себе луковичную главу и крыты они лемехом. Интересной особенностью церкви была система ее обогрева. В подклете находилась печь, топившаяся по черному. Дым отводился в оконце подклета, а теплый воздух поступал в верхнее помещение по специальному коробу. В постройке церкви ощутимо мастерство строителей, но равно ощутима и печать поиска. Пока это веха на пути к вершине (стр.64).

Муезерской церкви вторит столь же ранняя Богоявленская церковь в селе Челмужи 1605 года. [7, 16, 21]. Нередко ее называют церковью Петра и Павла. Построена она была “тщанием прихожан” в старинном новгородском погосте Челмужи на восточном берегу Онежского озера.

Троицкая церковь. Погост Ненокса. 1727 г.

**Никольская церковь Муезерского монастыря. 1602-1605 гг.
(Реконструкция [7])**

В окрестности Челмужи в 1601 году Борисом Годуновым была сослана Марфа Ивановна Стрешнева - жена Федора Никитича Романова - родителей будущего первого царя из династии Романовых - Михаила. Сам Федор Никитич - будущий патриарх Филарет, был сослан в Сийский монастырь. По воцарении Романовых в 1613 году священник и местные жители Челмужей, принявшие участие в судьбе царской матушки, (несмотря на строгости режима ее опального содержания), были по царской грамоте пожалованы "волостками" - земельными наделами, то есть получили боярский статус. Так что, если дата постройки Богоявленской церкви верна, то церковь помнит прародительницу рода Романовых.

И в этой церкви собственно церковь объединена с алтарем в общей клети. И здесь трапезная по площади больше церковной клети вместе с алтарем, однако, срубы их имеют равную ширину. С запада к зданию пристроена еще клеть паперти, увенчанная шатровой колокольней, стоящей на гармоничном восьмерике, в который едва заметно переходит четверик паперти. И в этой церкви ее шатер сдвинут к западу, но здесь он расположен и над церковным помещением и над трапезной, так что его главной опорой является стена, разделяющая церковь и трапезную. Такое расположение шатра вызвало необходимость введения четверика - пьедестала под восьмериком шатра, а также возможность выделить алтарную часть церковной клети, придав ей самостоятельную прямоскатную кровлю, на коньке которой располагается изящная бочка, подчеркнутая отдельной маковкой. Прямоскатные кровли срубов, шатер полицы обоих шатров были тесовые. Бочка алтаря и маковки церкви, звонницы и алтаря имели покрытие лемехом. Тесовое покрытие шатра образует убывающие по высоте ярусы так называемых "гонтовых юбок". Концы тесин резные. И вся эта совокупность привычных и вообще нехитрых приемов создает эффект праздничности. (стр.66).

Церковь сохранила древние резные желоба - водотечины. У церкви замечательное крыльцо с двумя входами - с резными колонками, на которых "дыньки" и круглые солярные знаки, причелины. Кровля крыльца следует наклону кровель паперти.

Эта церковь содержит уже весомый вклад в последующее торжество приема "восьмерик на четверике".

Прием несоответствия наружного облика церкви ее плану, использованный в Муезерской и Челмужской церквах в дальнейшем не встречается.

Дальнейшую эволюцию типа рассмотрим на двух памятниках. Варваринская церковь в селе Яндомозеро была построена в 1650 году [7,16, 21]. Центральную часть здания составляет четверик,

**Богоявленская церковь. Село Челмужи. 1605 г.
(Реконструкция [7])**

стены которого продолжают четыре грани восьмерика, однако, линия раздела между ними проведена промежуточным повалом, которым оканчиваются стены четверика. Восьмерик до 1822 года, когда проходило “поновление” церкви, был украшен фронтовым поясом. Над поясом начинался повал восьмерика, бережно укрытый пологими полницами в основании шатра красивой гармоничной формы. В основании крутого барабанчика с главкой тоже был воротничек полниц, отделявший шатер от его завершения. В верхних углах четверика - очень живописные пристыкованные друг к другу и к боковым граням восьмерика треугольные кровельки - скаты. В этом здании его главная идея - центральный столп, выра-

**Варваринская церковь. Село Яндомзеро. 1650 г.
(Реконструкция [7])**

Крыльцо Варваринской церкви

жена ясно и динамично. С востока к четверику прирублен квадратный в плане алтарь. Размеры его стен примерно вдвое меньше стен четверика. Боковые стены алтаря крыты на два ската, над которыми устроено красивое бочкообразное завершение с шейкой и маковкой на его киле. С западной стороны прирублена большая трапезная - тоже квадратная. Размеры этого четверика несколько больше размеров основного четверика церкви. К западной стене трапезной прирублена прямоугольная в плане паперть, площадь которой примерно вдвое меньше площади трапезной. Оба западных прируба имеют прямоскатные кровли. При этом высота бочкообразной кровли алтаря несколько выше кровли трапезной, а та, в свою очередь выше кровли паперти (стр.67). К паперти было пристроено замечательное крыльцо - двухскатное, состоящее из трех рундуков. Два нижних перекрыты двухскатными кровлями, а верхний покрыт общей кровлей со всходами. Все наклонные линии здания параллельны - всходы, их кровли, кровли трапезной и паперти, боковые скаты алтаря. Сочетание такого гармоничного согласия и несколько суровой монументальности центрального столпа делает этот памятник неповторимым.

В конце XVIII века рядом с Варваринской церковью была поставлена монументальная шатровая колокольня, превосходящая по своим размерам основное здание церкви. Колокольня была соединена с церковью общим переходом, подверглось переделке крыльцо. Поскольку в данном разделе мы рассматриваем эволюцию форм шатрового храма, мы не будем здесь рассматривать эту композицию, а вернемся к ней, когда будем рассматривать ансамбли в деревянной архитектуре.

Известен ряд храмов, развивающих или повторяющих идею Варваринской церкви - "восьмерик на четверике с трапезной". Одной из них, например, является церковь Иоанна Златоуста, стоящая недалеко от села Саунино под Каргополом. Предположительное время постройки храма 1665 год. [3 10]. Общность архитектурного замысла обоих храмов очевидна. Однако, Златоустовская церковь имеет и существенные особенности. Главная из них - асимметрия ее срубов относительно продольной оси здания. Северная стена трапезной находится на одной линии со стеной сруба церкви, а южная стена довольно сильно выступает за линию южной стены храма. Паперть и трапезная крыты общей двухскатной кровлей. На южном склоне кровли над трапезной устроена главка на квадратном рубленном пьедестале.

К этой же разновидности храма может быть отнесена и Петропавловская церковь на Лычном острове постройки 1620 года [7], так же имеющая ряд особенностей.

Но вершинным достижением развития такой шатровой композиции несомненно является церковь Успения в Кондопоге 1774 года, стоящая в ряду шедевров мирового уровня. В этом здании есть магия, которая присуща только гениальному творению, хотя здание не содержит ни одного элемента, доселе не известного. [7, 16, 17]. Церковь поставлена на узком мысу Чупа - губы Онежского озера. Она господствует над гладью озера и равнинной местностью. Высота церкви 42 метра. По сохранившимся сведениям она возведена "тщанием прихожан" в память о жертвах знаменитого Кижского восстания 1769-1771 годов.

В этом храме все его части соподчинены центральной идее - взлету шатра. Высокий, стройный четверик, оканчивающийся плавным повалом, несет на себе два яруса восьмериков, также разделенных повалом ("расширяющийся столп"). Повал верхнего восьмерика образует пьедестал шатра. Разделительную линию между ними обозначает воротник полиц с усеченными пиками на концах каждой тесины. Высота самого шатра - 15 метров. Ярусы восьмериков подчеркивает известный уже треугольный фронтонный пояс. Очень высокий, квадратный в плане алтарь оканчивается сверху крутой островерхой бочкой. Киль бочки находится на высоте повала четверика. Крест маковки алтарной бочки достигает высоты фронтонного пояса. Обширная трапезная с папертью, значительно превосходящие по своей площади само церковное помещение четверика, подведены под общую двускатную кровлю. Западный фасад трапезной обращен к озеру. Видимо, поэтому два висячих крыльца ажурной конструкции, замыкающие по длине всю боковую стену трапезной и паперти с юга и севера, смотрят своими входами на восток. Верхние площадки крылец покоятся на кронштейнах мощных выпускных бревен. Изначально над папертью на восьмерике, вырастающем из двускатной кровли, стояла открытая шатровая звонница, ныне утраченная (стр.70). В реставрационном проекте восстановлены также четыре кокошника - теремка килевидной формы над угловыми кровельками четверика, которые также ныне утрачены (стр.71). Если смотреть на церковь со стороны алтаря, хорошо видны уступы, образуемые срубами (алтарь уже четверика, четверик уже трапезной). Вид с востока представляется наиболее зрелищным. Высочайшие художественные достоинства Успенской церкви часто связывают с общественно-экономическими процессами, протекавшими во второй половине XVIII века в России и на ее Севере, с ростом национального самосознания. Несомненно, это справедливо, но лишь отчасти. Ведь в это время строилось немало и других памятников на Севере, а Успенская церковь одна! Попытки объяснить чудо ис-

Успенская церковь. Кондопога. 1774 г.

**Успенская церковь. Кондопога. 1774 г.
(Реконструкция [7])**

**Успенский собор. Кемь. Западный фасад. 1711-1717 гг.
(Реконструкция [7])**

кусства через взаимосвязь реальных фактов, равно как и разъять гармонию через посредство алгебры, всегда были лишь частично результативны. Вместе с тем ко времени строительства Успенской церкви был аккумулирован и осмыслен многовековой опыт деревянного зодчества, без чего появление такого шедевра было бы просто невозможно.

**Успенский собор. Кемь. Южный фасад. 1711-1717 гг.
(Реконструкция [7])**

И последний храм, который мы условно отнесем к рассматриваемой разновидности - Успенский собор в Кемь 1711-1717 годов [3, 7, 21]. Условно, потому что собор представляет собой композицию из трех шатровых храмов типа “восьмерик на четверике”, объединенных общей трапезной, как композиционным центром. Центральным храмом является Успенский придел, примыкающий к восточной стене трапезной и давший имя всему собору. К северной стене примыкает придел Зосимы и Савватия, а к южной - Никольский. Придел Зосимы и Савватия закончен строительством первым - в 1714 году и потому имеет самостоятельный вход, кроме входа из трапезной. В Успенский и Никольский приделы вход только из трапезной. Срубы трапезной, приделов и их алтарей имеют квадратные планы. Правда, алтари имеют боковые скосы (пятиугольные). Вход в трапезную - через крытую галерею, к которой

пристроено красивое, ажурное двухвходное крыльцо. Их двухскатные кровли, как бы вложенные друг в друга, образуют три гармоничных яруса, плавно формирующие динамику здания. Срубы боковых приделов завершаются полицами по повалам их восьмериков и находятся на уровне полиц четверика центрального придела. Размеры шатров боковых приделов и центрального шатра строго пропорциональны. Высота центрального столпа 35,5 метров. В архитектуре собора блестяще реализован принцип ступенчатого нарастания высотной компоненты. И даже килевидные кокошники - теремки, стоявшие по свободным углам четвериков всех трех приделов, служили этой же цели (они были утрачены и не восстановлены). С восточного фасада этот эффект усиливается бочками с главками на стенах всех трех приделов. Поскольку шатры боковых приделов существенно сдвинуты к западу относительно центрального шатра, нет такой точки, с которой бы они оказывались на одной линии. Поэтому принцип контраста высот шатров все время работает - центральный шатер на 12 метров выше боковых (стр.72,73).

Храм строился во времена петровских побед над шведами, доставлявшими немало неприятностей и Беломорью (последний набег был в 1701 году). В 1714 году была битва при Гангуте, когда был разгромлен шведский флот, а в 1717 году в Амстердаме был подписан трактат "о дружбе, союзе, коммерции" между Россией, Францией и Пруссией, по которому все страны приглашались "для содержания генеральной тишины в Европе".

Так что Успенский собор рожден в период побед и удач, и ток молодой и бодрой крови в нем явственно ощутим.

Следующая разновидность храма "восьмерик на четверике с четырьмя симметричными прирубями". Их еще кратко называют "церкви с крестчатыми срубами".

О таком типе храмов И.Э.Грабарь писал:

"Самое важное преимущество шатровых церквей заключается в их центральном приеме, позволяющем придавать храму крестообразный вид, непринужденно окружать его приделами, трапезными, галереями и придавать бочками и кокошниками всему этому необыкновенно живописный и грандиозный вид". [4].

По-видимому, благодаря живописности композиции такая форма была любима наряду с "круглыми о двадцати стенах" храмах. И среди известных нам есть подлинные шедевры.

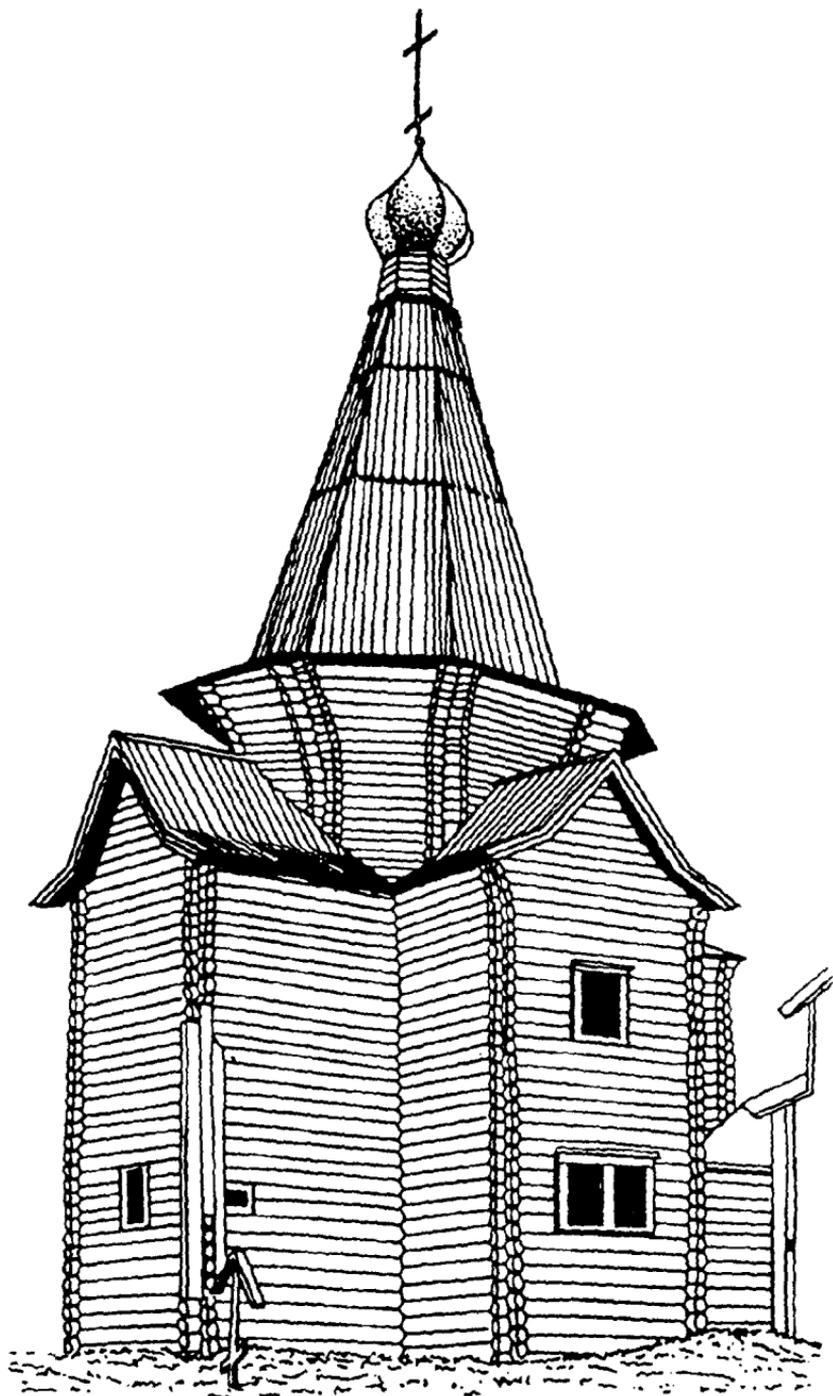
Успенская церковь Александро-Куштского монастыря стояла некогда в маленькой обители, основанной монахом Александром на речке Куште среди лесов недалеко от Кубенского озера. Полагают, что церковь была построена вскоре после пожара в монасты-

ре в 1519 году и, быть может, воспроизводила стоявший до нее храм (монастырь был основан около 1420 года). В [22] Успенская церковь отнесена к первой четверти XVI века и не без оснований считается древнейшим храмом шатрового зодчества, дошедшим до наших дней. П.Н.Максимов относил храм к первой половине XVI века, что не сильно противоречит приведенной датировке. В [32] храм отнесен ко второй половине XVII века. Мы склоняемся к ранней датировке памятника. Ныне Успенская церковь перенесена в Спасо-Прилуцкий монастырь в Вологду.

Храм имеет четыре одинаковых, равновысоких прируба, смыкающихся в углах и полностью скрывающих четверик. Прирубы крыты крупными килевидными бочками. Передние фронтоны стен прирубов и кили бочек задают динамичную устремленность ввысь, которая подхватывается высоким восьмериком с красивым повалом и стройным, высоким шатром с миниатюрной главкой. Бочки прирубов, шатер, барабан и главка шатра крыты лемехом (стр.VI,VII). К западному фасаду пристроена крытая галерея с крыльцом, не достигающая по высоте и половины высоты прирубов, что лишь подчеркивает концентрацию всех частей храма в их устремленности вверх. Отметим, что известны и другие северные храмы XVI века, в которых реализован аналогичный замысел (Климентовская церковь села Уна 1501 года, Никольская церковь села Шуерецкого 1595 года), что лишний раз убеждает в справедливости отнесения постройки Успенской церкви к первой четверти XVI века. Как уже многократно отмечалось, каждый храм при этом был наделен индивидуальными чертами. Так в Шуерецкой церкви близ Кемь прирубы имели повалы в завершениях своих боковых стен и были крыты двускатными кровлями с пологими полницами. Такой перелом кровли пусть и менее наряден, чем изысканные скругления бочек, но он подкупает скромностью своих средств решения сверхзадачи - подчеркивания высотной компоненты здания (стр.76).

В Вознесенской церкви в селе Пияле [10] на Онеге сходная идея решается своими средствами. Четыре одинаковых прируба крыты бочками, над которыми выдвигается второй ряд бочек с миниатюрными главками на высоких шеях, за которыми стоят островерхие теремки. Такая пирамида влечет взор к красивому стройному шатру. И даже как-то не замечаешь при этом, что восьмерик и не очень высок. (стр.77).

Неподалеку на Онеге же в селе Вазенцы [10] до недавнего времени стояла Ильинская церковь сравнительно поздней постройки - 1786 года. В ней решалась другая сверхзадача. Зрелищность достигалась не стройностью и высотностью, а живописностью ком-

Никольская церковь. Село Шуерецкое. 1595 г.
(Рисунок П.Н.Максимова)

Верх Вознесенской церкви. Село Пияла. 1651 г.

позиции. Как видно из посвящения церковь имела два престола, поэтому алтарь представлял собой две смежные апсиды - пятигранники, крытые бочками, над которыми располагалась бочка - объединяющая. Над трехлопастной бочкой располагалась главка. Остальные прирубы имели прямоугольную форму и тоже были крыты бочками с главками. По углам четверика, едва выступавших над прирубами располагались теремки бочкообразной килевидной формы. Дополнительную живописность церкви придавало крыльцо на два всхода с рундуками.

Но самым выдающимся произведением среди кресчатых шатровых храмов была несомненно Успенская церковь в селе Варзуга. 1674 год. [7, 21]. Церковь стоит на правом берегу реки Варзуга на Кольском полуострове в тридцати километрах от Белого моря. Земли эти осваивались Новгородом еще в XIV веке. Жили здесь рыбаки и мореходы. Сюда в Варзугу заходила нереститься семга. Поэтому земли эти были вожделенными сначала для Новгорода, затем для Соловецкого монастыря, а затем и для самой Москвы. Поэтому, несмотря на отдаленность, село Варзуга испытывало на себе благотворное влияние идущей вдалеке жизни.

Успенская церковь имеет в плане классическую форму креста. Все четыре прируба одинаковы - 4x5 м. Крыты прирубы классическими бочками. И здесь, как и в Вознесенской церкви в селе Пияла применен прием "расслаивания бочек", через который организуется динамика перехода к шатру. Но здесь этот прием дополнительно усилен декоративными кокошниками на гранях восьмерика, которые, как заключительный аккорд, венчают мелодию килевидных кровель приделов. В этой церкви не пришлось делать высокие прирубы. Центральный четверик храма открыт для обзора. Он высок, строен и могуч. В остальном композиция традиционна. Прекрасный восьмерик с крутым повалом несет на себе стройный, гармоничный шатер. Высота храма 34 метра. Все, что уже было известно по другим памятникам, доведено в Успенской церкви до превосходной степени (стр. 79). По западному фасаду располагается низкая крытая галерея с двумя боковыми и одним центральным крыльцами.

И.Э.Грабарь многократно подчеркивал первородство деревянного зодчества в русской архитектуре:

"Сама история Московского зодчества есть в значительной степени история перенесения деревянных форм на каменные сооружения" [4].

Однако, после знакомства с Успенской церковью в Варзуге, он писал:

"Не удивительно ли, где-то в глуши далекого Севера, на Кольском полуострове неожиданно встретить храм, до такой степени

**Успенская церковь. Село Варузга. 1674 г.
(Реконструкция [7])**

близкий по идее и формам замечательному храму в царском селе Коломенском под Москвой!" [4].

Несомненно, деревянное и каменное зодчество Руси не были несмешиваемыми потоками. Они плодотворно взаимодействовали, и Успенская церковь яркий пример этого. Московское влияние сказалось и в решении интерьера Успенской церкви.

Рассмотрим теперь тот тип храма, который, сохраняя шатер, как свой композиционный центр, "согласился" с велением времени ввести традиционное пятиглавие:

"...как о сем правило и устав церковный повелевает, строить о единой, о трех, о пяти главах, а шатровые церкви отнюдь не строить"...

Главной разновидностью такого храма стал "шатер на крещатой бочке". Такие храмы стали строиться с конца XVII века и вплоть до начала XIX века. Пятиглавие, требуемое церковью, реализовано в затейливом верхе, центром которого оставался шатер с пятой главкой. Но, как и во всяком компромиссе, потери были неизбежны. Здесь таилась угроза упадка стиля. И со временем она неизбежно осуществилась. Однако, первые храмы еще хороши и имеют пока довольно высокий шатер. Но такой храм не нуждается более в восьмерике. Шатер стоит прямо по центру квадратного четверика, что неизбежно скрадывает благородство его формы. Это все равно, что испанского гранда лишить его высокого воротника, так гордо несущего даже незначительную голову. И нарядная крещатая бочка с четырьмя главами не может искупить потерю.

Четверик сохранял еще старинный повал, но крыт был четырехскатной, почти плоской, кровлей, на которой и располагались бочки с шатром. И эта кровля тоже была уступкой искусства ремеслу.

Поэтому так старались зодчие храмов этого типа придать динамичность верху храма дополнительными средствами.

Один из первых храмов этого типа - церковь Михаила Архангела 1685 года погоста Юрома, известного еще с XVI века по северным масштабам селения большого - около 100 дворов. Церковь входила в состав некогда знаменитого ансамбля Юромы, выгоревшего в тридцатые годы нашего расточительного века. Но об ансамбле в свое время.

Церковь Михаила Архангела [19] наследует еще масштабы своих собственно шатровых предшественников. Ее высота более 40 метров. Вот, что писал И.Э.Грабарь об этом храме:

"Из группы шатровых пятиглавых храмов заметно выделяется своим богатырским видом превосходно сохранившийся храм великан в Юромском-Великодворском на Мезени. Он освящен в 1685

Церковь Михаила Архангела. Погост Юрома. 1685 г.

году в честь Архангелов Михаила и Гавриила. Храм этот - один из наиболее строгих и в то же время стройных, какие были созданы на русском Севере. Изумительно найден силуэт его главной части с бочками, глядящими по сторонам света, а его крыльцо “на отлете” - одно из живописнейших, сохранившихся от подлинно живописной северной старины. Материал, из которого срублен этот гигантский храм, “кондовая лиственница”, поражает своими размерами, и есть бревна, имеющие аршин толщины и больше.” [4].

Стройный восьмигранный шатер вырастает из четырех сильно вытянутых вверх киями бочек, увенчанных главками на стройных барабанах. Вся эта группа очень гармонична, пропорциональна и живописна. Нарастающая по высоте группа западных пристроек храма - крыльцо, крытое бочкой, паперть и крупная трапезная способствуют динамичному восприятию основной части храма (стр.81). Рисунок воспроизводится с фотографии Ф.Ф.Горностаева, сделанной в конце XIX века [9].

Не менее живописен восточный фасад церкви. Пятигранный алтарь крыт бочкой, на киле которой располагается главка на высокой шейке. Главка находится на уровне основания бочки на четверике у шатра. Динамика из двух ярусов бочек и трех ярусов

главок нарастающего диаметра - алтарь, четверик, шатер даже на фотографии вызывает восхищение и восторг (см. на стр.135 в центре).

Аналогичны решения и в других церквах, использующих такую форму верха. Но везде могут быть замечены индивидуальные вариации.

Так в Никольской церкви 1700 года в селе Едома [19], тоже высокой (34 метра), бочки значительно более пологи, чем в Юромской; шатер более скромных размеров. Бочки несут на себе главки на шейх в виде усеченных конусов, несколько наклоненных в сторону шатра. Тем самым создается эффект “устремленности”. Алтарь, имеющий высоту половины четверика увенчан бочкой равной ему высоты и таких же размеров, как бочки верха. И с востока такое сочетание придает дополнительную динамику всему зданию.

Воскресенская церковь 1710 года [19] была построена в центре Кеврольского воеводства, бывшего вторым по значимости центром после Холмогор в бассейне Северной Двины. Теперь место, где стояла церковь, называют по старине Окол Большой Погост. Но места там теперь пустынные, покинутые, и церкви более нет. А стоял на этом месте тоже ансамбль - две церкви и колокольня (знаменитый северный “тройник”). Воскресенская церковь была крупной - три престола - главный, другой в Ильинском приделе - прируб с северного фасада, а третий - в трапезной. Ильинский придел тоже завершался шатром на крещатой бочке. Так что здесь прием повторен дважды. Но он подчеркивает не столько динамику, сколько значимость здания. (стр.83). Рисунок воспроизведен с фотографии 1913 года. В Кевроле жило в ту пору несколько сот людей. И приезжих было немало. Рядом с церквями стояла таможенная изба. Ведь торговля шла “мягкой рухлядью” (мехом) и “рыбьим зубом” (моржовый клык). Поэтому Вознесенская церковь была центром общественной жизни. Здесь и молились, и пировали, и судили, и рядили: “писано в Кевроле на стану, у Вознесения Христова”.

И еще об одной церкви с шатром на крещатой бочке - церковь Одигитрии в селе Кимжа 1763 года на Мезени. Одна из немногих оставшихся. Построена была из могучих бревен лиственницы. Но бревенчатые стены скрыты под обшивкой 1878 года. Поэтому приведем только верх церкви. Благодаря постановке шатра на крещатой бочке с главками на высоких шейках, прильнувших к шатру, достигнут замечательный эффект слитности (стр.87). Особо динамично и празднично церковь смотрится со стороны алтаря, крытого бочкой. Высота церкви до креста без малого сорок метров. Церковь стоит посредине просторной площади села на берегу реки, в ее излучине. Видна из каждого дома села и из далека, плывущим к нему.

**Церковь Вознесения Христова. Окол Большой Погост
1710 г.**

4.3 Кубоватые церкви

Происхождение завершения “кубом” не вполне ясно. Точно можно сказать, что строились такие храмы с середины XVII века до конца XVIII. Определенно можно утверждать, что район их постройки ограничивался Поонежьем и поморским побережьем Белого моря. И.Э.Грабарь по поводу их происхождения писал так:

“Кубоватые” храмы встречаются, главным образом, в Онежском крае и древнейшие из них не восходят дальше половины XVII века. Одной из причин, повлиявших на возникновение этой формы, было отчасти и известное запрещение строить шатровые храмы”. [4].

Как видим, версия высказана не утвердительно, а предположительно. Но с тех пор почти все, писавшие о “кубоватых” или “кубастых” храмах утвердительно связывали появление куба с запретом на шатры. Более того, и происхождение куба вели от шатра (скрещивание шатровой и луковичной формы).

Кубоватых храмов было построено немного, и совсем немного дошло до нас. И среди них нет двух одинаковых по форме. Их объединяет только идея. А идея состоит в том, что куб как бы представляет собой трехсоставную объемную фигуру: квадратный четырехгранный пояс, на который снизу и сверху поставлены две четырехгранные пирамиды; при этом верхняя пирамида всегда выше нижней. Пояс имеет либо прямые, либо скругленные поверхности. Как правило, поверхности пояса куба, располагаемые над полицами повала четверика как бы продолжают вертикальные линии стен четверика.

Один из ранних кубоватых храмов - церковь Параскевы Пятницы в Шуе Кемского уезда, построенный в 1666 году, описанный

И.Э.Грабарем [4], но до нас не дошедший, имел одну главу, которая располагалась на сильно вытянутой вверх вершине куба. Здесь еще куб формально напоминал четырехгранный шатер. Аналогично был устроен верх Никольской церкви в Зачатьи под Холмогорами 1687 года. Быть может, такая форма куба была малонадежной, либо зданий с таким верхом было построено мало, но до нас дошли храмы с более “спокойной” формой куба.

В ряде случаев кубом покрывали только четверик основного объема храма. Известны случаи кубоватых покрытий и приделов. Произвольно варьировалось число и расположение луковичных глав на таких церквях (от одной до десяти), но главным типологическим элементом в них являлся куб, а не количество глав.

Конечно, начало строительства кубоватых храмов совпало по времени с запретом на строительство шатров. Но деревянное зодчество никогда так оперативно не реагировало на “указания”. Скорее всего и куб, и шатер на крещатой бочке - это естественный поиск новых форм, идущий изнутри деревянного зодчества, а запрет был не более, чем стимул. Этим, видимо, объясняется и ограниченность района постройки.

Известна попытка использовать покрытие кубом и в хоромных постройках (коломенский дворец Алексея Михайловича 1667-1669 годов, в котором наряду с кубом использовался и шатер, что тем более делает мало вероятным высказанное предположение).

Одним из ранних кубоватых храмов является Вознесенская церковь из села Кушерека, построенная в 1669 году [21]. До недавнего времени она стояла на левом берегу реки Куши при ее впадении в Беломорскую Онежскую губу между Кемью и Онегой. В восьмидесятые годы она перенесена в музей под открытым небом Малые Корелы. Была при этом прекрасно отреставрирована, освобождена от тесового “благолепного” футляра. Очень стройный, высокий четверик имеет наверху мощный вынос повалов и завершается довольно высоким кубом, на котором располагается пять глав. Все пропорции угаданы необычайно точно - размеры главок, их барабанов - шеек. Основания всех шеек украшены красивыми кокошниками с прорезными гребнями на коньках килей. При этом кокошники под центральной главой располагаются по сторонам света, а под боковыми главками на ребрах куба - параллельно диагоналям куба (следовательно, и четверика). С востока к четверику прирублен высокий квадратный в плане алтарь (модуль его меньше четверика), крытый очень красивой бочкой, киль которой почти достигает повала основного четверика. Главы, их шейки, кокошник, куб и бочка алтаря покрыты лемехом разного формата. И в этом тоже проявлено замечательное чутье пропорций (стр. VIII).

В храме два этажа. Здесь нечасто встречающееся сочетание зимней и летней церкви в одном храме. С севера и с юга к храму примыкают крытые галереи - паперти. С западной стороны прирублена двухэтажная трапезная (второй этаж по площади меньше) и резное крыльцо. Как видим, устройство церкви традиционно, (не беря в расчет два этажа). Так что кубоватый верх не потребовал от церкви никаких структурных изменений.

Вглядитесь теперь в верх другого храма. Никольская церковь в селе Бережная Дубрава 1678 года, стоящая на берегу Онеги [3, 7, 10]. Здесь верх еще щедрее. На кубе размещено девять глав. При этом четыре главы стоят по углам куба - в нижнем ярусе. Во втором ярусе стоят еще четыре главы на двух пересекающихся бочках, рубленных по сторонам света. Во втором ярусе главки поменьше и шейки их потоньше, чем в первом ярусе. А в третьем ярусе - на вершине куба стоит одна довольно крупная глава на развитом барабане, и поставлена она на пьедестал из четверика. Все девять глав стоят столь компактно, что если смотреть на верх церкви по направлению любой из сторон света, их контур составляет хорошо угадываемый правильный треугольник (стр.88). Храм имеет в завершении четверика мощный, крутой повал, сам по себе играющий роль постамента для изысканного скульптурного верха. С восточной стороны храма к нему прирублен крупный пятигранный алтарь, по ширине соответствующий размерам стены четверика, а по высоте, равный примерно половине его высоты. Но алтарь крыт громадной бочкой, киль которой доходит до верха повала четверика.

В "Писцовой книге" за 1622 год Устьмошского стана Каргопольского уезда записано: "...волость Дуброва на Бережная, а в ней на погосте церковь Никола Чудотворец, строение приходных людей..." О виде церкви ничего не сообщается. Так что нынешняя стоит на месте прежней, и верх ее соответствовал новейшим вкусам и воззрениям, хотя в это время (1678 год) еще строились и долго еще строились шатровые храмы. То что год возведения храма именно этот подтверждается надписью на его карнизе: "Сей храм обшит тесом и выкрашен, а внутри церкви украшен иконостасом в лето 1882 года от благодарных к памяти своим предкам и славе божия бережно - дубровских прихожан усердием своим и средствами в память 200-летию юбилея храма 1678-1878 годах". Что потерял при этом храм видно невооруженным глазом, ибо такие приобретения страшнее потерь: унылый тесовый футляр, скрывающий фактуру крупных бревен, рубленных "в обло"; металлическое покрытие куба и бочки алтаря, нелепая западная пристройка еще одной церкви. В процессе этих приобретений была утрачена глав-

Церковь Одигитрии. Село Кимжа. 1763 г.

ка, стоявшая на бочке алтаря. Так что храм был десятиглавым. Все это особенно наглядно видно при сравнении с освобожденной от поновлений кушерецкой церковью.

В последующих и одновременных кубоватых храмах постепенно накапливался опыт и совершенствовался стиль. При этом с успехом заимствовались удачные решения шатровых храмов.

Мы упомянем здесь церкви, которых уже нет. Их облик известен по старым фотографиям. Это Успенская церковь 1675 года и Преображенская церковь 1687 года, стоявшие в селе Чекуеве на Онеге [10]. Преображенская церковь имела три яруса из девяти глав (на бочках прирубов, по углам куба и на вершине куба) и очень типологически близка Преображенской церкви в селе Турчасове, которую мы рассмотрим.

Аналогично решена компоновка объемов и во Владимирской церкви 1757 года в селе Подпорожье. В ней главки нижнего яруса стоят только на круглых шейках, в основании которых восьмигранные шатрики, что придает храму необыкновенную живописность. Здесь бочки западного, северного и южного приделов одинаковы, а восточный прируб понижен, но крыт при этом мощной трехлопастной бочкой, так что кили всех четырех бочек находятся на одном уровне, шатрики достигают высоты повала четверика,

Никольская церковь. Село Бережная Дубрава. 1678 г.

а главки первого яруса достигают пояса куба. Это здание было зарисовано и обмерено В.В.Сусловым.

Один из поздних кубоватых храмов - Преображенская церковь в селе Турчасове на Онеге 1768 года [3, 10, 21]. До 1964 года она входила в состав знаменитого турчасовского ансамбля, пока не сгорела прекрасная соседняя шатровая церковь Благовещения. К ансамблю мы еще вернемся.

Преображенская церковь - могучих размеров (высота более 45 метров). Четверик здесь имеет четыре прируба. В северном и южном приделах - два самостоятельных престола. Поэтому восточный алтарный прируб имеет трехчастную конструкцию и крыт соответственно крупной трехлопастной бочкой. Три остальных прируба крыты бочками одинаковых размеров. На всех четырех бочках стоят главки на барабанах, образующие первый ярус глав. Завершения главок находятся на уровне повалов четверика. Куб, венчающий четверик, довольно высок. По его углам стоят четыре главки, образующие второй ярус. На вершине куба - девятая, довольно крупная глава. Куб крыт крупным тесом (стр.134).

Преображенская церковь аккумулирует опыт предыдущих построек кубоватых храмов и в известном смысле подводит итог. После нее кубоватых храмов было построено немного, а интересных среди них не было вообще.

Следует признать, что куб не вошел в органическую ткань русского деревянного зодчества. С конца XVIII века он более не встречался в новых постройках, хотя бы как воспоминание о старине, в отличие от шатра, который "от архитектуры отставить не можно". "Красивой, но слишком прихотливой и жеманной формой" [4] назвал куб И.Э.Грабарь. Время всему отдает свое.

4.4. Ярусные церкви

Ярусные церкви стали строить с конца XVII века. И их появление традиционно связывают с запретом на строительство шатров. Хотя этот прием реализации высотности здания издавна использовался как в каменном, так и деревянном зодчестве. И состоит он в ступенчатой концентрации объемов и архитектурных масс здания. В сущности система четверик-восьмерик-шатер и иные комбинации четвериков и восьмериков в сочетании с разновысокими прирубами алтарей, приделов и притворов, трапезных и галерей создавали эффект ярусного восприятия разнообразных живописных комбинаций элементов здания. Только везде при этом ярусность была средством. А сейчас мы станем рассматривать здания, где ярусность - цель, программа здания. Преимущественная область распространения ярусных храмов - центральные районы Руси. Заметим, что одновременно с деревянными ярусными храмами в конце XVII века строили замечательные каменные ярусные церкви (церковь Спаса в селе Уборы, церковь Троицы в селе Лыково, церковь Покрова Богородицы в Филях и т.д.). [33]. Так что, есть основания полагать, что мотивация к возведению ярусных храмов могла быть сложной: и запрет на шатры, и необходимость высотной самореализации, и пример каменного зодчества. В конце XVII века на Руси началось заметное оживление общественной жизни, ломка региональной замкнутости, культовое зодчество становится более открытым к светским влияниям.

Быть может в этой связи И.Э.Грабарь считал, что ярусная форма "пришла с юга, из Украины, и, акклиматизировавшись, приспособилась к великорусским плановым приемам." [4].

Рассмотрим наиболее яркие реализации ярусных церквей, воплощающие разные сочетания ярусных переходов. Заметим, что ярусных храмов до нас дошло не много.

Богородицкая церковь из села Холм стоит ныне в Костроме поблизости от Ипатьевского монастыря. Время ее постройки точно не известно, но те кто ее обследовал и описывал, нижний восьмерик относят к XVI веку и даже называют 1552 год. Предание сохранило имена строителей-братьев Карпа и Попилу. А верхний восьмерик с пятиглавием датируется даже XVIII веком. [7, 14]. Церковь, таким образом, представляет собой двухъярусную композицию из двух восьмериков, встречающуюся весьма редко. Если одновременность постройки действительно имела место, то это по крайней мере не бросается в глаза. Нижний восьмерик рублен "в обло". Он коренаст и площадь его обширна. С учетом этого восьмерик второго яруса, стоящий в завершении восьми прямых скатов, покрывающих нижний восьмерик, тоже невысок. При его достаточно скромных размерах, рублен он "в лапу". Но скромность нижних двух ярусов искупается живописным пятиглавием. Боковые главки стоят на крещатой бочке по сторонам света. А центральная главка стоит на высоком тонком барабане. Бочки, купола и барабаны главок крыты лемехом. Скаты первого и второго яруса - тесом с резными концами в виде традиционно усеченных пик. Ярусному восприятию здания способствуют поднимающиеся ступенями на западе крыльцо, открытая галерея и трапезная, на востоке - пятигранный алтарный прируб, совпадающий примерно по высоте с трапезной и имеющий с ней равновысокую крышу (стр.92).

Значительно более сложная композиция предстает в облике церкви Иоанна Богослова в селе Богослово на реке Ишне [3, 7, 34]. Церковь по преданию стоит на том месте, где преподобный Авраамий встретился с Иоанном Богословом и получил от него священную трость, с помощью которой он и уничтожил идола Велеса после долгой и безуспешной борьбы. Село Богослово находится в трех километрах от Ростова Ярославского и принадлежало в древности Авраамиевому монастырю. Церковь возведена при Ростовском митрополите Ионе Сысоевиче - строителе знаменитого Ростовского Кремля в 1687 году архимандритом Авраамиева монастыря Герасимом. По первоначальному замыслу ей предназначалась роль храма - памятника, и служба в ней проводилась раз в году. И несмотря на то, что церковь рублена из могучих бревен "в обло" мастерами с крепкой рукой, зорким глазом и тонким художественным чутьем и вкусом, вместе с тем живет древняя легенда о ее "нерукотворности". Будто церковь приплыла по реке Ишне из озера Неро.

Богословская церковь не избежала в XIX веке общей судьбы деревянных храмов. В великих заботах о "боголепии" она скры-

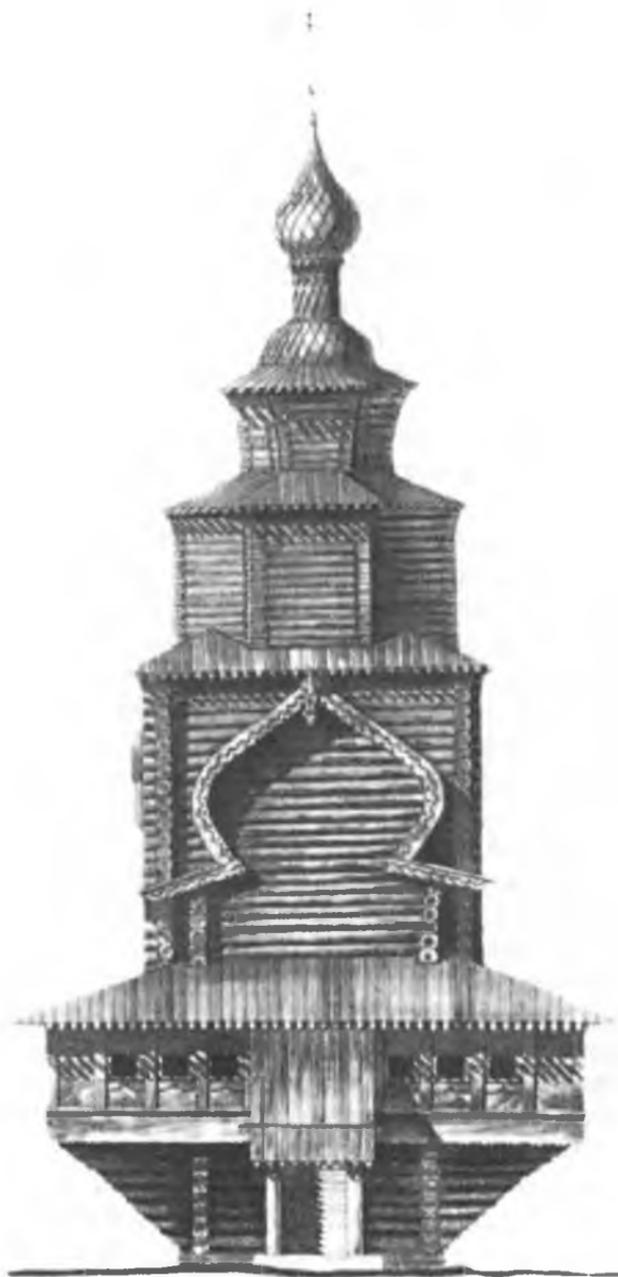

Богородицкая церковь. Село Холм. XVI-XVIII(?) вв.

лась под тесовым футляром, к ней пристроена довольно нелепая колокольня с подобием шатра. При этом было потеряно крыльцо, частично разобрана галерея, заменено завершение храма, представлявшее собой сложную комбинацию фронтонок и кокошников, на нынешнюю полусферу с барабанчиком и маковкой. Приведем реконструкцию западного фасада церкви, но сохранившую, однако, современное завершение (стр.93).

Центральный столп храма представляет собой ярусную композицию четверик-восьмерик-шестерик, весьма редкую, если не уникальную. Храм стоит на высоком подклете. С западной стороны прирублен притвор трапезной, примерно на половину высоты четверика. С восточной - алтарный прируб, равновеликий притвору. Оба они квадратны в плане и имеют равновысокое - до верха четверика покрытие крупными бочками красивой формы с довольно крупными полицами. И.Э.Грбарь отмечал уникальность такого завершения алтаря и трапезной в ярусных храмах.

Церковь имела галерею с трех сторон здания, поднятую на высоких кронштейнах, выполненных напуском бревен с большим выносом (ныне с южной стороны галерея отсутствует). По боковым фасадам располагаются косячатые окна - сдвоенное окно на трапезной, два окна на четверике, одно окно на алтаре. Это окна

**Церковь Иоанна Богослова на Ишне. 1687 г.
(Реконструкция [7])**

первого яруса, располагаемые на одной высоте. На четверике еще два косячатых окна, располагаемых одно над другим. Верхнее окно завершается бровкой с кокошником в навершии. Бочки трапезной и алтаря, полусфера завершения храма, барабан и главка крыты лемехом. Все скаты кровель - тесовые.

Храм не был рассчитан на массовые богослужения. Достаточно сказать, что площадь самой церкви лишь 35 кв.м.

Но программа ярусности церкви - памятника в нем решена блестяще. И эта ярусность поддерживается в нем всеми средствами - ступенями крыльца, галереи, прирубов с бочками, ярусами окон четверика, и даже стрельчатым кокошником над верхним окном. Во всем этом прекрасное чувство меры, благородства пропорций и динамичности.

Следующий храм Иоанна Предтечи на Ширковом погосте 1694 года. Церковь, как и предыдущая - трехъярусная. Однако, здесь применена композиция из трех установленных друг на друга четвериков [7, 12]. Церковь стоит в верховьях Волги, на берегу озера Вселуг. Церковь Ширкова погоста изумляет своими пропорциями и лаконизмом форм, доведенных до высочайшей степени совершенства. Четверик первого яруса стоит на высоком подклете и имеет восьмискатное ломанное покрытие (такое покрытие тремя веками ранее использовалось во фронтовых храмах Новгорода). На нем стоят четверики второго и третьего ярусов убывающих размеров с такими же восьмискатными кровлями, располагаемыми ступенями друг над другом. Над кровлей третьего четверика - довольно крупная глава на круглом барабане. Высота церкви от основания до креста около 40 метров. На востоке - пятигранный алтарный прируб, крытый двухскатной кровлей, скаты которой параллельны восточным скатам четвериков. Так что с востока церковь воспринимается благодаря этому, как четырехъярусная. Стройность ее завораживает. Галерея, располагаемая по трем фасадам здания на кронштейнах выпускных бревен, лишь подчеркивает это ее качество. Нижние два яруса рублены из крупных бревен (около 70 сантиметров в диаметре) "в обло" с красивым выпуском концов, а верхний сруб - из малоразмерных бревен "в лапу" с тщательно заглаженными стыками. И в этом проглядывается тонкий расчет контраста между первым и верхним ярусами и вместе с тем и забота о восприятии здания, как цельного сооружения, построенного "в одно дыхание". Пропорции угаданы безошибочно. Сейчас такой тип ярусной церкви единственный в своем роде. Хотя известно, что похожая церковь стояла в Ниловой пустыни (по изображению на иконе XVII века) и в Торжке (по рисунку 1673 года шведского путешественника Палмквиста). А может были и другие

аналоги. Сейчас задача в том, чтобы сохранить ее и реконструировать. Ширков погост, как и Кижы, может стать Меккой архитектурного гения русского народа.

В 30-е-40-е годы XIX века к церкви пристроили колокольню, разобрав при этом крыльцо, ведущее на высокую галерею. В 1882 году церковь обшили тесом и покрыли ее скаты и маковку железом. Потери огромны, но даже и при этом она не перестает волновать и поражать воображение (стр.96).

Тихвинская церковь 1717 года [3, 15] стоит на берегу Тверцы в Торжке. На этом месте был Вознесенский монастырь, и церковь была Вознесенской. В XVIII веке монастырь был упразднен. В середине XIX века рядом построили каменную церковь и деревянную обрели на снос. Но судьба смилостивилась. В 1883 году церковь отремонтировали и переосветили как Тихвинскую. Поэтому в разных источниках ее называют то Вознесенской, то Тихвинской. В настоящее время церковь отреставрирована

Тихвинская церковь представляет собой четырехъярусную композицию - три убывающих по размерам восьмерика на четверике. Последний ярус увенчан довольно крупной луковичной главой на круглом барабане, покрытыми лемехом. На западе - вместительная трапезная с небольшим, изящным крытым крыльцом, на востоке - пятигранный алтарный прируб. Их кровли достают до верха четверика. Нижний ярус рублен "в обло" с выпуском концов, верхние - "в зуб", как и в Ширковской церкви (стр.97).

На четверике окна располагаются в два яруса. Во всех трех восьмериках окна расположены по сторонам света. Поскольку все внутреннее пространство церкви неразделено, она оказывается хорошо освещенной.

Композиция Тихвинской церкви была распространена в деревянном зодчестве Руси и очень напоминает композицию ярусных каменных церквей конца XVII века, с той лишь разницей, что в последних устраивались обширные приделы по сторонам света для расширения площади храма, подчас скрывавшие за собой четверик [33].

Последняя церковь, которую мы рассмотрим в ряду ярусных - Преображенская из села Козлятьева с Владимирщины [7]. Ее композиция несколько усложнена и она с любовью украшена традиционными элементами деревянного зодчества, ласкающими глаз. Храм выглядит очень празднично и живописно. Основание его - крещатый сруб, составленный из четырех прямоугольных срубов со скошенными углами, прирубленными к центральному четверику. На основании покоится пирамида из трех восьмериков убывающих размеров. Кровли нижних четырех прирубов увенчаны кра-

Церковь Иоанна Предтечи. Широков погост. 1694 г.

Тихвинская церковь. Торжок. 1717 г.

сивыми, несколько вытянутыми вверх бочками. Кили их находятся на уровне кровли первого восьмерика. На бочках северного и южного приделов - гармоничные главки на круглых барабанах, а те в свою очередь, стоят на квадратных основаниях срубиков, отделенные гонтовым воротничком. Небольшие декоративные бочечки, называемые херувимчиками, находятся над вторым и третьим ярусами восьмериков, на одной линии с бочками нижнего яруса. Они как бы подхватывают коллективную устремленность кверху - красивой, гармоничной главе на круглом барабане. Все эти бочечки, главы, их барабаны крыты лемехом. И вроде все привычно, и не раз видно, а вместе с тем во всем такой изыск и благородство вкуса! (стр. IX, X).

Церковь имеет открытую галерею по западному фасаду с крыльцом, которые умножают ярусность и необычайное разнообразие восприятия церкви с разных точек обзора.

Быть может, именно каменные ярусные храмы с лепестками - приделами послужили прототипом для Преображенской церкви. Пожалуй других таких деревянных ярусных церквей на крещатом основании больше нет.

4.5. Многоглавые церкви

Многоглавые церкви синтезировали все архитектурные, строительные и декоративные добродетели древнерусского деревянного зодчества.

Многоглавие, появившись на заре древнерусского деревянного зодчества в X-XI веках, явилось и его заключительным аккордом в XVIII веке.

К XVIII веку все элементы деревянного зодчества приобрели классически отточенные формы: центрические и ярусные композиции, столпообразные и пирамидальные формы, сочетания восьмигранников с прирубами, бочки, шатры, кубы и луковичные главы с их покрытиями лемехом, изящные крыльца и галереи, резные балясины, ажурная резьба причелин и ветрениц. Арсенал средств, составляющих сокровищницу традиций деревянного зодчества в XVIII веке воплотился в новаторских решениях многоглавых храмов. Главы в них, как атомы в кристаллической решетке, расположены с гениальной простотой и ясностью, которая присуща лишь совершенным созданиям Природы.

По-видимому есть своя закономерность в том, что вершинные создания деревянного зодчества - Успенская церковь в Кондопоге и Кижский ансамбль созданы в XVIII веке в период правления Петра и Екатерины. Просвещенный правитель своей личностью и своей деятельностью индуцирует в обществе духовный подъем, который как правило аккумулируется в художественных озарениях. И только за это им можно простить многое другое, в чем История им предъявляет счет.

В многоглавых храмах - лебединая песня древнерусского зодчества. Новая эпоха требовала новых песен.

В XVII веке многоглавие как прием организации верха также использовалось и приобрело некое каноническое воплощение в виде

девятиглавых храмов: Ильинская церковь в Чухчерьме 1657 года Холмогорского уезда Архангельской губернии, Сретенская церковь в Заостровье близ Архангельска 1688 года, церковь Иоанна Предтечи Шуйского погоста Петрозаводского уезда Олонецкой губернии начала XVIII века и ряд других, в том числе рассмотренных в предыдущих разделах настоящей книги. Девятиглавие, как правило, реализовывалось в них следующим образом. Четыре главы по углам четверика - основания храма, а пятиглавие ставилось на крещатой бочке или кубе, завершавшем храм.

“Все эти приемы многоглавия подчинены освященному церковью числу девять, символизирующих девять чинов ангельских, или девять чинов святых угодников”. [4].

По сравнению с ними замысел многоглавых церквей XVIII века выглядит дерзким:

“Не подчиняясь никаким символам и руководствуясь, по-видимому, лишь одной идеей создать храм Божий, необыкновенный по своему величию и виду, в котором главы отмечают только святость места, строители создали два из ряда вон выходящих памятника народного искусства - семнадцатиглавый храм в Вытегорском посаде и двадцатиглавый храм в Кижях”. Оба они построены в начале XVIII века и в сущности, тождественны по приему...

Чем больше всматриваешься в эту несравненную сказку куполов, тем яснее становится, что зодчий, создавший ее, - неподражаемый творец форм и мотивов. Однако, при всей гениальности этого фантастического сооружения, оно все же не творение одного человека, не дело одного какого-либо исключительного, гениального зодчего. Перед нами народное творчество, где личность тонет, где нет ни одного мотива, ни одной безделицы, не использованной раньше, где нет ни одной черты, чуждой народу и его многовековому искусству. Здесь важна лишь группировка этих форм и мотивов, своеобразна уже сама мысль в направлении к этой вдохновенной концентрации...” [4].

Покровская церковь в Анхимове близ Вытегры построена в 1708 году [3, 16]. Во время возведения церкви там был центр большого Вытегорского Покровского погоста. Предания связывают рождение этого храма с именем Петра великого. Якобы церковь строилась на средства богатого крестьянина Плотникова, сын которого был казнен Петром. А эскиз будущей церкви был сделан самим Петром при посещении погоста.

В Церкви использован традиционный конструктив двадцатистенка - восьмерика с четырьмя прирубами. Только данная цер-

* Здесь у И.Э.Грабаря неточность. Покровская церковь близ Вытегры имела 24 главы, Преображенская в Кижях - 22 главы.

ковь в плане не вполне "круглая". Ее размер в продольном направлении 12 метров, а в поперечном 13,5 метров. Прирубы имели ступенчатое завершение с покрытием бочками, совмещенными - одна над другой. Каждая из бочек несла на себе главку на круглом барабане. Они составляли первый и второй ярус по 4 главы. Каждая грань центрального восьмерика имела фронтоны по форме бочки и бочечное покрытие по этим фронтонам. Бочки упирались в грани восьмерика второго яруса, несущего на себе крещатую бочку. Соответственно третий ярус глав располагался на бочках центрального восьмерика - восемь глав, а в четвертом ярусе были четыре главки на крещатой бочке. Пятый ярус занимала центральная глава.

На востоке церковь имела три алтарных трехгранных прируба. Один прирублен к восточной грани центрального восьмерика, а два другие - к восточной стене северного и южного прирубов. Центральный алтарный прируб крупнее боковых. Все три прируба имеют бочечное завершение. И на бочках алтарей также поставлены главки. Таким образом, вместе с этими главками нижнего яруса храм имел двадцать четыре главы.

С западного фасада была прирублена закрытая галерея с замечательным крыльцом. Элементов декора немного - резные обрамления бочек и полиц, кокошники килевидной формы на свободных, (не занятых прирубами), гранях центрального восьмерика и резьба крыльца (балясины, обрамления входов и всходов).

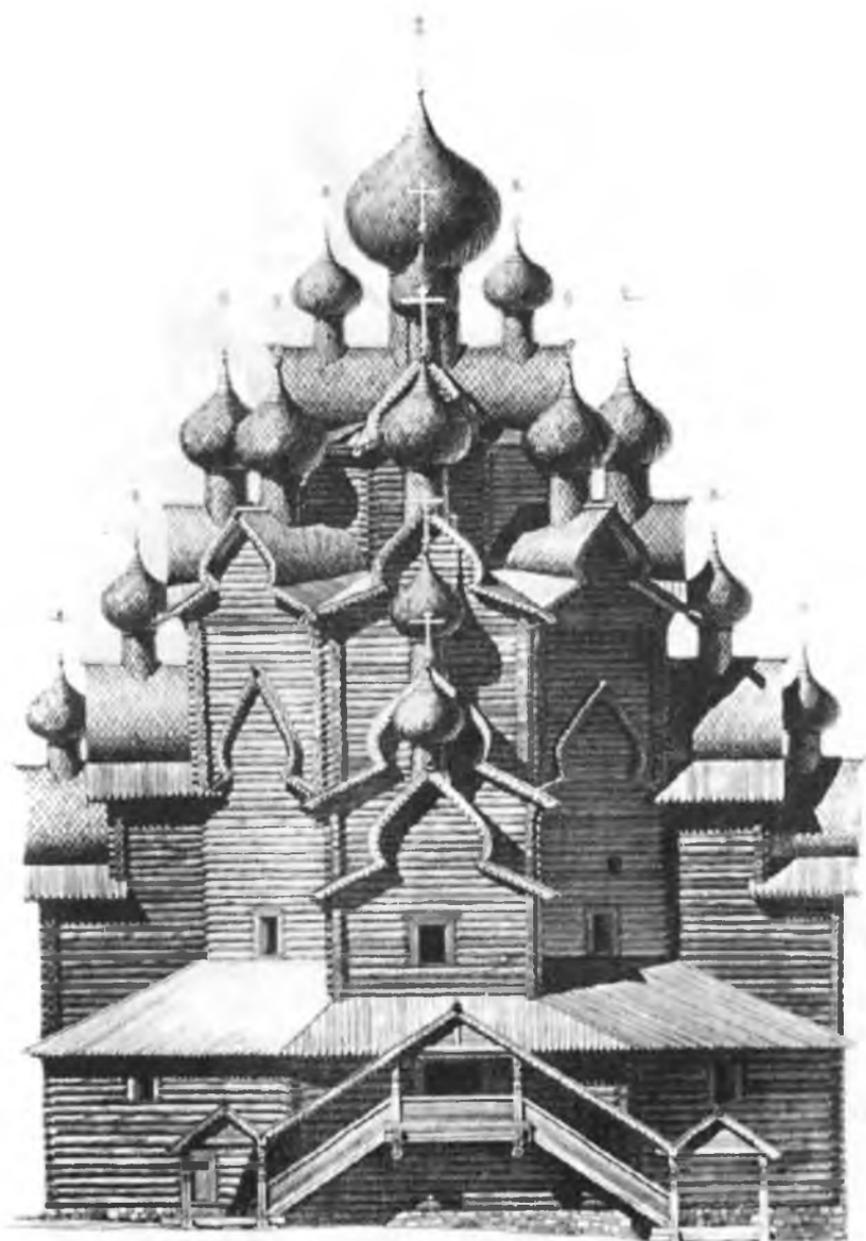
На стр.102,103,104 приведена реконструкция восточного, западного и южного фасадов Покровской церкви. Реставрировать ее не успели. Она сгорела в 1962 году. Есть план ее воссоздания. Будет ли он когда-нибудь реализован?

Покровская церковь была непосредственной предшественницей Преображенской церкви в Кижях. Слава последней всегда заставляла первую держаться в тени. Однако, между ними столь много общего, что есть все основания для версии о строительстве обеих церквей одними и теми же мастерами.

Преображенская церковь в Кижях построена в 1714 году. [3, 6, 7, 16]. Здесь был старинный центр Спасского погоста в Кижях, куда в XVI веке по писцовым книгам входило 130 деревень с 687 дворами, раскинутыми по многочисленным островам. Уже в XVI веке согласно писцовой книге московского дьяка Андрея Плещеева "... на погосте церковь Преображенье Спасово. а другая церковь Покров Святаи Богородицы". Стало быть церкви, построенные в Кижях в XVIII веке, одноименны церквям XVI века, и, конечно, стоят, как уж повелось, на их месте. История Кижей восходит к глубокой старине. Места эти в древности населены были

**Покровская церковь. Анхимово. 1708 г. Восточный
фасад**

Покровская церковь. Анхимово. 1708 г. Западный фасад

Покровская церковь. Анхимово. 1708 г. Южный фасад

карелами и вепсами, которые частично ассимилировались среди пришедших сюда новгородцев. И само слово Кижы в современном языке этих народов означает "место игрищ", что безусловно указывает на преемственность между местами языческих и православных поклонений.

Преображенская церковь строилась во время Петровских побед и реформ. И хоть средства коммуникации и информации в те времена были скудны, тем не менее само время возбуждало в обществе патриотический подъем и высвобождало силы, дремлющие в обычные времена. Интересно, что и строительство Преображенской церкви в народной памяти связывается с именем Петра Великого. В Олонецких губернских ведомостях 1892 года №93 содержится такое сообщение: "Петр Первый, путешествуя из Повенца Онежским озером, остановился у Кижского острова, заметил множество срубленного леса и узнав о постройке, собственноручно начертил план". Удивительная человеческая потребность слагать легенды об "отцах народов", добровольно уступая им свои трудные победы...

Скажем сразу - нет адекватных средств, чтобы описать Кижское чудо. Никакие словесные, самые подробные портреты и описания, никакие цветные фотографии и слайды не могут вызвать и передать то особое волнение, которое испытываешь в поле ее тяготения. Это резонанс души. Это эффект шедевра, где ни убавить, ни прибавить. (стр. XI, XII).

Преображенская церковь почти во всем повторяет Анхимовскую церковь Покрова. Укажем сразу отличия между ними. Это проще, чем перечислять совпадения. В Кижской церкви центральный объем образован тремя восьмериками убывающих размеров; в Анхимовской церкви два восьмерика, а роль третьего отведена крещатой бочке. В Кижской церкви трапезная с западной стороны прямоугольная; в Анхимовской церкви - скошенные углы. В Кижской церкви один небольшой трехгранный алтарный прируб с одной главой; в Анхимовской - три соответственно с тремя главами. Вот собственно и все видимые отличия. Но они не в состоянии объяснить магию Кижской церкви. Магия - в той легкой игре объемов и пропорций, которую глаз если иногда и воспринимает, то сознание приемлет как гармонию целого. Главы на Преображенской церкви поставлены теснее, их ярусные переходы осуществляются как бы более плавно, благодаря чему более четко, чем в Анхимовской церкви прорисовывается ее пирамидальный контур. Кроме того сами размеры глав слегка варьируются в разных ярусах. Во втором ярусе объемы глав чуть меньше, чем в первом, а в третьем - больше, чем в первом и во втором. В четвертом ярусе

главки самые маленькие. И, наконец, центральная глава - ее объем примерно втрое больше, он увенчивает, господствует. Здание воспринимается, как могучее, величавое. А высота его - 35 метров до центрального креста. Бывали, как мы уже видели, и покрупнее: больше 45 метров. Просто здесь категория "большое" превращена в категорию "великое".

Крыльцо Преображенской церкви прелестно (стр.21). Оно решено в высшей степени деликатными выразительными средствами. В этом здании ни одна деталь не должна отвлекать от главного - от роскоши многоглавия.

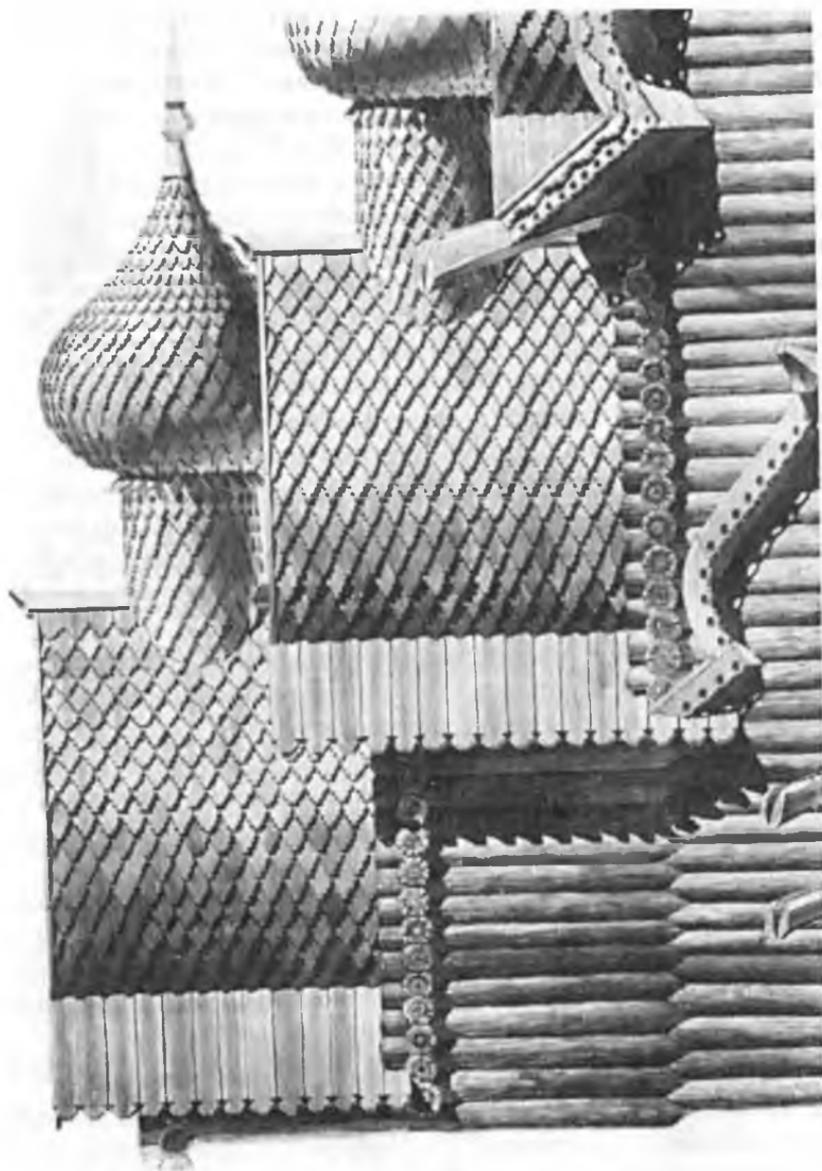
Вместе с тем каждая деталь - не сама по себе. Здесь красота и целесообразность доведены до полного единства и гармонии. Криволинейные скаты бочек и глав, покрытые лемехом, крутые выносы повалов стен, кокошники и полицы образуют единую систему отвода осадков и надежной защиты здания. Эта система по всем правилам теории надежности продублирована дополнительными защитными средствами. На случай, если покрытие прохудится, внутри восьмерика сделана вторая двухскатная крыша из толстого теса с прокладкой скалы (бересты). Под стыком ее скатов сделан специальный лоток для отвода воды, а если и он потечет, то под ним на этот случай расположен такой же дублирующий. Концы этих лотков - водометов, (сделанных на всякий случай!), выведены наружу в юго-западной и северо-восточной гранях нижнего восьмерика и украшены резьбой. (стр.107).

Отдельный разговор - Кижская церковь в природном интерьере. Следует, правда, оговориться, что она никогда не смотрится одна. Она в ансамбле. О нем поговорим в своем месте. А пока только о ней. Она все время разная - с воды и из глубины острова, в солнце и в туман, утром и вечером, летом и зимой, вблизи и издали. Она "всефасадна". Она неприступна и манит...

"Этот храм есть последний этап на пути развития национальной русской архитектуры. Смело и бодро слиты в нем в одно непринужденное художественное целое и новшество современной ему эпохи и богатое наследие созданных народом форм". [4].

Народная молва приписывает легендарному Нестору, рубившему якобы этот храм слова: "Нет, не было и не будет такой!"...

Преображенская церковь была летней. Посему рядом с ней была поставлена зимняя церковь - Покровская [3, 6, 7, 16]. Нынешняя Покровская церковь была возведена в 1764 году. Стоять рядом с Преображенской церковью, и чтобы тебя заметили... Требовался величайший художественный такт, великое мастерство и не меньшая смелость. Следует признать, что этими качествами сполна обладали зодчие Покровской церкви. Она была обречена на вечное

Преображенская церковь. Кижы. 1714 г. Элементы водоотвода

сравнение с Преображенской церковью неизменно не в свою пользу. С одной стороны таков был замысел. С другой стороны время внесло свою лепту - близился финиш деревянного зодчества, хотя творческие ресурсы были далеко не исчерпаны. И при всех этих огорках следует признать что, Покровская церковь - замечательное создание деревянного зодчества (стр. XIII, XIV, XV) и отведена роль аккомпаниатора. Центральный объем церкви представляет собой традиционную комбинацию восьмерик на четверике. Благодаря значительному выносу завершения стен четверика крутым повалом, восьмерик оказывается существенно более широким, чем четверик. Соответственно и восьмерик имеет широкий повал, над которым располагается восьмискатная кровля. По граням скатов кровли над углами восьмерика поставлено восемь прекрасных, благородных очертаний глав. Над центром восьмерика стоит девятая центральная глава больших размеров. Все главы поставлены на пьедесталы восьмериков, рубленных "в лапу". Круглые барабаны глав отделены от восьмериков прелестными гонтовыми воротничками. Под повалом восьмерика здание обегает резной треугольный фронтонный пояс, необыкновенно оживляющий и украшающий здание.

Все пристройки к центральному четверику - сени, трапезная, алтарь на востоке вписываются в прямоугольный план. Алтарь имеет скошенные углы. Над центральной его восточной стеной помещена бочка вытянутой формы, над килем которой на круглом барабане - десятая глава, таких же размеров, как главки по углам восьмерика. Главки, их барабаны и бочка над алтарем крыты лемехом.

У Покровской церкви очень красивое крыльцо - односходное и потому несимметричное, украшенное изящной резьбой причелин и ветрениц, резных колонок, поддерживающих кровлю. Асимметрия крыльца в сочетании с полной продольной симметрией здания придает западному фасаду свободу, легкость, артистизм.

Покровская церковь была едва ли не последней в ряду древнерусских многоглавых деревянных церквей.

4.6. Колокольни

Колокольни на Руси появились предположительно в XV веке. Колокола были дороги. Ими владели не все богатые монастыри. А так повсеместно призывные звуки издавались ударами в “било”. Когда в железное, а когда и в деревянное. Это “било” использовалось в церквях до XV века. Колокола хоть и упоминаются еще с XI века, но распространение начинают получать с XIV века. Даже в XV веке вместо колоколов часто пользовались “клепалом” - полым шаром с языком внутри. Но колокола и колокольцы в народе были любимы. Клепанные и паянные “ботала” - колокольцы подвязывались на шею скоту при пастьбе. Крупные клепанные бубенцы подвязывались на сглобли саней. Вместо языка в них был камешек. А назывались они “шаркуны” (эффект погремушки). Целая культура - валдайские колокольцы (с надписями: : “Кого люблю - того и дарю” . “Купи денек не жалея, со мной веселей”...). Этими колокольцами заливались свадебные поезда и почтовые тройки. Лили колокола в Москве, Вятке, Ярославле. В XVII-XVIII веке везли даже из Голландии.

Так что можно считать, что с XV века появилась осознанная потребность в специальном сооружении - колокольне. Самый древний вид колокольни - “звонница”. Вероятный первоисточник - Новгородско-Псковские церкви. Поначалу - это невысокая стенка над крыльцом с одним-двумя просветами для небольших колоколов, а затем и специальное отдельно стоящее сооружение с числом пролетов для колоколов от двух до пяти. Еще Олеарий увидел церковные колокола, висящие на перекладине, одним концом положенной на подоконник церкви, а другим на деревянной стойке. А между тем уже шли 30-е годы XVII века... Но деревянные восьмистепенные колокольни появились в XVI веке. Это было естественное заимствование формы церковного восьмерика “от пошвы”. В

летописи Вологодского собора, в которой упомянута сдача подряда в 1621 году “рубить колокольню о восьми стенах”, речь идет об обычном событии. Ясно, что эта колокольня была не первой такого типа. Можно также предположить, что таким колокольням на восьмерике могли предшествовать и колокольни на четверике.

В летописях деревянные колокольни называются “колокольницы”. Их много было на Севере. Ставились они отдельно от церкви, большей частью на юго-восточной или северо-западной сторонах [1]. Основу их составлял сруб в виде восьмерика или четверика, иногда сходящийся сверху. Срубы делались высокими. Рубились “в обло”. Восьмерик нередко делился на ярусы карнизами и стоял на четверике той или иной высоты. Сруб скрывал каркас колокольни, состоявший из 4-х, 8-ми или 16-и вертикальных или наклонных к центру бревен. Внутренние столбы возвышались над срубом. Через этот просвет виднелись подвешенные колокола. На верхних концах бревен каркаса лежал рубленный карниз из четырех брусков. В центре сруба ставилось осевое бревно вровень с бревнами каркаса. Верхняя часть его оканчивалась крестом, скрепленным с угловыми бревнами каркаса. Так что конструкция была чрезвычайно простой и рациональной. Верх колокольни имел либо шатровое завершение, либо был как-то затейливо украшен. Шатры, барабанчики, главки кожушились лемехом. Лестница к “звонам”, как правило, размещалась внутри колокольни и имела один-два рундука. Самый распространенный тип колокольни - восьмерик на четверике. В старинных колокольнях четверик делали низким, а восьмерик высоким, но иногда в более поздних колокольнях соотношения высот четверика и восьмерика варьировалось.

Заслуживают упоминания некоторые исключения, дошедшие до нас. Так известны колокольни, имеющие сруб в виде шестерика. И соответственно шатер имеет шесть граней. Такой является колокольня церкви Иоанна Златоуста в селе Саунино Архангельской области. Церковь относят к 1665 году, а колокольня по ряду признаков может быть отнесена к началу XIX века. Шестигранный сруб этой колокольни рублен “в лапу” и идет от земли. Шестигранной была и колокольня Никольской церкви села Ковда в Беломорье, построенная в 1705 году (церковь 1613 года). Такой конструктив крайне редок, ведь рубить восьмерик легче, чем шестерик. Так что рационального объяснения этому исключению нет.

Второе уникальное исключение - колокольня Вознесенской церкви (1651 год) в селе Пиеле на Онеге. Колокольню датируют 1700 годом. Она представляет собой комбинацию двух восьмериков. Нижний высокий, с повалом. Второй - в несколько раз ниже, уже и тоже с повалом.

И третье исключение - сруб в форме четверика. Приведем интересный рисунок В.В.Суслова [1], датируемый 1883 годом, колокольни Ракульского погоста на берегу Двины Архангельской губернии Шенкурского уезда. (стр.113). Дата возведения памятника в источнике отсутствует. В [9] возведение колокольни отнесено к XVII веку. Как видим, сруб колокольни имеет в плане квадрат, но все его четыре стены наклонены вовнутрь. Сруб рублен "в обло". На бревнах каркаса покоится необычное завершение, которое В.В.Суслов называет редким. На кровле колокольни размещено пять шатров. Центральный - высокий восьмигранный, боковые - по углам кровли четырехгранные. Шатры несли на себе главки на круглых барабанчиках, отделенных от шатров гонтовыми воротничками. Вся шатровая группа с главками была крыта лемехом. Это был натурный обмер и рисунок с натуры. Удивление в нем вызывает только одно обстоятельство - кровля колокольни, по крайней мере, как она изображена на рисунке, должна была заливать сруб при осадках, и его должно было хватить ненадолго.

Быть может, поэтому И.Э.Грабарь, который был на Севере двадцатью годами позже В.В.Суслова изобразил (тоже с натуры) колокольню в селе Ракулы упрощенной конструкции (без обкладки срубом) - в виде звонницы, но зато имеющей замечательный верх - шатер на крещатой бочке с главками на бочках (стр.138).

Но загадки на этом не кончаются. Мы к ним вернемся при рассмотрении ансамбля в Ракулах в целом.

А теперь рассмотрим наиболее интересные реализации колокольни типа четверик-восьмерик-шатер.

Колокольня из села Кулига Дракованова на Северной Двине стояла еще недавно на площади центральной деревни Погост [3, 7]. По поводу ее возраста спорят. Не вдаваясь в аргументы сторон, скажем, что она не старше конца XVI века и не моложе 1719 года, когда в селе была построена Никольская церковь. Колокольня была основой и первым памятником ансамбля, в который вошли теплая клетская деревянная Никольская церковь 1719-1748 годов и каменная холодная Никольская церковь XVIII века. Деревянная Никольская была по крайней мере второй на этом месте, а каменная тоже построена на месте холодной деревянной. Такой круговорот обветшавших зданий и новоделов был в порядке вещей.

В музее "Малые Корелы" где она стоит с 1974 года, считают что она построена в начале XVII века. Так что есть основание считать ее древнейшей в ряду известных нам деревянных колоколен.

Четверик невысок и стены его непосредственно продолжают четыре грани восьмерика. Восьмерик высок и строен и рублен, как и четверик, "в обло". Восьмерик имеет широкий повал, над

которым располагается открытый "звон". Венчает колокольню шатер с главкой и крестом (стр.114). Свободные углы четверика имеют угловые кровли. На их уровне находится кровля невысокого крыльца - входа в колокольню.

Шатер колокольни кажется невысоким и приземистым. На нем луковичная главка, уплощенной формы, лишенная барабана и отделенная от шатра гонтовым воротничком. Во всей композиции господствует восьмерик - основа и стройности и незыблемости здания. Интересно, что высота четверика примерно равна высоте звона, так что стоящий между ними восьмерик, превосходящий их по высоте примерно в 3 раза, как бы выделяется специально и стройностью и монументальностью. Открытые части столбов на площадке "звона" имеют резную профилировку в виде "дынок" и жгутов - традиционной для колоколен.

Из сохранившихся колоколен Кулига Дракованова относится к самому распространенному типу и является их самым совершенным представителем.

Замечательно живописна колокольня в селе Цывозеро в Архангельской области, построенная в 1658 году [7, 21]. Стоит она в сущности в полях, на отлете от села. Очень важно, что дошла она до наших дней без каких-либо переделок. Этот тип колокольни - восьмерик, рубленный "в обло", стоящий на земле - пространство "звона" и шатер с главкой. Ее особая прелесть в ее демонстративной бесхитростности, в массе разнообразных "неправильностей". Она как из сказки. Не зря же ее увековечил И.Билибин в своих акварелях.

Восьмерик имеет завершение в виде повала и под шатром выложено четыре венца, образующие повал, и уже по ним лежат полицы невысокого шатра, на котором стоит главка на барабанчике, который отделен и от шатра и от главки гонтовым воротничком. И здесь столбы "звона" - резные (стр.115).

В заключение приведем одну из поздних колоколен - Кижского погоста, построенную в 1874 году, и входящую в состав бессмертного ансамбля. Она сменила стоявшую на этом месте обветшавшую колокольню. Позже она была обшита тесом, и пока этот футляр с нее не снят. Поэтому приведем ее реконструктивное изображение (стр.116).

Судя по сохранившимся изображениям разобранной колокольни, она принадлежала к тому же типу что и в Кулиге Драковановой - низкий четверик и высокий восьмерик, рубленный "в обло". Нынешняя колокольня несет на себе черты своего времени, которое применительно к деревянному зодчеству характеризовалось уже упадком стиля. Поэтому колокольня имеет высокий четверик. пе

**Колокольня. Погост Ракула. (Рисунок В.В.Суслова. 1883 г.)
XVIII в. (?)**

реходящий непрерывно в четыре противоположные грани восьмерика. И рублена она в лапу, что сразу придает ей некий облик ордерной засушенности, и резко уступает своим предшественницам по живописности. Но при этом она очень стройна, и хороша, уж хотя бы потому, что она деревянная. Но главным образом потому, что она деликатно вписывается в ансамбль, которого без нее бы не было, но в котором ей принадлежит отнюдь не лидирующая роль. Поэтому и судить ее надо по законам жанра - ансамбля, а не самостоятельного произведения архитектуры. Свою миссию она выполняет достойно.

Колокольня. Село Кулига Дракованова. Начало XVII в.

Колокольня. Село Цывозеро. 1658 г.

Колокольня. Кижский погост. 1874 г.

5. ДЕРЕВЯННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ

Произведениям архитектуры также не свойственно одиночество, как и людям. Даже, если здание построено по замыслу одиноким, оно живет в ландшафте, образуя с ним неповторимый, свойственный только ему и месту, на котором оно поставлено, архитектурно-ландшафтный ансамбль. Замечательный художественный инстинкт древних мастеров позволял им безошибочно находить место, воссоединение с которым архитектурного памятника, делало их отныне неразделимым. Вспомните каменный храм Покрова на Нерли или деревянный храм Успенья в Кондопоге. Но в абсолютном большинстве случаев здания стоят группами, причем, как правило, все они строились одновременно. В этом случае начинают работать особые “синергетические”, кооперативные эффекты их жизни и восприятия.

Чтобы быть ансамблем, нужно соответствовать одновременно многим требованиям: гармонического единства пространственной композиции, включая элементы ландшафта; взаимной согласованности, общности, согласия частей и целого, полноты целого, взаимной игры нюансов... Вместе с тем достаточно лишь одного несоответствия, чтобы ансамбль не сложился, а был просто группой чужеродных зданий. Все совершенное хрупко и уязвимо. Это надо иметь в виду, памятуя о том, что отдельные здания ансамбля русского деревянного зодчества не только одновременно строились, но и приходили на смену стоявшим до них, обветшавшим, и подвергались последующим ремонтам и поновлениям.

Поэтому в данном разделе речь пойдет об искусстве коллективного, в основном одновременного, возведения деревянных зданий, когда строители не могут не заботиться об их ансамблевом восприятии. Что превалировало в этом искусстве - интуитивное или ло-

гическое (игра по правилам) начало? По-видимому, на этот вопрос нет однозначного ответа.

Несомненно, что многовековой рациональный опыт, усвоенный от предков, культурное и религиозное наследие привели в результате к формированию и системы правил и системы вкусов. Индивидуальное здесь чаще всего растворялось в коллективном, но не стиралось, не исчезало. Сектор свободы был достаточно просторен. Поэтому наряду с явно просматриваемой детерминированностью ансамблевых композиций такое бесчисленное количество запоминающихся вариаций.

Попробуем дать характеристику ландшафтно-архитектурных приемов при формировании деревянных ансамблей поселений, культовых ансамблевых композиций, при возведении хором и дворцов, и даже укрепленных сооружений - монастырей и крепостей (кремлей).

Значительная часть этих приемов была в дальнейшем унаследована каменным зодчеством. Хотя специфика строительного материала какие-то ограничения накладывает, а от каких-то ограничений освобождает.

5.1. Деревни, села, погосты

Главянское освоение северных (относительно Киева) земель началось в XI-XII веке. Главным побудительным мотивом отлива населения из южных земель Киевской Руси на северные - залесские земли была опасность, исходившая поначалу от половцев. Их кровавые набеги с массовыми угонами в плен и последующей продажей в рабство заставляли искать защиту за лесами, куда половцам ходу не было.

Одновременно более северные земли от Онеги и вплоть до Северного Урала осваивались новгородскими ватагами ушкуйников, дерзкими и пытливыми. В дальнейшем, с развитием Ростовского и Московского княжеств в XIII-XIV веке, и они включаются в освоение северных земель, главным образом из-за многочисленных богатств Севера.

В “Повести временных лет” не обойден этот факт ранней русской истории. И сколь трудна была задача сия охарактеризовано так: путь на Север... “не проходим пропастьми, снегом и лесом”... С присоединением Новгорода в 1478 году к Московскому государству освоение северных земель стало исключительной прерогативой Москвы.

Коренное население этих земель составляли чудь, коми и предки нынешних карелов. За свое “поганство” они платили кровью. Но тем не менее стереть их культурный след в истории не удалось. Их художественное и культурное наследие нашло свое отражение в последующем строительном и художественном опыте на севере Руси.

Динамика народонаселения русского государства выглядела примерно следующим образом. К концу княжения Ивана III население составляло около 6 млн. человек. К середине XVI века с учетом завоеванных и присоединенных Иваном IV земель население

составило около 9 млн. человек. К концу XVII века - 13 млн. человек. Из них около 3% составляло население городов. Так что преобладало, причем решительно, сельское население.

Селения устраивались вдоль сухопутных и водных путей, по которым ходили торговые люди.

Различают три типа сельских поселений, хотя используемые для их обозначения наименования не всегда однозначны.

Основным типом поселений, “элементарной ячейкой сельского поселения” (если воспользоваться определением Энгельса семьи, как элементарной ячейки общества) была деревня. Поначалу деревни состояли из 1-3 дворов. К концу XVII века их составляли 10-15 дворов*. По определению В.И.Даля: “деревня - крестьянское селенье, в котором нет церкви”. Такой смысл сохранен и до наших дней, хотя часто этому термину придают расширительный смысл. Заметим, что достаточно часто в деревнях ставили часовни.

Термин село использовался с X века. Первоначальный смысл - княжеское загородное имение, (которое часто называли “сельцо”). Позднее приобрел смысл центрального селения, в которое входят разбросанные вокруг него деревни. В.И.Даль дает следующее определение: “село - обстроенное и заселенное крестьянами место, в коем есть церковь. Иногда село состоит из многих раскинутых деревенок, приписанных к одному приходу”...

Термин погост используется с XII века. “Погост - приход сельский; несколько деревень под общим управлением и одного прихода; волость” (В.И.Даль). Первоначально погост объединял одну сельскую общину, позднее несколько. Происхождение термина вероятно от торговых гостей (купцов), которые приезжали сюда торговать. Позднее погостом стали называть церковь и кладбище с прилегающими к ним усадьбами духовенства, а затем только кладбище. Это уже утрата первоначального смысла.

При благоприятных условиях деревни росли до размеров сел и воздвигали свои церкви. Если при этом, получив статус села, благодаря церкви, оно тем не менее оставалось по-прежнему приписанным к главному селению погоста, то его называли “выставка” (вроде как филиал).

На такое приращение уходило века. Так в северо-западном Заонежье есть село Вегорукса, некогда славное своей историей. Через него шел путь из Новгорода в Белое море - на кораблях по Онежскому озеру до Вегоруксы, а затем посуху до Великой Губы и дальше на север. В XV веке Вегорукса была сельцом новгородского боярина Глухова. В XVI веке оно обросло деревнями, сливши-

На плодородных землях центрального Владимиро-Суздальского ополья размеры деревень достигали 35-40 дворов.

мися в село под тем же названием Вегорукса, явно карельского происхождения. А деревни носили новгородские названия: "На поле", "Бережное", "В большом дворе". В результате образовалось большое береговое село с Никольской церковью. В нем кипела жизнь. А потом большие пути сместились, а село осталось, и звезда его закатилась.

Окрестные малые деревни не обязательно сливались в общее селение. В этом случае деревни, разбросанные вокруг центрального села, назывались околами или околками. Нередко околы составляли 2-3 двора.

На Севере около 40% деревень и сел располагались вдоль рек. Около 25% - на озерах. На водоразделах рек - до 10-12% ("селижные"). Около 15% - в приморье, близ побережья.

Планировка селений преимущественно однорядная, береговая. Двухрядная встречалась гораздо реже, причем второй ряд по времени более поздний. В водораздельных районах - на макушках рельефа, по пологим склонам и в прилегающих долинах - беспорядочная, свободная, но с преимущественной ориентацией фасадов на юг. В хорошо освоенных местах, развитых экономически с сухопутными дорогами, соединяющими селения между собой и ведущими в ближний монастырь, посад или город, селения имели уличную планировку

Выбор места поселения определялся рациональным и эстетическим началами. Чтобы было удобно, безопасно, чтоб поблизости хватало пахотной земли, чтоб рядом был лес - второй кормилец крестьянина, чтоб была питьевая вода и рыбная ловля и т.д. И вместе с тем, чтобы избранное место радовало глаз, чтоб жить было просторно, вольно.

Предки любого из нас в каком-нибудь колене да были сельскими жителями. Поэтому так устойчива наша привязанность к природе, и такое место занимает "природная компонента" в наших представлениях о красоте. Поэтому так трудно и только при неизбежных обстоятельствах расстается сельский житель с местом, где он родился и жили его предки. И здесь проблемы не только эстетики, но и морали! В то же время, если перед такой дилеммой оказывается житель города, в ее разрешении такого рода трудностей увы не возникает...

Сельский человек, рожденный и воспитанный на природе, должен был бережно относиться к своей среде обитания. Все, что он делал своими руками, становилось неотъемлемой частью этой среды. Так создавалось гармонически организованное жизненное пространство - близкое и родное. Здесь не было места даже случайной небрежности. Так среда обитания созидалась как целостный архитектурно-природный комплекс.

“Старые русские села и деревни не строились по заранее задуманному плану. Однако, они производят впечатление целостных архитектурных ансамблей” [25].

Но ведь этот “план” в какой-то степени всегда был продиктован самим ландшафтом. А во-вторых есть некое неписанное коллективное представление о порядке. Повидимому это были решающие, исходные пункты планировки селений.

По зрительному восприятию может быть выделено четыре типа композиций селения [9]:

- центрическая (единый центр, воспринимаемый с разных направлений);

- линейная (воспринимается с двух сторон);

- фронтальная (фронтальное восприятие фасадов);

- многоцентровая (равноценные композиционные акценты).

Архитектурным и смысловым центром села была церковь, соответственно деревни - часовня. Хотя в ряде случаев этот центр оказывался смещенным из селения. По-видимому, это было связано с постановкой культовых сооружений на местах древних святилищ. С XVI века рядом с летней церковью стали ставить еще и зимние, теплые церкви, а с XVII века - отдельно стоящие колокольни. Так что в селах и погостах архитектурными центрами стали культовые ансамбли из трех зданий - двух церквей и колокольни. Нередко культовый ансамбль получал рубленную ограду. Типовые места установки культовых сооружений - в центре селения, в ряду (как правило, на краю дороги), на естественном возвышении, на берегу, полуострове, на острове.

Значимость культового сооружения подчеркивалась его решающим превосходством над жилыми и хозяйственными постройками по высоте - в 3-5 раз, а также формой его верхов.

В соседних порядках дома ставились вразбежку, чтобы не закрывать вид из окон, при наличии рельефа местности - террасообразно. Расстояние между домами 1,5-3 их высоты (с одной стороны взаимная защита от ветра, с другой - некоторая защита при пожаре) (стр.123).

Нередко планировочными центрами селений были не культовые сооружения, а торговые площади. Для них выбирались естественные природные образования, которые соответствующим образом обустроивались. Так в северном Заонежье есть село Шульга, в котором два раза в год устраивались грандиозные зимние ярмарки. Гигантский деревянный гостинный двор был центром села Шульга. В нем было четыреста лавок, которые работали лишь два раза в году. Гостинный двор сгорел в начале нашего века, да и в ярмарках отпала нужда с появлением железных дорог на Архангельск и Мурманск

Вид села Варузга

Интересную деталь ансамбля северной деревни составляли амбары. Иногда их выносили на “зады” деревни и ставили их группами - “стайками”. При односторонней застройке домов амбары нередко ставились напротив домов, образуя таким образом улицу. А у воды ставились баньки, чтоб воду далеко не таскать. Никакой “правильности” во всем этом не было. Была нестесненность, рациональность и естественность, которая сродни красоте.

А за околицей близ дороги ставились ветряки. Это были либо мельницы, либо мельницы - толчеи, которые не только перемалывали зерно на муку, но и обдирали зерно на крупу. Мельницы в основном были двух типов - столбовки и шатровки. Столбовка вращалась “на ветер” вокруг основного столба вся относительно своего основания - сруба режа или опорных столбов. Шатровка поворачивалась только верхней своей частью с валом и крыльями.

Общий вид архитектурного ансамбля селения насыщался многочисленными деталями архитектуры “малых форм”: колодцами с деревянными срубами с крупными колесами воротов и деревянными кровлями; крыльцами в иных богатых домах; изгородями; памятными обетными крестами, поставленными в местах, где кто-то внезапно помер без покаяния, на развилках улиц и дорог, чтобы можно было не забывать иногда перекреститься.

Резные наличники окон, резные причелины и ветреницы, иногда использование цветных узоров на фасадах вносили праздник в суровые и монотонные будни крестьянской жизни.

5.2. Культурные композиции

Поразительно умение, с которым строители-поэты выбирали места для храмов: нет возможности придумать композицию лучше той, при помощи которой они связывали встающие из-за леса шатры или вырастающие из-за береговой кручи главки церквей со всем окружающим пейзажем, с изгибом реки, с изломом холмов, с гладью лугов и щетиной лесов. Необыкновенно сильное впечатление оставляют целые группы таких церквей на великих северных реках: издали их можно принять за укрепленные города со множеством башен и глав.” [4].

В самом деле, построенные на открытых высоких местах, видные в ясные дни с больших расстояний, слитные с природой, они образуют самые притягательные места русского Севера. Мы уже видели, что есть сложные по форме и устройству деревянные храмы, которые по праву могут рассматриваться как искусные композиции составляющих их частей. Но в данном разделе мы будем рассматривать лишь композиции, составленные отдельно поставленными зданиями, объединенными и местом и действием, но только не временем, в единый ансамбль.

В истории деревянного зодчества таких композиций было два типа. Первый - церковь и поставленная затем близ нее колокольня. Второй - летняя церковь, затем зимняя церковь, затем колокольня (северный “тройник”). Эти композиции будем здесь рассматривать с позиций искусства архитектурно-ландшафтного ансамбля, ибо типы храмов и колоколен нами уже рассмотрены.

В ансамбле церковь-колокольня здания располагались не по какой-либо оси церкви, а по диагонали к продольной оси, что позволяло оба здания воспринимать раздельно с разных направлений.

Варваринскую церковь на Яндомозере мы уже рассматривали (стр.67). Церковь была возведена в 1650 году. Колокольня этой

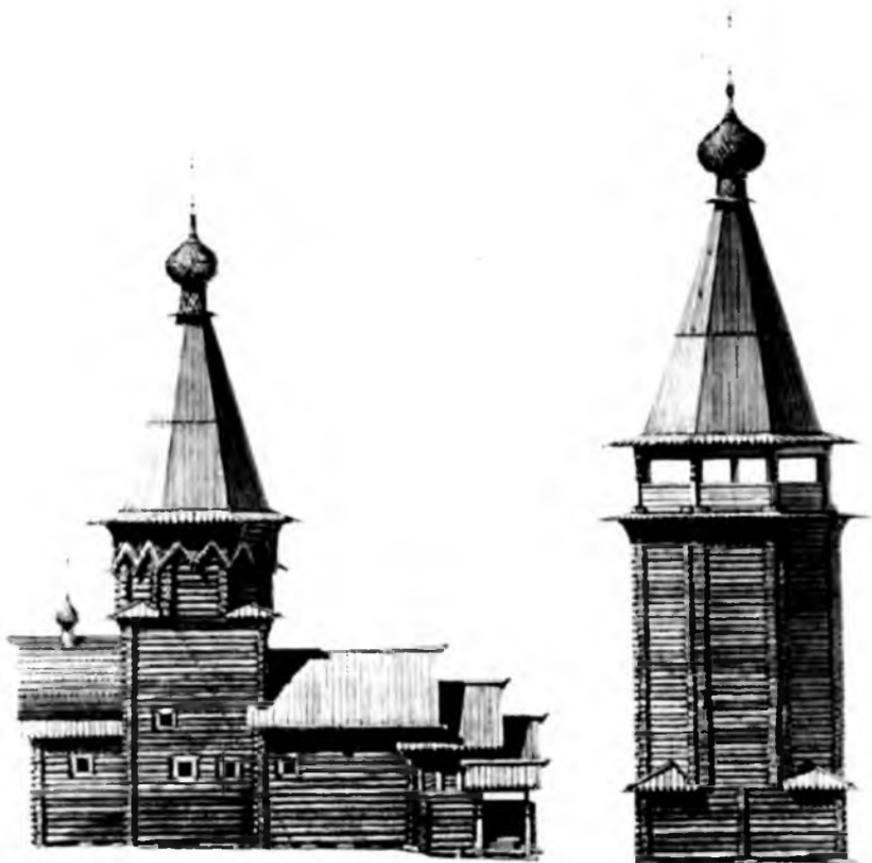
церкви поставлена в конце XVIII века [3, 7, 16]. В этом ансамбле колокольне отведена роль высотной доминанты, но не только высотной. С постройкой колокольни ансамбль приобрел качества, которые не были присущи самой церкви - монументальность, мощь, эпичность. Вместе с тем в архитектуре церкви и колокольни просматривается полное единство строительных и художественных приемов и пропорций: восьмерик на четверике (у колокольни низкий, но существенно большей площади, чем четверик церкви); одинаково решены угловые кровли четвериков; полное подобие гонтовых воротничков полиц, отделяющих восьмерик от шатра и шатра от барабана главки; и церковь и колокольня рублены в обло с крупными выпускными концами бревен, что делает их ровесниками, несмотря на значительную разницу в возрасте. Чутье пропорций проявилось и в том, что отношение высот четверика и восьмерика церкви примерно соответствует отношению высот восьмерика и четверика колокольни

Ансамбль Варваринской церкви стоит на берегу Яндомозера. Село прибрежное - вытянутое вдоль берега. Около церкви - прибрежная площадь, на которой находились причалы, лавки, амбары и дома местной знати. Колокольня смещена относительно продольной оси церкви на северо-запад. Это обеспечило исключительное разнообразие восприятия ансамбля с воды, площади и обоих концов села.

На рубеже XVIII-XIX веков были разобраны сени церкви, сделаны новые, и колокольню соединили крытым переходом с церковью. Мы воспроизводим реконструкцию памятника [7] с отдельно стоящей колокольней (стр.127).

Несколько иначе решен аналогичный ансамбль церкви Иоанна Златоуста в селе Саунино под Каргополом*, церковь Иоанна Златоуста, как и Варваринская также представляет собой шатровый храм типа восьмерик на четверике, да к тому же близка ей по возрасту - 1665 год. Однако, в плановом решении Саунинской церкви имеется одно существенное отличие - она асимметрична относительно продольной оси здания - северная стена сеней, трапезной и церкви выполнена в одну линию, а южная имеет выступ сеней и трапезной. На южном склоне кровли трапезной срублены миниатюрный четверичек, на котором стоит главка на круглом барабане. Так отмечен второй престол церкви, в котором тоже совершались богослужения. Вместе с тем так подчеркивается и главенствующая роль южного фасада. Но более всего эта роль подчеркнута постановкой в первой половине XIX века шатровой колокольни. Она отстоит к

* Церковь стоит поблизости от села на старом кладбище.

**Ансамбль Варваринской церкви. Село Яндомозеро
(Реконструкция)**

югу от церкви на расстоянии десять метров. В этом ансамле колокольне отведена совсем другая роль нежели на Яндомозере. Она лишь оттеняет мощь самой церкви, ее могучего шатра (высота до креста 35 метров). Вблизи глаз сразу улавливает отсутствие гармонического согласия между ними. Церковь рублена “в обло”. Колокольня рублена “в лапу”. Форма ее - шестерик “от пошвы”. На фоне мощного объема церкви с шатром колокольня выглядит несколько ремесленно-мастеровито, но без божьей искры. Вместе они ощутимо представляют “век нынешний и век минувший”. Однако, все искупается тем, как смотрится этот ансамбль издали. Он стоит на небольшом возвышении в просторных полях и виден почти от самого Каргополя. Благодаря асимметрии церкви и уди-

вительно тактичном расположении колокольни, они со всех сторон смотрятся исключительно живописно и разнообразно. К сожалению никакой снимок этот эффект передать не в состоянии. (стр.130). Сохранилось еще несколько ансамблей церковь - колокольня (Петропавловская церковь на Лычном острове 1620 года колокольня середина XVIII века; Богоявленская церковь в деревне Погост села Ошевенского конца XVIII века и другие).

Появление "тройника" существенно обогатило композиционные возможности ансамбля. Здания стали ставить в вершинах треугольника, но форма треугольника существенно зависела от высот каждого здания и рельефа местности, на которой они располагались, от роли, которая отведена каждому зданию в ансамбле, а также от взаимного расположения культового ансамбля и жилых зданий села или погоста. Здесь был простор для игры воображения.

Известны случаи, когда три здания ансамбля располагались по диагонали. Лучше сказать почти по диагонали, ибо колокольня в таких ансамблях ставилась в вершине тупого угла, в ряде случаев весьма близкого к 180 град. Таковыми были ансамбли в Верхней Мудьюге и Усть-Коже.

Взаимное расположение зданий ансамбля было функцией их высот, (опять же с учетом рельефа местности). Как правило, второе и третье здания ставились на расстоянии двух высот первого здания. Исключения из этого правила диктовались какими-либо соображениями, которые угадываются в облике ансамбля.

Интересен некоторый элемент свободы в ориентации зданий относительно сторон света, вносящий определенный "художественный беспорядок" во взаимную ориентацию зданий. Объяснено это может быть тем, что здания закладывались и, следовательно ориентировались, в разное время года и дня. А это приводило к погрешности ориентации алтаря на восток в пределах 3-16 град. И этот фактор вносил свою художественную лепту в облик ансамбля, как и особенности ландшафта, которые тоже особой "правильностью" не отличаются. В сущности, таким образом в рукотворный ансамбль вносились элементы природной гармонии.

В ансамблях из двух церквей и колокольни вероятность сохранения цельного ансамбля была еще меньшей. Поэтому рассмотрим здесь не только сохранившиеся, но и некоторые полностью или частично утраченные, но память о которых пока жива.

Знаменитый северный "тройник" - это традиционный прием культового ансамбля, в котором сначала появлялась летняя церковь, затем зимняя, а уж потом, когда прижились колокольни замыкался треугольник. В ряде случаев ансамбли, которые дошли

до нас, сменили стоявшие на этом месте до них. Таким образом в какой-то степени места установки были унаследованы. Но новые церкви никогда не были копиями предыдущих; более того часто менялась форма верхов, использовались новшества строительные и декоративные, и новые зодчие проблемы ансамблевой композиции решали по новому.

Один из старейших ансамблей, дошедших до наших дней, находится в селе Верхняя Мудьюга, на речке Мудьюге, впадающей в Онегу [3, 10]. Ансамбль стоит в центре села у реки в окружении старых лиственниц и елей, над которыми он господствует. В "тройник" входят шатровая Входоиерусалимская церковь XVII века, колокольня XVIII века и кубоватая церковь Тихвинская 1865 года.

Шатровая церковь традиционна - восьмерик на четверике. Но ее пропорции и строгость линий прекрасны. Крутой наклон линий шатра продолжают конические линии барабана главки. У церкви замечательный дваапсидный алтарь, крытый потрясающей трехлопастной бочкой, с главкой на киле. В XVIII веке к церкви пристроен северный придел, крытый широкой бочкой. С запада и северо-запада храм имеет небольшую галерею с красивым двухсходным крыльцом. Линии скатов кровли крыльца объединяют храм и придел. Церковь очень хороша и живописна и несомненно является художественным центром ансамбля. С реки она стоит справа. Поблизости от нее стоит колокольня типа восьмерик на четверике, но имеющая завершение в виде купола со шпилем. Вероятно, это уже приобретение конца XIX века.

Тихвинская церковь имеет кубоватое завершение с традиционным пятиглавием - по углам куба и на вершине. У церкви трапезная, алтарь крытый бочкой с главкой, придел и крытое крыльцо. Ее "молодость" требует снисхождения, ибо она прекрасно вписывается в ансамбль и вносит свой вклад в его живописность. Кроме того, не исключено, что она построена на месте более древней, и быть может, тоже кубоватой церкви. На стр.130,131 соответственно представлены Верхнемудьюгский ансамбль и церковь Входоиерусалимская и Тихвинская.

Неподалеку от Верхней Мудьюги, при впадении реки Кожа в Онегу стоит село Усть-Кожа - центр погоста. В стороне от него, в трех километрах у деревни Макарьинское, на высоком берегу Кожы на просторном открытом месте, до недавнего времени стоял похожий ансамбль [10, 13]. Старшая по возрасту Климентовская церковь 1695 года была кубоватой и пятиглавой, как и Тихвинская. Куб стоял на высоком четверике с красивым повалом. Форма куба была вытянутой. В основании барабанчиков главок - декоративные теремки. Вторая церковь - Крестовоздвиженская была шатро-

Ансамбль церкви Иоанна Златоуста. Село Саунино

Ансамбль в Верхней Мудьюге

Входоиерусалимская церковь. XVII в.

Тихвинская церковь. 1865 г.

вой 1769 года. Тип - восьмерик на четверике. Она имела высокий шатер. По углам четверика также стояли декоративные теремки-кокошники. Замыкался "тройник" изящной миниатюрной колоколенкой XVII-XVIII веков, которая достойно объединяла ансамбль. Колоколенка имела резные полицы над повалом и на кровле звонницы и те же теремки по углам четверика. По-видимому она имела шатровое завершение, которое в конце XIX века заменили полусферическим куполом со шпилем. В свое время колокольня этого ансамбля была особо отмечена В.В.Сусловым и И.Э.Грабарем.

В 1985 году этот ансамбль целиком погиб при пожаре. Бывали пожары и других ансамблей. Выгорали частично. Но чтоб весь!

Печальна судьба и другого известного ансамбля в погосте Турчасово [3 10, 21].

Турчасово - одно из древнейших новгородских поселений на Севере. Оно имело в свое время даже статус города. В "Книге Большому Чертежу" (1627 год) фигурирует, как "город Турчасов". Он имел и укрепленную крепость и посад. В XVII веке от был центром Турчасовского стана, к которому была приписана в частности Кожозерская пустынь, где около шести лет проживал, а с 1643 по 1646 год был игуменом будущий предстоятель православной церкви Никон. Именно отсюда он отбыл с просьбами о льготах для монастыря к молодому царю Алексею Михайловичу, был обласкан, стал "собинным другом" и обратно уже отпущен не был.

Турчасово стоит на Онеге, в ее излучине, среди прибрежных лугов на покато холме. В конце XVIII века здесь возведен замечательный ансамбль, аккумулировавший в себе строительный и художественный опыт русского деревянного зодчества.

Первый храм - кубоватый, Преображенская церковь с девятью главами. По поводу даты ее постройки сведения несколько различаются ([3] - 1768 год; [9] - 1786 год; [21] - 1781 год). Второй храм - церковь Благовещения 1795 года - шатровый. Колокольня была построена в 1793 году.

Преображенская церковь описана в этой книге в разделе, посвященном кубоватым храмам.

Благовещенская церковь имеет высоту такую же, как и Преображенская. Уже в этом исключены претензии на соперничество и заявка на партнерство. Церковь по главной идее - шатровая, и эта идея реализована была прекрасно. Но в ней используются две другие популярные формы покрытия. По северному и южному фасаду церковь имела приделы - два четверика, крытые кубом, с главками на высоких барабанчиках. А пятигранная апсида была крыта бочкой также с одной главкой. Такая роскошь верхов в сочетании с изящными теремками по углам четверика, с плавными кривыми

образующих линий, с полным согласием верхов обоих храмов, сделала их ансамблем гармонически созвучным, живописным и неразрывным. В обеих церквях близкими средствами решена проблема постепенного нарастания архитектурных масс. В Благовещенской - просторная, низкая трапезная с двускатным покрытием, затем два высоких четверика приделов с кубами и главками, восьмерик на четверике, и на нем шатер с центральной главой. В Преображенской - приделы, крытые бочками с главками, четверик, крытый кубом, главки по углам куба и на нем центральная глава. По разному, но слитно! (стр.134).

Колокольня Турчасовского ансамбля равновысока обоим храмам - 22 сажени (одна сажень 2, 13 м). На высоком четверике - низкий восьмерик, на котором арочная галерея "звона". Сейчас колокольня имеет купольное завершение со шпилем (стр.135). Но, надо полагать, это приобретение конца XIX века, а родным завершением было все-таки шатровое. Колоколов было семь. Самый большой весил 87 пудов. В первоначальном виде колокольня должна была замечательно замыкать ансамбль. Но сегодня ансамбль нарушен. Его нет. В 1964 году сгорела Благовещенская церковь - от удара молнии.

Особо горестна потеря выдающего ансамбля в Юрومه. По своим художественным достоинствам он, может быть, не имел себе равных. Ансамбль стоял на "гриве" в центре села Юромско-Великодворский погост на берегу реки Мезени. В его состав входила теплая шатровая церковь Михаила Архангела 1686 года, стоявшая на береговом обрыве и имевшая высоту 44 метра (стр.81), за ней на более высоких местах стояли шатровая холодная Ильинская церковь с приделом Петра и Павла 1743 года и шатровая колокольня XVIII века. Как следует из церковных книг, у церкви Михаила Архангела на этом месте были две предшественницы, сгоревшие от молний соответственно в 1626 году и 1685 году, а на месте Ильинской церкви стояла церковь 1644 года, разобранная за ветхостью.

Церковь Михаила Архангела разделила судьбу своих предшественниц. 12 июля 1933 года она сгорела от молнии, а Ильинская церковь и колокольня вскоре были разобраны.

Юромский ансамбль даже в небытии имеет все права считаться классикой и шедевром древнерусского деревянного зодчества. Он впервые был обследован в 1898 году архитектором Ф.Ф.Горностаевым. Тогда же им были сделаны замечательные снимки. На стр.81 настоящей книги воспроизводится снимок Ф.Ф.Горностаева, на котором ансамбль запечатлен с запада. На переднем плане церковь Михаила Архангела, а на заднем - справа колокольня, слева - Ильинская церковь. Приведем теперь второй снимок (стр.135) -

Преображенская и Благовещенская церкви ансамбля в Турчасово

вид с востока. На нем справа Ильинская церковь, в центре церковь Михаила Архангела, слева - колокольня. Для более ясного представления об архитектуре Ильинской церкви используем ее снимок с юго-запада, сделанный в 1928 году К.Романовым [9] (стр.138). Как видим, Ильинская церковь - классический тип шатровой церкви восьмерик на четверике со строгими пропорциями частей. На западе - замечательное двухвходное крыльцо, крытое сверху красивой бочкой, затем сруб трапезной с двухскатным покрытием. Трапезная не прирублена, а приставлена к срубам основного четверика. С северной стороны церковь имеет придел Петра и Павла в виде четверика, равновысокого основному четверику Ильинской церкви, но имеющего

Ансамбль в селе Турчасово. XVIII в.

Ансамбль в селе Юрома. Вид с востока

меньший модуль, однако восточные их фасады прирублены в одну линию. Крыт придел шатром на крещатой бочке. Мелодия Архангельской церкви подхватывается здесь подголосками. К церкви и приделу прирублены пятигранные алтари, крытые бочками. Оба храма с их ярусами бочек, шатров, глав сливались в сказочный хорал над могучей северной рекой. В этом ансамбле тем не менее роли распределены очевидно. Лидирующая роль принадлежит церкви Михаила Архангела. Ильинская церковь - поддержка. Шатровая колокольня - замыкающее, объединяющее звено.

А теперь рассмотрим также ныне не существующий, но в прошлом необычайно интересный ансамбль в селе Ракулы (ныне Холмогорский район Архангельской области). Ансамбль включал в себя уже известную нам колокольню (стр.113) XVII века, Воскресенскую церковь 1766 года и Покровскую церковь 1763 года. Сейчас осталась только Воскресенская церковь.

На приведенном рисунке В.В.Суслов нашел такой ракурс с реки (Северная Двина), что колокольня смотрится самостоятельно.

Приведем теперь рисунок ансамбля, сделанный И.Э.Грабарем в 1902-1903 годах (стр.138) [3]. Колокольня на нем утратила бревенчатый сруб и превратилась в звонницу - "девятистолбовку". Но, утратив стены, она радикально изменила свой верх. Нет резного подзора под завершением "звона", а главное вместо пяти шатров - шатер на крещатой бочке. Поскольку справа стоит Воскресенская церковь с аналогичным завершением, то такую трансформацию верха звонницы можно объяснить приведением в согласие завершения звонницы с завершением главенствующего в ансамбле храма - Воскресенского. Слева стоит Покровская церковь. Она ярусная, скромная и весьма условно входит в ансамбль.

Но вот снимок, сделанный Д.Терентьевым не более чем через 10 лет после рисунка И.Э.Грабаря (стр.139) [9]. Видно, что весь ансамбль прошел через капитальный ремонт. Все стены обшиты тесом, растесаны окна. Бочки с главками в покрытиях крыльца, паперти в трапезной Воскресенской церкви заменены прямоугольными крышами. Верх церкви получил некое подобие из пяти откровенно пузатых шатров с главками в клеточку. Соответственно и звонница вновь получила верх, созвучный с верхом церкви, и обшивку стен. Радикально изменен и облик Покровской церкви. Ее верхний ярус покрыт могучей пучиной в виде восьмигранной луковичи, увенчанной еще и главкой, но в знак солидарности с Воскресенской церковью на скатах кровли трапезной поставлены два шатрика с маковками. Ансамбль изрядно изуродован, но узнаваем.

Теперь приведем рисунок обмера, произведенного ИИ.Рыльским, П.Барановским и Ю.Гребенчиковым в 1939 году [9]. К это-

му времени Покровская церковь была утрачена. Стены Воскресенской церкви раскрыты. Ее венчают те же пять шатров. Это завершение повторено в звоннице и соответствует изображенному на рисунке В.В.Суслова (стр.139).

Вот такие метаморфозы претерпевает время с деревянными памятниками. Время и люди... Сейчас утрачена и колокольня. Приведем реконструкцию ансамбля в селе Ракулы, выполненную Ю.С.Ушаковым [9] (стр.140). Как видим, в ней доверчиво сохранены реставрационные формы начала XX века.

Нам осталось рассмотреть два существующих ансамбля. Ансамбль в селе Лядины примерно в сорока километрах от Каргополя [9, 10, 13]. Само название - знак древней обжитости этих мест. Осталось от подсечного земледелия. Технология такая: рубился маломерный лес ("клялся постелью"), год лежал, потом поджигался. Нива распахивалась по пали. Когда урожаи начинали снижаться, ниву забрасывали и переходили на другое место. Вот эта брошенная нива и называлась "лядиной". В "Подлинной дозорной книге по городу Каргополю" 1648 года прописано: "Волость Лядина, а в ней на погосте церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, да другая церковь страстотерпца Христова Георгия, строение приходных людей..." Таким образом, ансамбль в Лядинах сложился давно, но стоящие сейчас постройки относятся к XVIII веку. Они сменили первоначальные: шатровая Покровско-Власьевская церковь 1761 года, девятиглавая Богоявленская церковь 1793 года и колокольня XVIII века.

Чувствуется, что "приходные люди" обладали немалыми возможностями, воздвигнув могучий ансамбль.

Покровско-Власьевская церковь имеет традиционные формы - четверик - восьмерик - шатер. Но размеры храма столь велики и при этом его пропорции столь безупречны, что ему впору бы стоять в местах, не столь отдаленных. В храме - два престола. Нижний этаж - теплая, верхний - летняя. Трапезная тоже двухэтажная. Квадратный в плане алтарь крыт крупной бочкой с главкой.

Богоявленская церковь имеет тоже традиционные формы - четверик - восьмерик - пятиглавие. Но еще четыре главки стоят по углам четверика. Более того, и алтарь имеет три главки - две у основания бочки и одну на ее вершине. Среди знатоков деревянного зодчества Богоявленская церковь выделена особо, благодаря своему уникальному крыльцу - оно круглое. В.В.Суслов назвал его "исключительным в древних деревянных церковных постройках". Крыльцу придана форма просторно раскинутого шатра, имеющего на крыше семь граней. Шатер опирается на резные стойки, забранные резными перильцами. Между перильцами и лестницей

Ильинская церковь Юромского ансамбля. Вид с юго-запада

Ансамбль погоста Ракула. (Рисунок И.Э.Грабаря. Примерно 1902 г.)

Ансамбль погоста Ракула. Фото около 1913 г.

Погост Ракула. Обмер Остатков ансамбля. 1939 г.

Ансамбль в селе Ракулы. Реконструкция Ю.С.Ушакова

- полукруглое гульбище. Лестница пятигранная, ведущая к дверям трапезной. Изнутри шатер отдекорирован под синее небо, усеянное бесхитростными белыми звездами. Здесь неповторимое очарование чистоты, наива и надежды...

Колокольня рублена в конце XVIII века - поэтому "в лапу". Высокий восьмерик на низком четверике. Замечательно стройный шатер с маковкой. Превосходная форма повала восьмерика и полиц шатра представляет собой как бы разделенную пространством звона чечевицу.

Ансамбль суров, монументален и благороден (стр.142). Но еще более он привлекателен и живописен с больших расстояний с разных направлений. [9]. Ансамбль - общественный центр села. Вид А) - со стороны деревни Хомин -Конец. Вид Б) - со стороны деревень Дьяково и Павлово.

И, наконец, последний ансамбль. Кижичи [3, 6, 7, 9, 16]. Для его описания отсутствуют адекватные средства в языке. Он - средоточие музыки, поэзии, скульптуры, живописи. И это не преувеличение. Для его описания нужен синтетический язык, которого нет. Перефразируя В.Высоцкого "Лучше Кижичей могут быть только Кижичи". Это шедевр общемирового значения. И проблема его спасения и сохранения тоже является проблемой общечеловеческой, как экспедиция на Марс и иные космические проекты.

Искусство ансамблевости в Кижях достигло своего совершенного воплощения. Сохраняющие свою индивидуальность и изумляющие своим совершенством части образуют целое, буквально ошеломляющее своей гармонией, внутренним и внешним согласием и неисчерпаемым разнообразием. Здесь никогда не может быть поставлена точка. Всегда многоточие...

Между тем, ансамбль создавался 160 лет. И, видно, поиски идеала были мучительны. После Преображенской церкви 1714 года, которая даже если бы и оставалась одна, все равно была бы чудом всех времен и народов, через пятьдесят лет была срублена Покровская церковь - клетская. Видимо, боялись какого-либо соперничества, оставляли Преображенскую недосыгаемой. Наверно, мезальянс был очевиден, потому что клетскую вскоре заменили на шатровую, но и это не удовлетворило зодчих. Шатер сменили на девятиглавие (1764 год). И лишь через 110 лет после этого завершили ансамбль - поставили нынешнюю колокольню, сменившую стоявшую на этом месте прежнюю, обветшавшую.

При постановке Покровской церкви и колокольни была нарушена сложившаяся уже к этому времени традиция постановки зданий на взаимном расстоянии, равном двум высотам первого или иногда второго здания. В Кижском ансамбле здания поставлены очень близко - на расстоянии не более одной высоты. Это позволяет им смотреться нераздельно, образовывать единый, но неизменно меняющийся контур - стоит только сделать шаг в сторону при их ближайшем рассмотрении.

Ансамбль поставлен в центре Спасского Кижского погоста Обонежской пятины Новгорода - на острове Кижь. Остров невелик 6х1,5 километра и находится в проливе из одной части Онежского озера Малого Онего в другую - Большое Онего. По берегам вдоль пролива разбросаны многочисленные деревни. Ансамбль был поставлен в южной, самой узкой части острова и был виден отовсюду. А в прибрежных деревнях еще стояли клетские часовни с шатровыми колокольнями (Корба, Воробьи, Подъяельники, Волкоостров) и на севере самого острова в деревне Васильево. И все это вместе, с гладью озера и шатрами вековых елей по берегам составляло неповторимый, сказочный ансамбль рукотворно-нерукотворный, бесспорным центром которого и художественным и смысловым является непревзойденная Преображенская церковь (стр.143,144). Разнообразие восприятия ансамбля достигается еще изменчивостью северной погоды. При туманах, которые там нередки, он загадочен, как на картине К.Моне. В дожди, которые там чаще туманов, он как бы затаивается, суровее. А на солнце - праздник жизни.

Ансамбль села Лядины. XVIII в.

А. Ансамбль села Лядины. Вид с северо-запада

Б. Ансамбль села Лядины. Вид с северо-востока

Ансамбль в Кижях

Ансамбль в Кижях

Ансамбль в Кижях

5.3 Хоромы и дворцы

Мы сознательно помещаем параграф о хоромах и дворцах в раздел об ансамблях. Принадлежа “лутшим” людям, они должны были средствами архитектуры передать значимость и богатство их владельца. Не в ущерб функциональному назначению, рациональному началу, в них должны были превалировать эстетические начала - самоутверждения средствами красоты. Поэтому хоромы и в особенности дворцы представляли собой сложные композиции зданий, чаще всего с раздельными кровлями, нередко фигурными. И такая композиция обладает всеми чертами ансамбля, наделенного исключительной живописностью. В городской застройке многочисленные хоромы, соседствуя друг с другом, формировали его праздничный, нарядный облик. Трудность, однако, состоит в том, что до наших дней не дошло ни одного здания. Наши представления базируются на рисунках, эскизах и описаниях, фрагментарных и не предназначенных для систематического изучения. Поэтому мы обречены лишь на приблизительные и при том часто гипотетические представления о рассматриваемых зданиях.

Структура хором, как и обычной избы, как правило, была трехчастной, образованной тремя разновысокими срубами, с не только раздельными, но и разными по форме кровлями (на два ската, шатер, бочка), с сознательной асимметрией различных частей и элементов (крылец, окон и т.д.) с монументальностью срубов и подчеркнутой легкостью летних горниц каркасной конструкции. Уже в новгородских раскопках XI-XII веков были вскрыты нижние венцы таких трехчастных домов, в которых сени разделяли две половины - летнюю и зимнюю, или мужскую и женскую, или гостиную и жилую. Постепенно сформировался уклад жизни, и дом был в каком-то смысле олицетворением этого уклада. Поэто-

му преемственность просматривается и между избой крестьянина и хоромами боярина и даже в каменном боярском доме старались сохранить и привычную композицию и привычный уклад*.

Вместе с тем такая композиция ничем не стесняла фантазию зодчего. И в стоявших рядом хоромаш непростом было разглядеть единство структуры.

В оставшихся изображениях хором можно увидеть эти вариации. На плане Тихвинского посада, нарисованном в 1679 году И. Зелениным [28] изображено несколько трехчастных домов в виде двух высоких срубов под двускатными кровлями, разделенных пониженными сенями с каркасным верхним летним этажом, также покрытым двускатной кровлей. В альбоме Мейерберга (1660 год) изображен боярский дом в подмосковной усадьбе Никольское. Он имеет усложненную, но тем не менее трехчастную форму. Сени тоже ниже боковых частей, но целиком рубленные. Левая часть состоит из двух срубов под общей двускатной кровлей, она шире сеней. Правая часть крыта высокой четырехскатной крышей. Видимо она была гостевой, а левая - жилой. К сеням было приставлено крыльцо с двумя рундуками, имевшими сложное четырехгранное покрытие, соревнующееся с шатром правого сруба. Здесь асимметрия - художественный прием, вместе с тем продиктованный функциональным назначением частей здания.

А теперь совершим путешествие и посмотрим на застройку Москвы, изображенную на Сигизмундовом плане [29], глазами замечательного знатока древнерусского зодчества П.Н. Максимова. План был сделан в 1610 году художником Иоганном Готфридом Абелином. Гравирован художником Киллианом и посвящен королю Шведскому и польскому Сигизмунду III. Стало быть на нем представлены дома, построенные в конце XVI-начале XVII веков.

“Большинство из них состояло из нескольких срубов значительной высоты, дома обладали подклетом и наружными крыльцами, в большинстве случаев каждый сруб был покрыт отдельной крышей. Крыши чаще всего были двускатные, не очень крутые, а отдельные, более высокие срубы покрывались и четырехскатными шатрами с полицами. Оба этих вида крыш можно видеть на двухсрубном доме, изображенном между стеной Земляного города и Лужским мостом.

Но большая часть домов, изображенных на Сигизмундовом плане, имела трехчастную композицию, ясно видимую благодаря различной высоте срубов и их крыш. Были и дома, три сруба которых

* Чаще всего в XVII-XVIII веках каменные дома надстраивались деревянными этажами с традиционными кровлями.

покрывала общая двухскатная крыша, но ее щипцы, также бревчатые, как и стены, венчали не широкую сторону дома, но узкую. Иногда и крыльцо, примыкавшее к сеням, находившимся в средней части дома, покрывалось той же крышей, спускавшейся над ним. Таков дом, изображенный в Белом городе, на южной стороне Солянки, против церкви Рождества Богородицы на Кулишках.

Другие трехчастные дома с двухскатными крышами имели более высокий, с дополнительным этажом, средний сруб, покрытый, как и боковые, крышами с коньками, направленными вдоль дома. Это можно увидеть на домах в Белом городе южнее Солянки, у Яузских ворот и на северной стороне Ваганьковского переулка. Такая композиция выделяла дом из окружающих его одноэтажных жилых и хозяйственных построек еще больше, чем высокий подклет, и наделяла его известной живописностью. К тому правая и левая половины дома, предназначавшиеся одна для жизни семьи, а другая для приема гостей, различались как размерами, так и числом и размещением окон. Асимметрия и живописная непринужденность композиции усиливались и асимметричной композицией крылец, подобным тому, какое показано на изображении дома, стоявшего против Кремля, на правом берегу Неглинки, немного выше Троицкого моста и Кутафьи башни. Верхняя площадка его, основанная на срубике и покрытая четырехскатным шатром, примыкала на уровне основного жилого этажа к правой части высокой средней трети дома, (имевшего точно такую же композицию, как и два упомянутых выше дома), тогда как лестница со своей наклонной крышей шла вдоль левой части.

Другие такие же трехчастные дома с более высокой средней частью имели над ней крышу с коньком, перпендикулярным длинной стороне, что усиливало впечатление живописности, создававшееся асимметрической объемной композицией здания. Таков был дом в Земляном городе, у Яузского моста. Но еще живописнее были такие же по композиции дома, средняя часть которых покрывалась не прямоскатной крышей, но "бочкой" с широкими полницами, опиравшимися на повалы. Такие дома изображены в Белом городе, восточнее Николо-Подкопаевской церкви, где к средней части дома примыкало крыльцо, такое же, как у описанного выше дома на Неглинке, и в Китай-городе, на северной стороне Ильинки, возле Троицкого подворья, где дом имел более высокий подклет и соответственно более сложное крыльцо. Промежуточная площадка крыльца была основана на оставленном от дома срубике и покрыта шатром, а нижний и верхний, примыкавшие к зданию марши покрыты наклонными крышами. Последнюю разновидность

трехчастного дома с повышенной средней частью представлял собой дом с шатровым верхом последней. Большая по сравнению с бочкой строгость такого верха, делавшего венчаемый им сруб похожим на крепостную башню, смягчалась нередко облегченной каркасной конструкцией верхнего этажа с часто поставленными вертикальными стойками и окнами. Такая конструкция, говорящая о том, что верхний этаж был холодным, летним, зрительно облегчала верх сруба, второй этаж которого, прорезанный более крупными "косящатыми" окнами, создавал постепенный переход к легкому верху от массивного низа, совсем не имевшего окон или прорезанного маленькими вытянутыми по горизонтали волоковыми окошками. Примером таких домов могут служить дома, изображенные в Белом городе, южнее Николо-Ваганьковской церкви и против церкви Введения на Лубянке (возможно, дом князя Д.М.Пожарского).

Наконец были трехчастные дома с пониженной средней частью и высокими боковыми, причем средняя часть покрывалась на два ската, а боковые имели разные покрытия. В доме в Земляном городе, возле того места, где его стена подходила к Москве-реке, одна из боковых частей была покрыта точно такой же двухскатной крышей, как и средняя, а другая - бочкой. В доме в Белом городе, у Яузских ворот, на северной стороне Солянки, одна из боковых частей имела каркасный верхний этаж, увенчанный шатром, а другая была покрыта на два ската с коньком, перпендикулярным коньку средней части и длинной стороне дома.

Более крупные дома состояли из большего числа срубов: таков, например, был дом, изображенный в Белом городе, между церковью Введения на Лубянке и Пушечным двором. К заднему фасаду одной из боковых частей трехчастного дома (с повышенной средней частью и покрытием каждой части на два ската с параллельными коньками) здесь была пристроена квадратная в плане башенка, покрытая бочкой. Большая высота средней части, возвышавшейся под боковыми на два этажа, и примыкавшее к ней обычное асимметричное крыльцо с четырехгранным шатром над верхней площадкой, окруженной каркасными стенками, по основанию не на срубе, а на связанных перекрещивающимися подкосами столбах, придавало объемной композиции и силуэту этого дома замысловатый и сложный характер.

Строже был также четырехсрубный дом (вероятно, Шереметьева) стоявший к западу от Никитского монастыря (в Белом городе). В нем средние два сруба были покрыты общей двухскатной крышей, северный при таком же покрытии был немного ниже, а южный имел вид башни с каркасным верхним этажом и шатровым

покрытием. Севернее его с небольшим разрывом стоял другой дом, входивший в состав того же владения, меньший, двухъярусный, но повторявший в упрощенной форме композицию большего: южный сруб, как и там, имел вид башни с четырехгранным шатровым верхом с полками, но рубленной снизу доверху, а северный был покрыт на "два ската" [28].

Все изумляет в этом на первый взгляд перегруженном подробностями рассказе. В первую очередь, что увидев это, смог изобразить автор Сигизмундового плана. Во-вторых, что смог увидеть в этом изображении и идентифицировать П.Н.Максимов. При этом мы смогли познакомиться с типологическими описаниями основных богатых домов Москвы конца XVI-начала XVII веков.

Особая ценность этого изображения состоит в том, что на нем представлены последние мгновения Москвы начала XVII века. В 1612 году от того, что изображено на Сигизмундовском плане, не оставлено было и следа. Вот рассказ живого участника - польского офицера Самуила Маскевича, бывшего среди польских интервентов в Москве в 1609-1612 годах:

"Во вторник поутру, когда некоторые из нас еще слушали обедню, в Китай-городе наши поссорились с русскими..."

Итак, 29(19) марта, во Вторник, на страстной неделе завязалась битва сперва в Китай-городе, где вскоре наши порезали людей торговых (там одних лавок было до 40000); потом в Белом городе; тут нам управиться было труднее: здесь посад обширнее и народ воинственнее. Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами... и под защитою своих загородек стреляют по нас из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из окон бьют нас самопалами, камнями, дрекольем...

Каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: "Огня! Огня! Жги дома!..."

Достали смолы, прядева, смоляной лучины, и тут едва успели запалить этот дом, то же делали и с другими домами, где кто мог. Наконец занялся пожар; ветер, дуя с нашей стороны, погнал пламя на русских и принудил их бежать из засад, а мы следовали за развивающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем...

Отдан был приказ: завтра, то есть в среду, зажечь весь город, где можно... Жечь город поручено было 2000 немцев, при отряде пеших гусар наших...

Пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских, а мы потихоньку двигались за ними, беспрестанно уси-

ливая огонь. Уже вся столица пылала, пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают...

В четверток мы снова принялись жечь город, коего третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных к нам бояр, которые признавали необходимость сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрытия. Итак, мы снова запалили ее, по изречению очевидца: "Град Господен измету да ничтоже в нем останется". Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора"... [37].

Чтобы закончить с пожаром, отметим, что Москве было к пожарам не привыкать, (хотя и не таких масштабов). Все иностранцы, писавшие о Москве, отмечали, что в Москве тушат пожары не водой, а разборкой домов на пути огня. Этим занимались стрельцы и особая стража.

Опять же все иностранцы отмечали, что в Москве у стен Белого города есть рынок сборных домов. Так что, как писал Олеарий: "погорельцы, потерявшие дома от пожара, скоро поселяются в новых домах".

Но вернемся вновь к хоромам. Сохранился рисунок Афанасия Чудинова, сделанный в 1793 году в Сольвычегодске. На нем изображены хоромы Строгановых за год до их разборки (стр.152). К сожалению, на этом рисунке хоромы в своей южной части заслонены Благовещеским собором. Сохранился еще один схематичный рисунок - чертеж, не датированный. По ним совместно можно судить, что хоромы состояли из семи, поставленных в ряд срубов. Северный сруб был тридцатиметровой, шестиэтажной (!) башней-повалушей, имевшей повал и крытой бочкой с острым килем и крупными полицами. Затем шли сени с двухмаршевым крыльцом. Нижний рундук его был крыт шатром, а верхний бочкой. Сени завершались легкой башенкой каркасной конструкции, крытой четырехгранным шатриком с полицами. Жилая часть основного здания имела два этажа, освещенных косячатыми окнами. Высший подклет имел волоковые окна. Башнеобразную форму имел и южный сруб, покрытый четырехгранным шатром, равный по высоте трехэтажной основной части здания. От основной части здания его отделяли несколько пониженным срубом, имевшим в верхней своей части каркасный верх. Но и в этом здании усложненной формы, тем не менее просматривается трехчастная композиция: башня-повалуша, сени, трехэтажное основное здание под общей кровлей. Южная башенка была неотъемлемой частью основного здания - деликатной репликой северной повалуши.

По-видимому, причудливые композиции хором в их произвольных сочетаниях, обусловленных полетом ничем не скованной фантазии, летящей, однако, об руку со здравым смыслом, были привычны русскому глазу, рождали ассоциации и стимулировали поиск. Недаром протопоп Аввакум, потрясенный фантастическим зрелищем скал над Байкалом, сравнил их с рукотворными хорами: "полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, - все богаделано"...

Памятью о деревянных дворцах до XVII века осталась опись царского дворца в Коломне, составленная в 1577 году. Он состоял из четырех групп зданий - парадных, жилых помещений царя, соответственно царицы и царевича и разнообразных подсобных помещений. Подклеты были рубленными, а в некоторых случаях и каменными. Все здания сообщались между собой переходами. Дворец имел повалушу, крытую бочкой, дубовый чердак о 25 окнах и красное крыльцо, крытое тремя шатрами. Как видим, все элементы дворца уже известны нам по описанию хором, однако, такого описания недостаточно для реконструкции его облика.

Принято считать, что дворец в Коломне послужил образцом для дворца в царском селе Коломенском под Москвой. Заказчиком его был Алексей Михайлович. Соответственно структура дворца, состав его зданий отражали состав царской семьи и уклад ее жизни.

И.Е.Забелин в [40] (т.У1) писал о традиции устройства великокняжеских хором. Они имели три отделения. Первое - хоромы постельные, или покоевые. Обычно 3-4 комнаты. Последняя была опочивальней, или ложницей. Около нее - крестовая, или моленная. Другая называлась комната, а по назначению была кабинетом. Первая при входе - передняя и предназначалась для приемов.

Ей предшествовали теплые сени, к которым примыкали сенник (чулан) и мыльная.

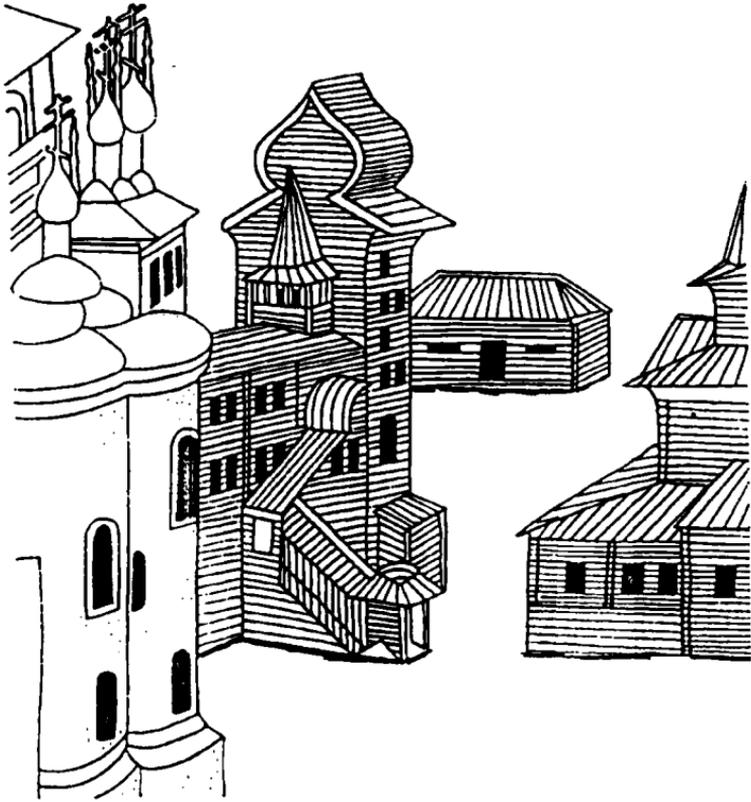
Второе - хоромы непокоевые. Они отводились для торжественных собраний и включали в себя столовую избу, горницу и повалушу.

Третье отделение объединяло разнообразные хозяйственные постройки - дворы и дворцы (то есть небольшие дворы). В их состав входили конюшенный, житный, кормовой (поваренный), хлебный, сытный и ряд других.

Между палатами устраивались переходы. При хорамах была и своя домашняя церковь, в подклетах которой берегли добро.

В соответствии с этой традицией и был построен дворец в Коломенском.

Дворец был построен в 1667-1669 годах (1668 [2], [11]) мастерами Семеном Петровым - плотничьим старостой и Иваном Михай-

Хоромы Строгановых в Сольвычегодске. Рисунок 1793 г.

ловым - плотником-стрельцом. Затем дворец был частично перестроен уже после смерти Алексея Михайловича мастером Саввой Дементьевым в 1681 году при Федоре Алексеевиче

Дворец по оценкам современников был одним из чудес света (восьмым). Пластика дерева достигла в нем эффекта неисчерпаемости. В нем 270 комнат и 3000 окон и оконцев.

Приведем несколько его реконструктивных изображений. На рис.77 представлен юго-восточный фасад дворца, на стр.154 - этот же фасад в аксонометрии на старинном рисунке и северо-западный фасад. На стр.155 - генеральный план дворца.

Из их совместного рассмотрения видно, что дворец - сочетание срубов различных размеров, сгруппированных по функциональному назначению и имеющих убранство сообразно их иерархическому положению в принадлежности тем или иным членам царской

фамилии. Главная группа зданий, обращенная к церкви Вознесения, вмещала в себя хоромы Алексея Михайловича (стр.156). На правом краю - "столовая изба", крытая огромным кубом. Затем сени - легкая ярусная постройка со многими окнами. Сени стояли на высоком каменном подклете. Выступающее вперед торжественное, праздничное крыльцо, крытое бочками и шатрами (стр.155), вело в парадную и жилую части хором. Жилая часть - слева от сеней, была покрыта двойной крещатой бочкой и четырехгранным шатром над торцовой частью. В этой части были сделаны два дополнительных этажа. Слева к покоям царя примыкали хоромы царевича - наследника, Федора Алексеевича. Они крыты тоже двумя шатрами, перекликающимися с господствующим шатром над царскими покоем.

Покои царицы Натальи Кирилловны были расположены за государевыми покоем и обращены главным фасадом на север. Это чисто жилые покои, не имевшие парадной половины. Их сени имели такое же красивое крыльцо, как и по царскому фасаду. И крыто оно было также восьмигранным шатром и бочками. Покои царицы имели общую над несколькими срубами кровлю в виде громадной бочки. Справа к хоромам царицы примыкала четырехэтажная башня, крытая шатром, которая уравнивала шатры сеней и крыльца. Из хором царицы вели три перехода - в поварню, в детскую и в дворцовую домашнюю церковь Казанской Божьей Матери. По третьему переходу можно было также пройти на половину старших царевен, расположенную к северу. Вторые и третьи хоромы царевен были обращены фасадом к западу, а четвертые на юг. Эти хоромы вместе с поварней и мыльней образовывали внутренней двор дворца с южной стороны.

Дворец изнутри и снаружи был щедро украшен резьбой, позолотой и рисунками. Резными работами руководил монах Арсений - крупный знаток орнаментальной резьбы, имевший за плечами Никоновский Новый Иерусалим. И даже известны имена членов его артели - Клим Михайлов, Давыд Павлов, Андрей Иванов, Герасим Окулов, Федор Михайлов, прошедших вместе школу на Истре

А живописными работами руководил выдающийся художник того времени Симон Ушаков.

В целом ансамбль дворца не имел четко выделенного главного фасада. С любого направления он выглядел разнообразно и неожиданно. Его многочисленные шатры и криволинейные кровли - бочки и куб поварни в сочетании с разновысокими срубами и башнями, а также раскраской отдельных частей являли собой праздник жизни, монументальность и незыблемость царской власти, несмотря на "бунташные" времена.

Замечателен простодушный восторг, выраженный в поэтическом восхвалении Коломенского дворца современником. Но не простым современником, а Симеоном Полоцким - наставником царских детей, основоположником русского силлабического стихосложения:

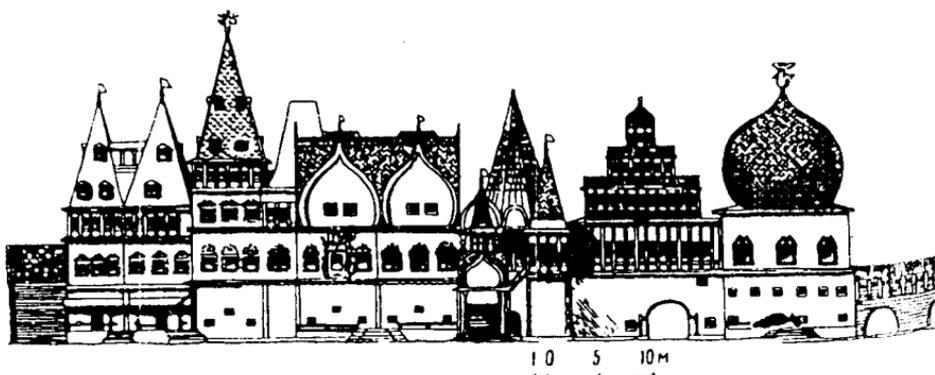
“Окна, яко звезд ликом сияет,
Драгая слюдва что серебро блистает.
Множество жилищ градове равнится,
Вся же прекрасна, - кто не удивится!”

А заканчивается поэма такими торжественными словами:

“Нет лучшего, разве дом небесный,
Семь дивных вещей древний мир чтитше,
Осьмий див сей дом время имеет наше”.

До нас дошел целый ряд свидетельств современников Коломенского дворца, в которых мнение о восьмом чуде света было единогласным. К тому же дворец был начинен разнообразными затеями. Были среди них и деревянные львы, издававшие рык, и другие шутихи. Так что часть того, что Петр Алексеевич использует затем в своих “мон плезирах”, было увидено у бабушки, в летнем Коломенском дворце.

“В порядке исключения” в Коломенском дворце даже устраивались приемы иностранных послов. В.О.Ключевский в своей первой работе “Сказания иностранцев о Московском княжестве” (1866 год) сообщает о том, что “Царица Наталья Кирилловна упросила царя в 1675 году назначить аудиенцию цесарскому послу де-Бот-

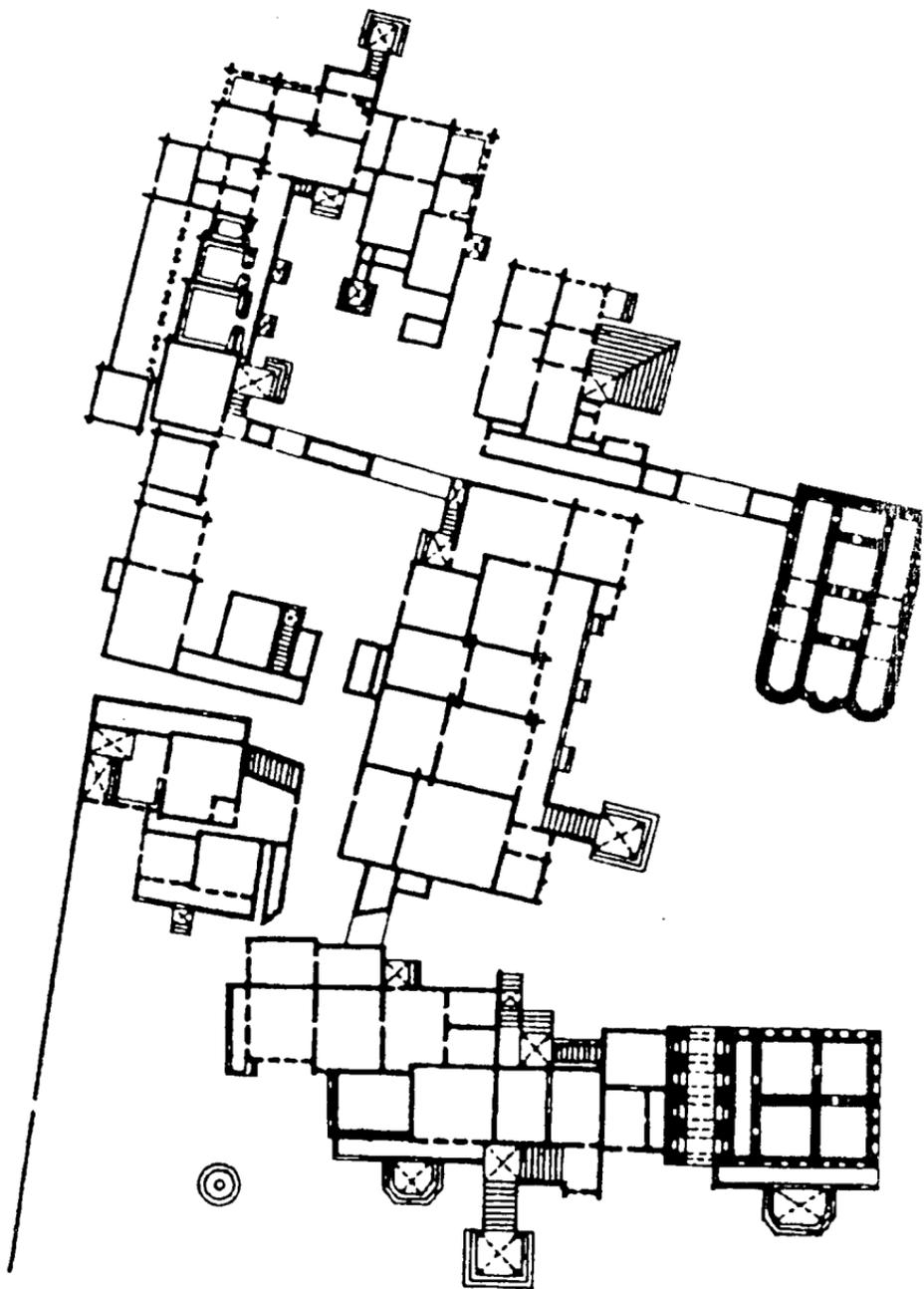
**Дворец Алексея Михайловича. Село Коломенское.
XVII в. Юго-восточный фасад. Реконструкция**

**Дворец Алексея Михайловича. Село Коломенское. XVII в.
Юго-восточный фасад. Старинный рисунок.**

**Дворец Алексея Михайловича. Село Коломенское
Фрагмент северного фасада**

Дворец Алексея Михайловича. Село Коломенское. XVII в. Генеральный план

тонг в селе Коломенском, где ей удобнее было смотреть на посольство, и, приближаясь к селу, пристава нарочно вели поезд не прямой дорогой и замедляли его движение, чтоб царица дольше могла любоваться зрелищем из дворцового сада. В соседней комнате смотрела через отверстие в двери на представление посольства, но маленький Петр выдал мать, неосторожно растворив дверь прежде, чем посол успел выйти из приемной залы”...

Вместе с тем Коломенский дворец - родовое гнездо, где живут все вместе - коронованные родители и многочисленные чады и домочадцы. Средствами архитектуры подчеркнуто положение каждого. Так убранство хором царевен - самое простое и сдержанное - одинаковые трехэтажные здания, включая подклет и чердак, крытые двумя или тремя четырехскатными шатрами без слухов, а на четвертых хоромах - вообще простая двухскатная кровля. Эти хоромы имели и самые простые крыльца - без шатров и бочек, как у других членов царской фамилии. Упрощена и обработка фасадов. В рубленых стенах прорезаны группы окон из одного косячатого с простыми наличниками и двух волоковых. Чердак везде был легким, каркасным. Да и местоположение хором царевен было на периферии дворца.

Фасады хором царя и старшего царевича подчеркнута торжественны и украшены. Они даже были обшиты тесом. Это уже было влияние новых вкусов. Членение на этажи подчеркивалось резными горизонтальными поясками с резными подзорами. Все наличники косячатых окон имели резные украшения.

Хоромы царицы занимали промежуточное положение как по месту, так и по убранству между хоромами царя и царевича, и хоромами царевен. Основной этаж был обшит тесом и имел такие же пояски и наличники, как по фасаду хором царя и царевича, а подклет так и оставлен рубленным, как на фасаде хором царевен. Царицыны хоромы имели единую крышу, в отличие от хором царя, но зато эта крыша была выполнена в виде нарядной бочки.

Так что каждому свое средствами архитектуры!

Дворец в Коломенском простоял сто лет, а когда потребовался ремонт, его разобрали...

По-видимому, дворец в Коломенском не имел себе равных среди других деревянных дворцов царей и русской знати. И об этих дворцах мы очень мало знаем.

У Николая Михайловича Карамзина есть очерк о его российских путешествиях: “Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре”, написанный в 1803 году. Приведем некоторые извлечения из него, касающиеся путевого дворца

* Посол австрийского императора в России в 1675 году.

Алексея Михайловича в селе Алексеевском, стоявшем близ церковной горки около нынешнего метро ВДНХ (само сочетание этой аббревиатуры и Алексея Михайловича звучит комично...).

“...село Алексеевское, напоминающее именем своим царя Алексея Михайловича, который приготовил Россию к величию и славе. Но там представляется глазам еще другой ближайший его памятник: старый дворец, где он останавливался на возвратном пути из монастыря Троицкого и распоряжал торжественный въезд свой в Москву. Я спешил видеть сие почтенное здание, едва ли не старейшее из всех деревянных домов в России. Оно очень невысоко, но занимает в длину сажен тридцать. На левой стороне от Москвы были комнаты царя, на правой жили царевны, а в середине царица; в первых окна довольно велики, а в других гораздо менее и выше от земли, вероятно для того чтоб нескромное любопытство не могло в них со двора заглядывать: тогда думали более о скромности, нежели о симметрии. Стены разрушаются, но я осмелился войти в дом и прошел во всю длину его, если не с благоговением, то, по крайней мере с живейшим любопытством. Печи везде большие, с резными отчасти аллегорическими фигурами на изразцах. Внутренние уращения не могли истощить казны царской: потолки и стены обиты выбеленным холстом, а двери (и то в одних царских комнатах) красным сукном с широкими жестяными скобами; окна выкрашены зеленою краскою... Москва не много видна из окон дворца; но вероятно, что бывший с этой стороны забор (ямы столбов не загладились еще в некоторых местах) не позволяли и того видеть: в старину любили жить открытым сердцем, а не в открытом доме... Другая стена без окон, но с дверьми в сад или в огород... Тут видны развалины двух бань, в которые они нередко езжали из самой Москвы, даже зимою... Вокруг дворца не осталось никаких других зданий, кроме погреба, где не только лед, но даже и снег не тает до глубокой осени; следственно царь мог всегда здесь пить самый холодный мед! Он любил Алексеевское, хотя впрочем, местоположение очень обыкновенно: ровное и гладкое; на левой стороне видна сосновая роща. Большая каменная церковь Алексеевская сооружена также царем Алексеем Михайловичем. Дворец подле нее”...[36].

Это описание бесценно своей подлинностью. И из него видно, хотя об архитектуре из него узнаем немного, что этот дворец был скромнен, непредставителен и не притязателен. Это кратковременное пристанище царя после дороги в Троицу.

* Церковь Тихвинской иконы Божьей Матери (конец XVII в.).

В этом же очерке Н.М.Карамзин описывает и село Тайнинское, бывшее близ той же дороги в Троицу. Это было одно из любимых мест Соколиных охот Алексея Михайловича. И здесь стоял его дворец. В начале прошлого века от него оставались одни развалины. Около него построила деревянный дворец Елизавета Петровна, сохранивший еще к началу века богатство своего убранства. Но и он по словам Н.М.Карамзина уже продавался на своз.

А когда в 1817 году появилась “Записка о Московских достопримечательностях” Карамзина, то в ней было о тех же местах сказано: “В Алексеевском (в 5 верстах от города, на Троицкой дороге) еще недавно стоял ветхий дворец и баня царя Алексея Михайловича...”

В селе Тайнинском (верстах в 20 от Москвы) великие князья и цари часто забавлялись охотою. Там был дворец Елизаветы Петровны. Ныне в саду полынь и крапива, а в прудах тина”...[36].

Так что воистину: “Что имеем не храним”... И это отнюдь не исключительная “привилегия” нашего стремительного века.

Храмовые традиции, складывавшиеся веками в деревянном зодчестве, естественным и органичным образом были восприняты, заимствованы и переработаны в каменном “палатном” зодчестве. Композиция дома с подклетом, наружным крыльцом, ведущим в сени, и несимметрично расположенными левой и правой частям и стала лейтмотивом и в каменном зодчестве. И дело здесь было не в подражании и копировании, а просто в неизменности жизненного уклада.

5.4. Крепости и монастыри

Жить всегда было опасно... “Мой дом - моя крепость”, “Береженого Бог бережет” - это все мудрости искусства выживания. Если бы наши далекие предки не овладели этим искусством, едва ли мы бы сегодня имели счастье предаваться воспоминаниям и тем более строить проекты на будущее.

Наш рассказ ограничивается рассмотрением укреплений из дерева и сложившихся на их основе древних ансамблей крепостей и монастырей.

До конца XV века крепости были преимущественно деревянными. Но и позднее - вплоть до середины XVII века многие укрепления строились из дерева. Так в конце XVI века на южных рубежах Московского государства воздвигались деревянные крепости - Воронеж, Ливны, Елец, Кромы, Белгород. Одновременно строились крепости на севере - Кола, Сумской Острог, Кемь, в Поволжье - Царицын, Самара. В это же время началось освоение сибирских острогов.

Со временем дерево постепенно замещалось камнем, частично сохранялась генетика, но радикально менялся облик. От тех времен, о которых наш рассказ, остались описания, изображения на иконах, рисунках, планах и немногочисленные материальные фрагменты.

Первоначально укрепленные поселения размещались в местах, имеющих естественную природную защиту - водные преграды, возвышенности, овраги. Естественная защита дополнялась искусственными сооружениями - валами, рвами, заполненными водой, стенами. Нерукотворное и рукотворное сливалось, повторяя все естественные линии ландшафта. Но это была отнюдь не мимик-

**Лазаревская церковь Муромского монастыря XIV в.
Общий вид церкви в Кижях**

**Часовня XVIII в.
Деревня Федоровская Плесецкого района**

Никольская церковь села Глотова. 1776 г.

**Спасо-Преображенская церковь села Спас-Вежи
1628 г.**

Никольская церковь. Село Лявля. 1581-1584 гг.

Георгиевская церковь. Село Вешина. 1672 г.

**Успенская церковь Александро-Куштского
монастыря. 1519 г. (?)**

**Успенская церковь Александро-Куштского
монастыря. 1519 г. (?)**

Вознесенская церковь. Село Кушерека. 1669 г.

**Преображенская церковь. Село Козлятьево. 1756 г.
Вид с запада**

**Преображенская церковь. Село Козлятьево. 1756 г.
Завершение южного предела**

Преображенская церковь. Кижы. 1714 г.

Преображенская церковь. Кижы. 1714 г.

Покровская церковь. Кижы. 1764 г.
Западный фасад

Покровская церковь. Кижы. 1764 г.
Восточный фасад

Покровская церковь. Кижы. 1764 г.
Южный фасад

рия. Рукотворное имело облик суровый и неприступный, привносило свою ритмику чередующихся башен и прясел стен, свой силуэт заостренных пик вертикальных бревен стен, кровель сторожевых башен, въездных ворот, подъемных мостов, стоящих внутри крепости церквей. Этот силуэт следовал за плавными природными линиями. Эти укрепления были тем горнилом, в котором сплавлялось полезное и прекрасное во имя спасения и утверждения жизни.

“В древних крепостях было два элемента, которые составляли переход от фортификации к художественному зодчеству: это ворота (с перекидным мостом через ров, с “жеравцами” для подъема) и высокая сторожевая башня. Наличие этих элементов необходимо учитывать при определении тех привычных архитектурных форм и силуэтов, на которых воспитывались художественные вкусы русских “древodelей”. [4].

Сторожевые башни ставились по углам крепости или разделяли прясла стен. По крайней мере одна из башен была надвратной или проезжей. По форме башни были прямоугольные (квадратные) или многогранные (чаще восьмигранные). Они имели несколько ярусов верхнего боя (чаще двухъярусные), нередко с устройством навеса для навесного боя (“облома” или “облама”). Иногда башни ставились и в одиночку, на подступах к городу, как наблюдательные (“вежи”). Термин “башня” стал использоваться в XVI веке. До этого башни назывались “повалушами”, “кострами”, “стрельницами”. Покрытия башен были в основном шатровые.

Башня стала символом - собирательным образом русского зодчества и в дереве и в камне, и в фортификационном и в культовом зодчестве.

Скандинавы, пришедшие на Русь были поражены количеством увиденных на ней городов и даже называли Русь “Гардарик” или “Гардарикия” - страна городов. В скандинавских языках и в те времена по-русски город - синоним укрепления.

Даже в XVI веке сохранилось такое понимание. Как свидетельствует Сигизмунд Герберштейн в “Записках о московских делах”, изданных в 1549 году: “Все, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, они называют город”. “Срубить город” означало - обнести укрепной стеной. Артели занимавшиеся этим, назывались “градниками” или “огородниками” - строителями оград, крепостей. Отсюда “горожанин”, “гражданин” - (сплоченные за оградой).

Внесли свой вклад в основание укрепленных городов и сами скандинавы. Когда в 862 году, согласно первой Новгородской летописи “вставша град на град”, был призван князь Рюрик, кото-

рый, как свидетельствует Ипатьевская версия “Повести временных лет”: “..придоша к словенюм первее и срубиша город Ладогу... Пришед к Ильменю, и сруби город над Волховом, и прозваша и Новгород... и роздая мужем своим волости и города рубити: овому Полотеск, овому Ростов, другому Белозеро.”.

Преемник Рюрика - князь Олег провел урбанистическую застройку Ладоги. При нем Ладога получила укрепленный детинец, кремль и открытый посад. В 882 году Олег предпринимает поход на юг и объединяет Русь со столицей в Киеве. И тоже “нача города ставити” [41].

Иногда крепости строили как временные убежища - на случай вражеских набегов, но чаще они были неотъемлемой частью поселений, органически входили в их состав, представляя местному населению обширную “твердь” (убежище). По мере развития такой тенденции усиливалась роль искусственных укреплений, а при этом крепости все в большей степени приобретали правильную геометрическую форму. Однако, и сами поселения и их укрепления возникали в местах надежных и красивых. Какая жизнь без красоты? Поэтому столь часты в топонимике и в мотивации выбора места эпитета “красный”, то есть красивый, прекрасный.

В сказании о граде Китеже сказано: “...повеле благоверный князь Георгий Всеволодович строити на берегу озера того Светлояра град именем Божий Китеж, бе бо место велми прекрасно”. А вот свидетельства 1629 года об основании Красноярска: “...на реке на Енисее на яру место угоже, высоко и красно, и лес блиско всякой есть, и пашенных мест и сенных покосов много, и государев острог на том месте поставити мочно...а прозвал то место Красным яром Андрей Дубенской с ратными людьми, потому что место красно же”.

Или вот Никон о выборе места для Иверского монастыря на Валдае: “Бе бо всеями любимо место сие, понеже красно зело”...Так уж изначально повелось, что именно крепость (детинец, кремль) первоначально ставилось на самом высоком, красивом и вместе с тем защищенном месте, а уж потом они прирастали посадом. В детинце была власть и политическая, и духовная, и защита была ратная.

Именно так и Москва строилась. Городок “Москов” возник на Боровицком холме при слиянии Москвы-реки и Неглинной. Здесь сходились многие важные торговые пути. В XI-XII веке на холме выросли два укрепленных поселения вятичей - большой на месте нынешней Соборной площади, меньший - на оконечности мыса. Общие городские стены Юрий Долгорукий заложил в 1156 году.

Под 1156 годом Тверская летопись отметила, что Юрий Долгорукий “заложити град Москву на устниже Неглинны, выше реки Аузы”.

“Заложи град” - значит укрепил, обнес стеной построил валы и выкопал рвы. В 1157 году Юрий Долгорукий умер в Киеве, и строительство продолжалось и оканчивалось без него. Южная стена “мал деревян град”, обращенная к Москве-реке шла по обрыву холма от Боровицких ворот (нынешних) примерно до Тайнинской башни (нынешней). Западная стена - от Боровицких же ворот по высокому берегу Неглинной примерно до Троицких ворот (нынешних). Восточная стена замыкала крепость, включавшую в себя уже всю территорию нынешней Соборной площади (стр.165). По периметру стена была 700 метров. При раскопках XIX века было установлено, что стена была рублена из толстых дубовых бревен, положенных друг на друга. В юго-западной части крепости Юрия Долгорукова стояла деревянная церковь Иоанна Предтечи, рядом с которой были расположены княжеские палаты. Посад от стен стал распространяться по берегу Москвы-реки в сторону Яузы, а затем в междуречье между Неглинной и Москвой. В 1339 году Иван Калита, получивший в 1327 году ярлык на великокняжеский престол, построил новый “град дубов”, расширив территорию крепости на северо-восток. В это же время крепость стали называть Кремлем.

При Иване Калите в Москву в 1326 году был перенесен патриарший престол из Владимира. На территории деревянного Кремля ставятся первые каменные храмы: одноглавый Успенский собор (1327 год), Иоанна Лествичника (1329 год), Спаса на Бору (1330 год) - вне стен Юрия Долгорукова Михаила Архангела (1333 год). Церкви были сложены из белого камня и стояли на тех местах, где сейчас стоят позднее построенные одноименные храмы. Длина новых дубовых стен Московского Кремля была уже без малого два километра, а площадь Кремля Ивана Калиты составила примерно две трети современного Кремля. Стоящий на высоком холме, окруженный с двух сторон реками Москвой и Неглинной, а с третьей - рвом и валом, с деревянным дворцом князя и белокаменными храмами, Кремль, обнесенный могучими дубовыми стенами с башнями, выглядел неприступным.

При Дмитрии Донском в 1367 году за один сезон построили укрепления из белого мячковского камня. Быть может, это была только приступная стена. Все остальное оставалось деревянным. Но с этого момента Москва стала “белокаменной”. Кирпичная кремлевская стена построена в 1485-1495 годах. К 1538 году были построены стены Китай-города, а в 1586-1589 году на смену обветшавшим деревянным укреплениям пришла стена Царь-города (Белый город). Но поскольку за ее пределами оставалась еще значительная часть Москвы, в 1591-1592 годах была возведена еще одна

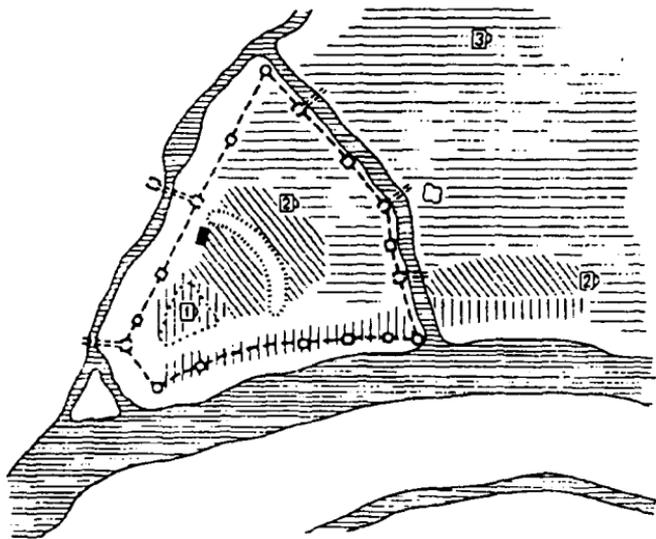
- высокая деревянная крепостная стена - "Скородом", обошедшая Земляной город - площадью 1900 гектар и имевшая по периметру 16 километров! На Сигизмундовом плане эта стена хорошо видна в деталях. Она имела 57 башен. 45 были глухими, а в 12 были проездные ворота (см. стр. 13). Стены состояли из засыпанных землей срубов и имели вертикальные членения в виде торцов их поперечных стен, между которыми располагались горизонтальные выходящие на поверхность стены бревна венцов. Стена имела двухскатные кровли. Проездные башни были прямоугольными, а угловые и промежуточные - восьмиугольными. Все башни, сильно выдвинутые вперед, были крыты шатрами. Земляные валы, на которых стояли стены и башни, наряду с высотой и мощностью стен башен, придавали крепостным сооружениям вид неприступности.

На верхних торцах сильно выступавших бревен стен был устроен "заборол" - нависающий сверху парапет, ограждающий верхний боевой ход и образующий ярус навесного боя. На башнях также устраивался "облом" - ярус навесного боя. Бойницы располагались, как правило, в несколько ярусов в шахматном порядке в виде горизонтальных прорезей в соединенных бревнах (на манер волоковых окон). Интересно, что Скородом был построен для Москвы "навырост". Он включал в себя и незастроенные пространства.

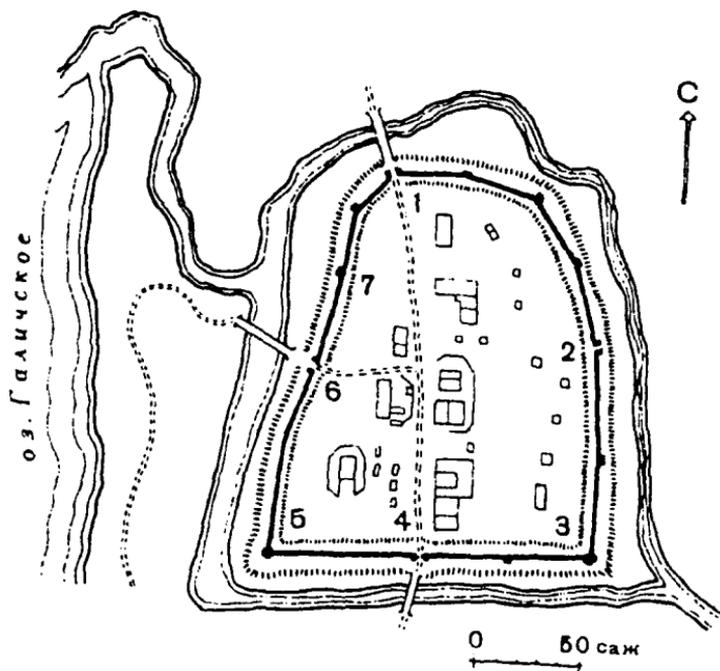
Это уж точно, что "Москва не сразу строилась". Скородом - это уже конец XVI века. К этому времени Москва - город огромный. Сигизмунд Герберштейн, бывший в составе посольства германского императора в Москве в 1517 и 1526 годах, отмечает в своих "Записках о Московии", что перепись домов в Москве, проведенная по повелению Великого князя, показала более 41500 домов.

Английский писатель и дипломат Джайлс Флетчер, бывший английским послом в России в 1588-1589 годах, в своей публикации "О государстве Российском" также повторяет эту цифру и приходит к выводу, что "теперь Москва немного более Лондона".

Судьба играет городами, как и людьми. Было время - в 1246 году при разделе вотчин Великого князя Ярослава Всеволодовича, осуществлявшемся по иерархическому принципу, Галич Мерьский достался пятому сыну, а Москва - шестому. А в XV веке эти города вступили в смертельную схватку за великокняжеский престол. После смерти князя Василия Дмитриевича - старшего сына Дмитрия Донского престол наследовал малолетний сын его Василий Васильевич, а второй сын Дмитрия Донского Юрий Дмитриевич, бывший князем Галичским, а также сделавший свою резиденцию в Звенигороде под Москвой и потому называемый Юрием Звенигородским, вступил в схватку со своим племянником, оспа-

Москва в стенах Юрия Долгорукого. XVII в. План

Крепость Галич. Вторая половина XV в. План

ривая систему престолонаследия. Арбитр сидел в Орде - хан Улу-Махмет. Он решил спор в пользу князя Василия. И спор принял кровавый характер и растянулся на двадцать лет. В 1433 году в двадцати верстах от Москвы на Клязьме Юрий Дмитриевич разбивает войско Московского князя и даже на короткое время воцаряется на Московском престоле, но вскоре умирает. А дело его продолжил сын Дмитрий Юрьевич Шемяка. В 1446 году в заговоре с Можайским и Тверским князьями он захватывает Москву и пленяет Великого князя: "Шемяка поймал Великого князя Василия Васильевича в церкви Троицы у Сергия Чудотворца и привезоша его к Москве и выдра очи ему и послал его на Углич со княжною и детми". Но продержался Дмитрий Шемяка около года, после чего вынужден был бежать, не находя ни в ком поддержки. Бежал в Галич и стал его лихорадочно укреплять: "А город крепит и пушки готовит и рать пешая у него". И вот Василий II (теперь уже Темный, то есть слепой) осаждает Галич. Это было 27 января 1450 года. Дмитрий Шемяка был разбит наголову. Сначала укрылся в крепости, а затем когда горожане, не оказывая сопротивления Великому князю, открыли ворота ("передашася ему"), сумел бежать.

Так что русские крепости предназначались для обороны не только от врага внешнего, но и от единокровных братьев. А История так и продолжает ничему не учить, а только периодически мстит...

История фортификационных сооружений Галича долгая. Начата она, по-видимому, Юрием Долгоруким, а закончена уже к концу XVII века, когда Галич стал городом глубокого тыла. С этого времени крепостные сооружения стали разрушаться вплоть до полного исчезновения. Осталось лишь древнее городище Балчуг, на вершине которого некогда располагалась крепость. На стр.165 представлен план Галичской крепости, относящийся ко второй половине XV века, выполненный по описи 1628 года и чертежу начала XVIII века. Крепость крупная. Место выбрано прекрасно. Городище окружено широким рвом, заполненным водой. Через него перекинуты три подъемных моста, против которых - въездные ворота - одни Афанасьевские в проезжей башне, а Архангельские и Упенские в стене. На восток выходили еще Покровские ворота. В стенах было 12 башен. И стены и башни обеспечивали все виды боя. Внутри крепости стояли два храма, княжеские палаты, гарнизонные, жилые и хозяйственные постройки.

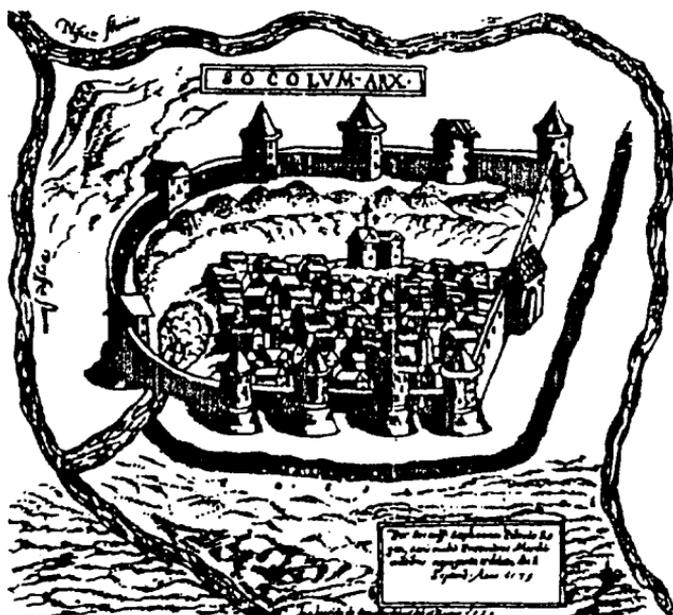
В ходе Ливонской войны вокруг Полоцка в конце 1560 годов был поставлен ряд деревянных крепостей, имевших геометрически правильные планы. Таковы Туровль (квадрат), Копье на озере Суша (прямоугольник), Косьянов и Красна (равносторонний треу-

гольник). Самая крупная крепость в этой системе - Сокол (соединение прямоугольника и половины круга). Такая их конфигурация отчасти объяснялась методом их постройки - сборкой на месте из заготовленных элементов. Но эти геометрические фигуры прекрасно вписывались в рельеф и конфигурацию местности (излучины, береговые линии и т.д.).

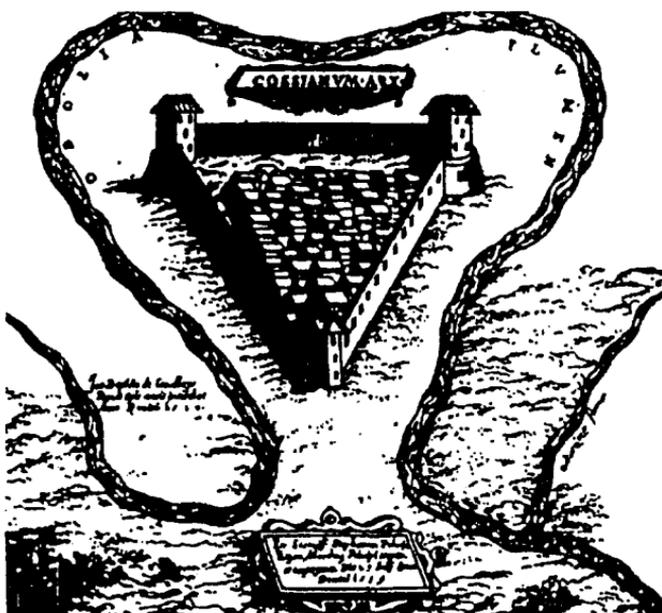
На стр.168 представлены планы таких крепостей Сокол и Касьянов, выполненные на гравюрах XVII века с рисунков С.Пахомовича. На стенах схематично показаны бойницы - в один ряд, а на башнях - в три ряда. Башни сильно вынесены вперед, квадратные в плане, крытые двухскатными или четырехскатными шатровыми кровлями. Есть и многогранные башни, крытые шатрами. Ворота сделаны в башнях, в пряслах стен. Эти крепости имели устройства навесного боя - "заборолы" и "обломы". На рисунках видна подсыпка земли к башням, прорезанная пушечными бойницами. Стены этих крепостей были выполнены из срубов, засыпанных изнутри землей, и имели вертикальные членения в виде торцов поперечных стен (на планах не изображены).

С конца XVI века деревянные крепости прямоугольных очертаний ставились в Сибири (Пелым, 1592, Мангазея, 1601, Томск, 1604, Енисейск, 1619, Красноярск, 1628 и т.д.). На стр.169 представлена реконструкция крепости Мангазея. Мангазея была построена в низовьях реки Таз в 1601 году. Ее называли "вторым Багдадом". "Мягкое золото" высшей, соболиной пробы текло оттуда рекой. Небольшая крепость - всего пять башен, была расположена на мысу. Вокруг нее находилось около двух десятков зимовий со стрелецкими гарнизонами и таможенными заставами. Мангазейский острог нес и ясачную службу - был местом сбора "мягкой рухляди" от "самояди".

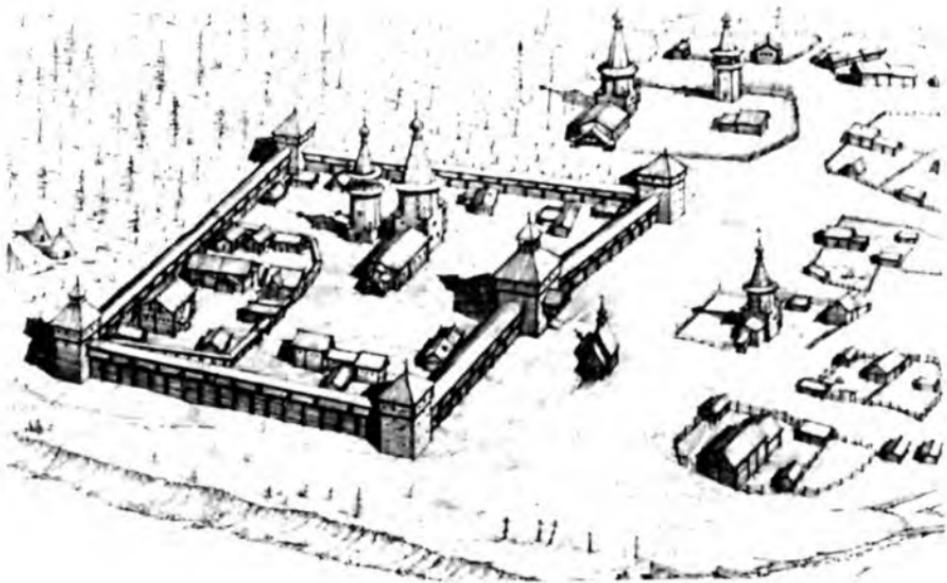
Самой крупной крепостью Сибири, имевшей регулярную структуру, был Якутский острог. Острог был образован двумя рядами стен. Внутренняя стена была срубной и крыта была на два ската. Наружные части стены имели "заборолы" - устройства навесного боя. С внутренней стороны стену обходила галерея. Стена имела восемь башен - по углам и посередине прясел. Башни были многоярусные с бойницами и обломами". Вся эта деревянная крепость была обнесена еще одной крепостной деревянной стеной, расположенной на расстоянии ружейного выстрела от первой. Эта стена представляла собой тын из вертикально поставленных бревен с заостренными концами. И эта стена имела восемь башен с несколькими ярусами боя. Таким образом, крепость представляла собой концентрическую композицию из двух рядов параллельных стен с шестнадцатью башнями. А внутри располагались административ-

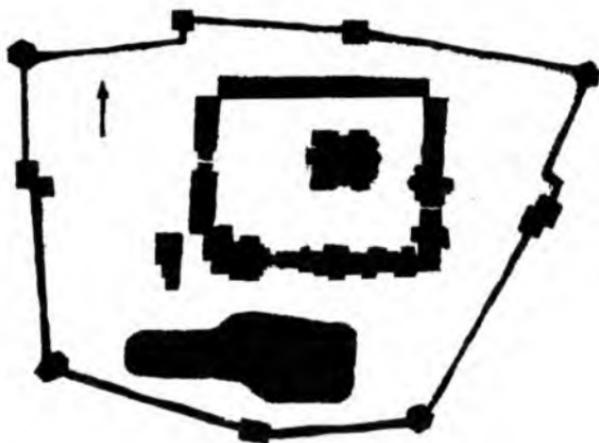
Крепость Сокол. Конец 1560 г. План. (Гравюра XVII в.)

Крепость Касьянов. Конец 1560 г. План. (Гравюра XVII в.)

Крепость Мангазея. 1601 г. Реконструкция

Большой Тихвинский монастырь. План

ные, хозяйственные, жилые постройки, несколько церквей и гарнизонные службы. К середине XVIII века в Якутске было около трехсот дворов, что по Сибирским масштабам было немало. В Якутске сейчас осталась от первоначальной крепости одна только проездная башня, отреставрированная в 1981 году. Башня, квадратная в плане, рублена в лапу, крыта шатром, рубленным “в режь”, имеет круговой “облом”. Над воротами была прирублена навесная часовня.

Такие часовни, как правило, устраивались над въездными воротами как с внешней, так и с внутренней стороны крепости. В сущности они представляли собой балкон, вход на который был изнутри башни. При боевых действиях часовня легко трансформировалась в “облом”. Для этого вынимались доски пола. Вместе с тем наличие часовни подчеркивало главенствующее положение башни.

Крупная деревянная крепость была в Великом Устюге. Из летописи известно, что в 1438 году на берегу Сухоны была сделана “осыпь” и срублена новая крепость с башнями и воротами. Работы велись под руководством воеводы Дмитрия Петровича Львова. Это место получило название “городище”. Затем рядом был построен новый острог. От городища до нас дошла “осыпь”, а от деревянных построек не осталось ничего. Но есть изумительно подробные описания “Городища” и “Острога” по состоянию на 1630 год, сделанные в сотной книге Устюга Микитой Вышеславцевым и подъячим Федоровым.

В 1630 году весь Великий Устюг, за исключением одной соборной церкви, был деревянным.

Приведем краткую выдержку для характеристики высочайшей достоверности описываемого

“На Устюге Великом на посаде у реки Сухоны на берегу городище - ворота Спасские, а на воротах башня рублена о 4 углах, в воротах длина и ширина по 3 сажени с 1/2, а в воротах двои бои верхние, да средние, на верху же образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Нерукотворный, а от Спасских ворот направо по стене до наугольные башни, что у реки Сухоны, 48 сажен с 1/2, а башне мера стена 3 сажени, а другая стена полутретьи сажени, а от наугольные башни по осыпи вниз возле реку Сухону до средние башни, что в стене против Сухоны реки 38 сажен, а башня сгнила и развалилась, а башня мера меж углов на все стороны по 2 сажени, а от средние башни...” и так далее. Если когда-нибудь благодарные потомки захотят воспроизвести устюжскую крепость, это можно будет сделать вполне достоверно.

В целом же из прерванного нами описания следует, что “Городище” в 1630 году только частично было обнесено деревянной сте-

ной длиной 77 1/2 сажени (1 сажень 2,13метра). Большая часть его была окружена валом - "осыпью" (197 1/4 сажени). Общий периметр городища составлял 360 3/4 сажени. По осыпи был поставлен "тын стоячий" (вертикальные бревна, заостренные наверху). К 1630 году он во многих местах развалился. По форме городище являлось неправильным четырехугольником, длиннейшая сторона которого (97 3/4 сажени) тянулась по берегу Сухоны, а три другие были окружены рвами. В стене и по "осыпи" были поставлены семь сторожевых башен Спасская, Сретенская, Водяная, Наугольная, Средняя, Дмитриевская и Вознесенская. Под тремя башнями были проезжие ворота - Спасские, Сретенские и Водяные. Спасская и Сретенская были оборудованы двумя ярусами боя. В "Городище" было мало дворов, как и всегда в старинных укреплениях. Здесь была одна улица и три "односторонка". У Сретенских ворот стояли особняком "осадные амбары". В них можно было укрываться и отстреливаться. Для этого в них были бойницы.

В "Городище" возле Спасских ворот стояли три тюрьмы "опальная", "бражная" и "разбойно-татинная". При них была сторожевая изба. В "Осыпи" же находился "двор государев зелейный" (пороховой), окруженный отдельным тыном длиной 13 3/4 сажени и поперек 4 1/2 сажени: "В Зелейном дворе хранилось много всякого огненного бою. Здесь были сложены самопалы немецкого и русского дела, пищали затинные; здесь же стояли пищали на окованных станинах на колесах. К самопалам и пищалам было много заготовлено пулек и ядер железных и каменных, дробу сеченнова, также и других разных запасов. В зелейном же дворе погреб сосновый поставлен мирскими людьми в длину 3 сажени, а поперек полутретьи сажени, а в нем 84 пуда 12 гривенок зелья, 33 пуда 30 гривенок свинцу"...

Как видим, боеготовность крепости была нешуточная.

В "Городище" стояли две церкви - клетская трехглавая соборная Покрова Богородицы с приделами - Аристратига Михаила и приделом Екатериненским, и одноглавая клетская церковь Варлаама Хутынского с престолом Казанской Богоматери. Стало быть и духовная вооруженность крепости была высокой.

"Большой острог" в 1630 году имел по периметру стен, башен и ворот 875 сажени. В 1620 году часть стены от Пречистенских ворот до Наугольной башни сгорела на протяжении 429 сажени. Башен в остроге было 13: Кабацкая, Спасская, Архангельская, Леонтьевская, Пречистенская, Корелина, Коровкина, две Круглые, Дресвянская, Воскресенская, Наугольная. Первые пять из названных имели въездные ворота с теми же названиями. Башни имели трехъярусные бойницы.

В “Остроге” стояли пять церквей - соборный каменный пятиглавый храм Успенья (1619 год), теплая клетская церковь Козьмы и Домиана, пятиглавая деревянная церковь Прокопия и теплая деревянная церковь Алексея Митрополита, двухглавая церковь Происхождения Честного и Животворящего Креста Господня, а также две колокольни, рубленные в виде шестериков “от пошвы”.

На берегу Сухоны в “Остроге” стояли воеводский и дьячный дворы (“на приезд дьякам и приказным людям”). На Богословской площади стояли избы - съезжая, таможенная, кабацкая и схожая, а также “богадельная” изба (“а живут в ней нищие, скитаются по миру”).

Против Спасских, Архангельских и Леонтьевских ворот были выкопаны рвы 1 1/2 сажени глубиной и до 4 сажений шириной.

В “Остроге” было 14 улиц, 4 проулка, 10 “односторонков” и 4 площади (из них две торговые). За стенами “Острога” находились 4 слободы. В 1630 году в “Городище”, “Остроге” и слободах было 830 дворов. За стенами острога стояли и три монастыря - два мужских Архангельский и Ивановский, и женский Спасский.

Так что Великий Устюг 1630 года был классическим образцом русского средневекового хорошо укрепленного города с крепостями и посадами.

Перейдем теперь от крепостей к монастырям. Монастырские ансамбли складывались по своим законам. В их формировании существенную роль играли те скрытые символы, которые пронизывают религиозные взгляды и представления о мире. Вместе с тем устроители монастырей не могли абстрагироваться от реальных опасностей, которыми была столь щедра жизнь - и иноземный неприятель, и княжеские усобицы, и тать в ночи. Поэтому монастыри уже с первых шагов обретали мужественный, крепостной облик. И место для их устройства выбиралось соответственное. Да к тому монастырские отшельники нуждались еще и в защите от жизненных соблазнов (Отшельник - отошел от внешней жизни, то есть огражден от нее). Так что по сравнению с крепостями монастыри нуждались еще в дополнительных степенях защиты...

Монастыри на Руси появились вместе с христианством. В XI-XII веках их было учреждено около семидесяти. Пятнадцать монастырей было в Киеве. Они стояли на высоких холмах и береговых кручах в пределах прямой видимости - Кирилловский, Иорданский, Кловский, Печерский, Выдубицкий и др. В значительной степени ими определялся облик города. Двадцать монастырей было в Новгороде. Да и вообще на пути из варяг в греки стояло

около пятидесяти монастырей. В XIII веке - в период распада Киевской Руси монастырское строительство переместилось в центральные и северные районы Руси. К концу XIII века было известно уже около ста монастырей. В XIV веке монастыри начинают отрываться от городов и значительная часть новых возводится в лесах и пустынях. Таких монастырей было построено половина из восьмидесяти четырех. А в XV век - пятьдесят два - пустынных и лишь двадцать семь в городах. К концу XVII века на Руси было известно около восьмисот монастырей. И каждый из них - это модель маленького города.

Интересно, что Сигизмунд Герберштейн, на которого мы уже ссылались, писал, что каждый из московских монастырей, а их в ту пору было более сорока: "если смотреть на него издали, представляется чем-то вроде маленького города".

Впрочем, это было так с самого начала монастырского строительства. Уже игумен Даниил в XII веке писал про русские монастыри, что "они городом сделаны".

А процесс их образования - это модель цепной реакции. От крупных, авторитетных монастырей отпочковывались новые. Так только от Троице-Сергиевского монастыря с учетом взаимного отпочкования было образовано двадцать семь пустынных и восемь городских монастырей. Практически все древние монастыри в первоначальном виде были деревянными, но со временем деревянные храмы сменялись каменными, территории расширялись, оконтуривались каменными взамен деревянных крепостными стенами. И сейчас умозрительное восстановление облика деревянных монастырей возможно по древним изображениям, планам, описаниям и игре воображения.

Принципы порядка, как в формировании отдельных культовых построек и их ансамблей основывались на символах веры. Храм был символом неба и земли, рая и ада - сконцентрированное изображение мира. Алтарной своей частью храм должен смотреть на восток где расположен центр земли - город Иерусалим, где на горе Голгофе был распят Иисус Христос. А при входе в храм с западной стороны должна находиться крещальня, как символ прихода в христианство, обретения веры. Алтарь символизирует Вифлеемскую пещеру, в которой был рожден Христос. Символические значения имели цвета и жесты на изображениях. Невидимое таилось в видимом и осмысливалось через видимое. Во всем была гайна и магия.

И композиция ансамбля следовала символическому воспроизведению "Града небесного - Иерусалима". Сутью ее была центрическая система - модель космического порядка. Центральным сим-

волом ансамбля являлось доминирующее по своей духовной значимости здание - главный собор монастыря. Подобно тому, как в храме высота изображения святого однозначно характеризует его духовную иерархию, смысловая, ценностная иерархия построек характеризовалась близостью к главному храму.

Упорядоченная форма должна быть "четверообразной". Таков "горный град Иерусалим". Как сказано про него в Апокалипсисе: "Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта".

Вместе с тем представления о символическом миропорядке были не единственным регламентирующим принципом. Форма определялась и рельефом, и ландшафтом, и необходимостью приращивания территорий со временем. Поэтому в реальных монастырских ансамблях всегда просматривается компромисс между идеальной схемой и обстоятельством места и времени.

Троице-Сергиевский монастырь сыграл выдающуюся роль в отечественной культуре и истории. Высочайший духовный и личностный авторитет его основателя выдвинул его на одно из самых видных мест среди монастырей Руси, и опыт его развития и строительства был принят за образец в монастырском строительстве древней Руси.

Первые свидетельства о первоначальном облике монастыря принадлежат перу его агиографов Епифания Премудрого и Пахомия Серба [39]. Епифаний долгое время жил в монастыре при Сергии Радонежском и начал делать свои записи в 1393 или 1394 годах ("по лете убо едином или по двое" после кончины Сергия). Пахомий Серб писал "Житие" в 1438-1449 годах, но имел возможность "распытывать и вопрошати древние старцы", живших в монастыре при Сергии.

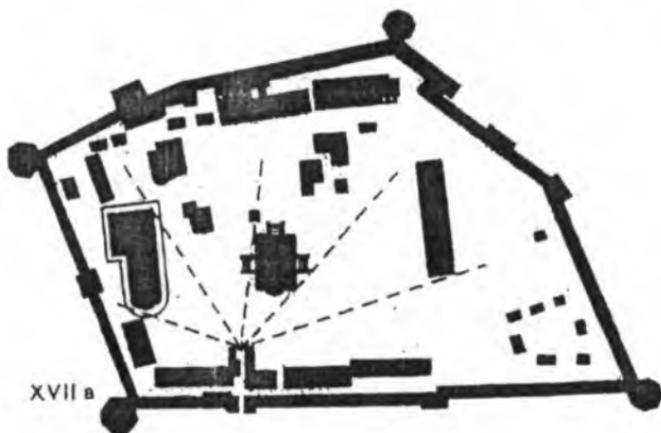
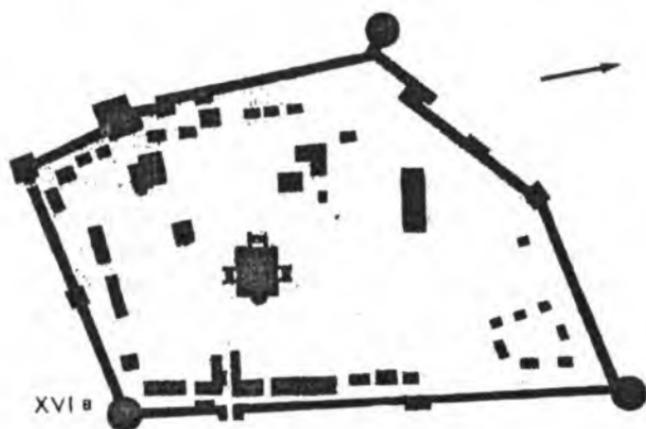
По-видимому, основание монастыря может быть отнесено к 1345 году, когда Сергий на невысоком холме - горе Маковец в лесу, в стороне от дорог и жилья с помощью брата срубил келью и поставил рядом с ней "церкву малую", посвятив ее Живоначальной Троице. Постепенно к нему присоединялись новые монахи. Каждый для себя рубил келью. Уже в 1355 году монастырь был обнесен "не зело пространнейшим тыном", у ворот был посажен "вратарь" и в монастыре был принят устав общинной жизни. Устав предусматривал общее ведение хозяйства. В работах принимали участие все, включая игумена. Потребовалось построить и все общие службы. Трапезную, Поварню, Пекарню, Портомойню и т.д. При этом монастырь был перестроен по единому плану Сергия. Епифаний об этом рассказывал так: "Егда же рассуднейший пастырь и премудрый в добродетелях муж монастырь большой рас-

пространив, келии четверообразно сотворити повеле, посреди их церковь во-имя Живоначальные Троицы отсюда видима, яко зеркало - трапазу же и елико на потребу братии". Таким образом монастырь получил форму, близкую к правильному прямоугольнику. По его сторонам стояли кельи, обращенные окнами на площадь, где стояла церковь и все общественные постройки. Огороды и хозяйственные постройки были расположены за кельями. Епифаний сообщает, что Сергей украсил церковь "всякою подобною красотою". Весь монастырь, вероятно был обнесен тыном - вертикально поставленными дубовыми бревнами высотой 4-6 метров с заостренным верхом. Бревна ставились на земляной "осыпи", образованной при рытье рва. По-видимому, в стене были срублены башни. Известно, что после посещения монастыря Дмитрием Донским перед Куликовской битвой над восточным входом монастыря была учреждена надвратная церковь во имя его духовного патрона - Дмитрия Солунского.

Монастырь был сожжен в 1408 году ханом Едигеем. Преемник Сергия игумен Никон вновь отстраивает монастырь, в основном сохраняя его форму, но расширив его на север и восток. Новая церковь Троицы, тоже деревянная была освящена в 1412 году. В XV веке в монастыре появляются первые каменные храмы. В 1422-1423 годах - Троицкий собор - на месте деревянной церкви. Деревянную церковь переносят по соседству и освящают ее в честь Сошествия Святого Духа. В 1476 году ставят каменную церковь Сошествия Святого Духа на месте деревянной.

На стр.176 представлен план Троице-Сергиева монастыря в конце XV века, а на стр.177 одновременный вид монастыря с востока. Все постройки монастыря были еще деревянными, кроме упомянутых двух церквей. В последующие века территория монастыря была расширена почти вдвое, но при этом в основном была сохранена "четверообразная" форма и сохранен планировочный принцип формирования ансамбля, заложенный Сергием.

По аналогичной планировочной схеме основывались и развивались и многие другие монастыри. Вот описание большого Тихвинского монастыря, основанного в 1560 году: "И на сем же месте... церковь древяну постави...присовокупи же к ней трапезу велику... Близ же сея, благовести ради колокольного содела стройное древяно соделание... По сем постави 42 келии четверообразно убо окрест церкви сия устроив келию к келии совокупив и уравнив я под один покров крепостно и стройно. Посреде же убо лавры стояще Богоматере церковь яко некое око, всюду и благолепием своим вся удивляюща; округ же аки четырьмя стенами от четырех стран келиями зрится ограждена и отовсюду преславно всеми ви-

План Троице-Сергиева монастыря

**Вид на Троице-Сергиев монастырь. Конец XV в.
(Реконструкция)**

цима". На стр.169 представлен план Большого Тихвинского монастыря.

Вместе с тем расстановка зданий внутри монастыря, вариации их ориентации относительно сторон света, игра многочисленных едва заметных "неправильностей" приводила к замечательным эффектам живописности ансамбля и полному исключению какой-либо геометрической засушенности. Ансамбль призван был покоить сердца, и в большинстве случаев это удавалось...

"На стройках кремлей и монастырей сложилось и вызрело одно из драгоценнейших свойств русского зодчества - своеобразная живописность ансамбля. Сочетание горизонтальных массивов стен с разновысокими вертикалями башен и звонниц, с округлостями куполов и стройными шатровыми завершениями - все это придает старым монастырям вольное разнообразие силуэта, роднит их с русским пейзажем, с его свободными, мягкими очертаниями, с его особенным содружеством глади полей и разбросанных по ним перелесков". [4].

Древняя Русь создала уникальную, неповторимую деревянную цивилизацию. Деревянное зодчество Руси - прекрасный, могучий, животворный пласт отечественной и мировой культуры. И хоть в поэтическом зачине этой книги содержался призыв не печалиться по поводу неизбежных утрат, нельзя не понимать, что это свет уже угасшей звезды, и не печалиться просто никак невозможно. Но всему этому мы обязаны тому лучшему что есть в лучших из нас.

Царские врата иконостаса

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И МАЛОУПОТРЕБЛЯЕМЫХ СЛОВ

Алтарь - восточная пристройка храма, отделенная от основного объема алтарной преградой (стеной) или иконостасом.

Апсида - алтарный выступ (прируб).

Балясина - фигурная стойка ограждения галерей, балконов, звонниц.

Бойница - отверстие в крепостной стене, в башне, в стене осадного амбара для стрельбы по неприятелю, осаждающему крепость.

Бочка - перекрытие в форме полуцилиндра с усеченным низом и заостренным верхом (килевидным).

Брус - здесь форма здания, состоящего из ряда срубов, стоящих один за одним под единой прямоскатной кровлей.

Вежа - сторожевая наблюдательная башня, чаще стоящая отдельно, иногда крепостная.

Венец - горизонтальный ряд бревен сруба, сплоченный на концах врубками.

Верх - композиция завершения здания.

Висячее крыльцо - крыльцо на кронштейне, образованном напуском бревен.

Волоковое окно - небольшое горизонтальное оконце, образованное прорезью половин двух соседних бревен, заволакиваемое дощатой задвижкой.

Восьмерик - восьмигранный сруб, составляющий здание в целом или его надстройку.

Всход - лестница из одного или нескольких маршей с рундуками

Выпуски - концы бревен, выступающие за стены сруба для выноса кровли над фронтоном или для кронштейна под крыльцо или галерею, или расположения длинной лавки, примыкающей к стене дома.

Галерея (паперть, гульбище) - открытая или закрытая пристройка к зданию с западной, часто с северной и южной сторон, выполненная в виде террасы, опирающейся на столбы или кронштейн из выпуска бревен.

Глава - церковный купол в виде луковки с крестом, завершающий здания церковей, часовен, приделов, алтарей.

Глаголь - дом с расположением срубов в плане в форме буквы Г, под кровлей такой же конфигурации.

Гонт - короткий кровельный тес применявшийся для покрытий церковных верхов сложной формы.

Горница - от горний (верхний). Комната, как правило, над подклетом или даже на втором этаже, чистая половина дома.

Городок - узор в виде зубца на подзорах, деревянной резьбы.

Двор - хозяйственная (нежилая) часть избы

Домовина - гроб. В старину однодеревый - долбленный, потом сколоченный.

Дымник - устанавливаемый на крыше дощатый (чаще резной) выход для дыма, закрываемый изнутри заслонкой.

Жеравец - рычаг с перевесом для подъема тяжестей (подъемного моста).

Заборол - парапет, нависающий вверху крепостных стен, для ведения навесного боя.

Замок - центральный круг на потолке типа "небо", в который входят концы наклонных балок, несущих потолочные доски.

Иглой (рубка) - вязка поперечными слегами.

Клеть - крытый сруб с полами, потолками, дверями и окнами.

Клинчатая кровля - остроугольная прямоскатная крыша.

Князек (кнес, конек) - верхний стык двух скатов кровли, покрытый охлупнем.

Кокошник - декоративное украшение в форме бочки с короткой образующей, располагаемое на стенах и в основаниях шеек главок.

Косячатое окно - обрамленное косяками, "красное" окно.

Кошель - дом из нескольких жилых срубов для нескольких семей с общими хозяйственными постройками под общей кровлей.

Крещатая бочка - покрытие церковного верха, образуемое пересечением двух бочек под прямым углом.

Куб - четырехгранное покрытие четверика, имеющее в любом горизонтальном сечении квадрат, внешне напоминающее крупную луковицу с усеченным основанием и вытянутым верхом.

Кубоватая церковь - церковь, крытая кубом, имеющая кубоватый верх.

Курица - наклонная слега кровли, имеющая на нижнем конце корневое утолщение с корневыми ответвлениями, на которые укладывается поток (водотечник).

Курная изба (рудная) - изба, отапливаемая по черному.

Лапа (рубка в лапу) - соединение бревен в виде замка на концах бревен без выпускных концов.

Лас (выскабливать в лас) - стесывание округлостей бревен на внутренних стенах, придание стенам формы плоской поверхности.

Лемех - деревянная дощечка фигурной формы (чаще из осины) для покрытия сложных поверхностей (главы, их основания, бочки, шатры, кубы и т.д.).

Матица - несущая балка дома. К ней крепится потолок.

Наличник - обрамление оконных проемов. Часто украшались декоративной резьбой.

Небо - церковный потолок, разделенный на сектора между радиальными балками-тяблами с центральным круговым замком. Доски между тяблами покрыты изображениями святых, тябла - декоративной росписью.

Облом (облам) - навес в оборонительной башне для ведения навесного боя.

Обло (рубка в обло) - соединение бревен в замок по округлому, при котором бревна имеют выпускные концы.

Острог - крепость город, укрепленные тыном.

Охлупень - выдолбленное тяжелое бревно, накрывающее верхний стык скатов кровли. Часто имел спереди резное украшение в форме головы коня.

Охряпка (рубка) - "скорый, но дурной способ; концы бревен стесываются с обеих сторон, затем каждое верхнее бревно врубается до половины в исходнее" (В.Даль).

Повал - дугообразный свес стены под крышей.

Повалуша (повалыша) - башенная, высотная часть дома, в которой устраивалась летняя общая спальня, куда семья уходила спать из отапливаемой избы, чистой горницы (повалиться, т.е. спать).

Поветь - помещение под крышей в крестьянском дворе, располагаемое на втором этаже, куда ведет ввоз.

Погост - здесь сельский приход, объединяющий ряд деревень, имеющий церковь. Позднее церковь с домами священников и причта, и с кладбищем. Еще позднее - просто кладбище.

Подзор - резная доска с узором, подшитая у нижнего края карниза, лавки и т.д.

Подклет - нижний этаж под основной клетью, "исподний ярус ввужилой избы" (В.Даль), чаще использовался для хозяйственных нужд.

Полица - нижняя пологая часть крутой кровли (шатра, бочки, линчатой), предохраняющая стены от намокания.

Полотенце (ветреница) - вертикальная резная доска вдоль ребра кровли, закрывающая стык причелин.

Поток (застреха, водотечник) - желоб под полицами для отвода воды.

Придел - прируб с южной или северной стороны храма, часто имеющий самостоятельный алтарь, главу и вход.

Прируб - пристройка к основному зданию, входящая в его композицию, уступающая ему по высоте.

Притвор - прируб с западной стороны храма, чаще всего используемый для трапезной.

Причелина - резная доска, закрывающая торцы прямоскатной кровли. Вообще доски "при челе" - украшающие фасад дома, ворота, вход, печь. "Резная прибоина". (В. Даль).

Прясло - часть крепостной стены между башнями.

Прямоскатное покрытие - соединение плоских кровель под тем или иным углом.

Реж (сруб) - бревна положены с зазорами и связаны между собой только в углах.

Рундук - верхняя площадка крытого крыльца, мощенное возвышение, к которому ведут ступени.

Самцовая кровля - безгвоздевая кровля, образованная треугольным бревенчатым фронтоном и врубленными в него горизонтальными бревнами - слемами. Врубленные концы - самцы.

Сени (передызье) - входное помещение, ведущее в основные помещения.

Скала - слой бересты под кровельным тесом, укладываемый на внутренний слой теса - "подскальник", - гидроизоляция.

Слега - горизонтальное бревно - подкровельное основание.

Сруб - скрепленные рубкой ряды венцов, образующие стены постройки.

Столбец - резной столб, устанавливавшийся в головах могилы, надгробие.

Столп - башнеобразное здание.

Тын - деревянный сплошной забор (заплот) из вертикальных бревен с заострениями сверху, огораживающий поселения, крепости, монастыри.

Тябло - горизонтальные полки из брусьев, на которых ставились иконы (тябловый иконостас); наклонные балки в потолке церкви типа "небо".

Фронтон - верхняя часть бревенчатой стены, ограниченная скатами прямоскатной или прямолинейной кровли.

Хоромы - комплекс жилых и дворцовых построек, связанных между собой сенями, переходами, а иногда и общими кровлями.

Часовня - храмик без алтаря - для молений, но не для служб.

Четверик - четырехгранный сруб, как правило, квадратный в плане.

Шатер - покрытие в форме многогранной пирамиды (четыре, шесть, восемь граней) башен, церквей, колоколен, хором, крылец.

Шея - барабан, основание главки.

Щипец - остроугольное завершение фронтона. По нему - пощипцовое покрытие.

Ярусные церкви - ступенчатая композиция из убывающих по высоте и объему частей здания.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.В.Суслов О древних деревянных постройках северных окраин России. В кн. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб Типография А.Ф.Маркса 1889. 124 с.
2. А.В.Иконников Тысяча лет русской архитектуры. М. Искусство 1990. 384 с.
3. А.В.Ополовников Сокровища русского Севера. М. Стройиздат 1989. 366 с.
4. И.Э.Грабарь История русского искусства. т.1 Архитектура М. Изд. Кнебель 1919 508 с.
5. Дерево в архитектуре и культуре славян. М. "Искусство" 1987. 271 с.
6. А.В.Ополовников Кижский М. "Искусство" 1976. 107 с.
7. А.В.Ополовников Русское деревянное зодчество: Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М. "Искусство" 1986.
8. П.А.Раппопорт Древние русские крепости М. 1975.
9. Ю.С.Ушаков Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера Л. Стройиздат 1982. 167 с.
10. Г.Н.Гунн Каргополье - Онега М. "Искусство" 1989. 167 с.
11. История русского искусства т.1 Искусство X - первой половины XIX века под ред. М.М.Раковой и И.ВРязанцева М. "Изобразительное искусство" 1991. 508 с.
12. А.А.Голашевич Художественные памятники Селигерского края М. "Искусство" 1974. 183 с.
13. Г.Н.Гунн Каргопольский озерный край М. "Искусство" 1984. 181 с.
14. А.А.Тиц На земле древнего Галича М. "Искусство" 1971. 135 с.
15. О.Д.Балдина От Валдая до Старицы М. "Искусство" 1968. 118 с.
16. Э.С.Смирнова По берегам Онежского озера М. "Искусство" 1969. 135 с.
17. В.Г.Брюсова По Олонецкой земле М. "Искусство" 1972. 133 с.
18. А.К.Чекалов По реке Кокшеньге М. "Искусство" 1973. 120 с.
19. М.И.Мильчик По берегам Пинеги и Мезени Л. "Искусство" 1971. 159 с.
20. Ю.М.Гоголицын, Т.М.Иванова Архитектурная старина Леннинград 1971. 141 с.
21. И.Бартенев, Б.Федоров Архитектурные памятники русского Севера Л-М "Искусство" 1968. 257 с.

22. Г.Бочаров, В.Высоков Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М. "Искусство" 1979..351с.
23. И.Е.Забелин Опыты изучения русских древностей в истории М. 1972 ч.1
24. А.М.Тверской Русское градостроительство до конца XVII в. Л.-М. 1953.
25. С.Забело, В.Иванов, П.Максимов Русское деревянное зодчество М. 1942.
26. Н.Никольский История русской церкви. М. 1930.
27. В.В.Бычков Русская средневековая эстетика (XI-XVII век) М. Мысль 1992. 638 с.
28. П.Н.Максимов Творческие методы древнерусских зодчих М. Стройиздат 1976. 240 с.
29. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М. Искусство 1989. 379 с.
30. Д.С.Лихачев Заметки о русском. М. Сов.Россия. 1984 121 с.
31. История русской архитектуры М 1951 297 с.
32. М.А.Ильин Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образ. М. Искусство 1980. - 297 с.
33. Я.В.Малков Шедевры древнерусского зодчества XI-XVII веков. Традиции и новаторство М. 1995. - 218 с..
34. И.Грабарь Русские города рассадники искусства. Собрание иллюстраций монографий. Вып.1 Б. фон Эдинг. Ростов Великий. Углич. М. Изд. Кнебель 1913. 199 с.
35. Б.Дунаев Город Устюг Великий М. Изд. Т-во "Образование" 1919. 54 с.
36. Н.М.Карамзин Записки старого московского жителя. М. Московский рабочий. 1986. 526 с.
37. Московский летописец 1 М. Московский рабочий 1988. 351 с.
38. Ю.Н.Бураков Под сенью монастырей московских. М. Московский рабочий 1991. 285 с.
39. Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники М. Искусство 1968. 187 с.
40. Н.Я.Тихомиров, В.Н.Иванов Московский Кремль М. Издательство литературы по строительству 1967. 259 с.
41. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Тома 1-У1. Под общей редакцией П.П.Семенова - Вице-председателя императорского русского географического общества. Издательство товарищества МО.Вольф 1898 г.
42. Славяне и скандинавы. М. "Прогресс". 1986м 411 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Строительные приемы в деревянном зодчестве	14
2. Декоративные приемы в деревянном зодчестве	22
3. Архитектура жилища	29
4. Архитектура культовых построек	37
4.1. Клетские церкви и часовни	38
4.2. Шатровые церкви	53
4.3. Кубоватые церкви	84
4.4. Ярусные церкви	90
4.5. Многоглавые церкви	99
4.6. Колокольни	109
5. Деревянные архитектурные ансамбли	117
5.1. Деревни, села, погосты	119
5.2. Культовые композиции	125
5.3. Хоромы и дворцы	145
5.4. Крепости и монастыри	160
Словарь терминов и малоупотребляемых слов	179
Литература	183